

Московский городской педагогический университет

Всероссийское периодическое издание

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

2022

№ 2 (42)

Выходит 4 раза в год

ISSN (print): 2223–6872

ISSN (online): 2223–6880

Москва

2022

Системная психология и социология: научно-практический журнал. М.: МГПУ, 2022.
№ 2 (42). 120 с.

ISSN (print): 2223–6872

ISSN (online): 2223–6880

Редакционная коллегия

Романова Евгения Сергеевна (главный редактор, Москва),
Рыжов Борис Николаевич (зам. главного редактора, Москва),
Витковски Лех (Слупск, Польша), Волкова Елена Николаевна (Санкт-Петербург),
Волковская Татьяна Николаевна (Москва), Вяткин Бронислав Александрович (Пермь),
Дочкал Владимир (Братислава, Словакия), Иванников Вячеслав Андреевич (Москва),
Иванов Денис Васильевич (Новосибирск), Левченко Ирина Юрьевна (Москва),
Леньков Сергей Леонидович (Тверь), Лидак Людмила Валентиновна (Пятигорск),
Прюс Франц (Грайфсвальд, Германия), Рубцова Надежда Евгеньевна (Тверь),
Ткачева Виктория Валентиновна (Москва), Толстикова Светлана Николаевна (Москва)

Редакционный совет

Рыжов Борис Николаевич (председатель, Москва),
Шейнов Виктор Павлович (зам. председателя, Минск, Беларусь),
Абушкин Борис Михайлович (Москва), Аншакова Валентина Васильевна (Астрахань),
Арзуманов Юрий Леонидович (Москва), Бакшутова Екатерина Валерьевна (Самара),
Бершедова Людмила Ивановна (Москва), Георгиева Росица (София, Болгария),
Жданова Светлана Юрьевна (Пермь), Забродин Юрий Михайлович (Москва),
Казак Тамара Владимировна (Минск, Беларусь), Карпова Наталия Львовна (Москва),
Коган Борис Михайлович (Москва), Консон Григорий Рафаэльевич (Москва),
Лобанов Александр Павлович (Минск, Беларусь), Миронова Татьяна Ивановна (Кострома),
Романова Евгения Сергеевна (Москва), Рычихина Элина Николаевна (Москва)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций. Регистрационный номер: ПИ № ФС77–37716 от 29.09.2009 г.

Заключением Президиума ВАК Минобрнауки России № 13–6518 от 01.12.2015 г.
журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук

Учредитель: Московский городской педагогический университет

Индекс издания в подписном интернет-каталоге «Пресса России» (www.pressa-rf.ru): 80651

Зав. редакцией О. В. Котова

Адрес редакции: Москва, Петровско-Разумовский пр., 27

Тел.: +7 (495) 612-67-16

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Электронная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций.

Регистрационный номер: ЭИ № АС77–37715 от 29.09.2009 г.

<http://www.systempsychology.ru>

© ГАОУ ВО МГПУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Психологические исследования

Беляева О. А. Речевая тревожность как психолого-педагогическая проблема современных обучающихся	5
Богданова В. Е., Сериков В. В., Закревская А. А., Дмитриева Е. В. Системная оценка личностных свойств машинистов в контексте риска внезапной смерти	14
Екжанова Е. А. Современное состояние специального и инклюзивного образования	26
Ермолова Е. О. Системный анализ склонности личности к экстремизму в зависимости от типа психологических границ	36
Медведева Е. А., Данилова Ю. Н. Системно-историческая ретроспектива категории «семья» в социологии и психологии	53
Стреленко А. А. Проблема образа человека как субъекта социально-перцептивного отражения: системный анализ.....	64
Шевченко П. В. Вне фокуса внимания школы: подготовка выпускника к работе	75

История психологии и психология истории

Рыжов Б. Н., Котова О. В., Донцов Д. А. Эмоциональное восприятие различных архитектурных стилей студенческой молодежью	84
Иванов Д. В. Системные этико-психологические представления в ранних диалогах Платона.....	95

Социологические исследования

Хилханов Д. Л. Системный подход в современных культурных типологиях.....	105
---	-----

Информация

Юбилей Галины Анатольевны Урунтаевой!	112
Сведения об авторах журнала «Системная психология и социология», 2022, № 2 (42).....	113
Требования к статьям.....	119

CONTENTS

Psychological Researches

Belyaeva O. A. Speech anxiety as a psychological and pedagogical problem of modern students.....	5
Bogdanova V. E., Serikov V. V., Zakrevskaya A. A., Dmitrieva E. V. System assessment of the personal characteristics of machinists in the context of a sudden death risk.....	14
Ekzhanova E. A. The current state of special and inclusive education.....	26
Ermolova E. O. System analysis of a person's propensity to extremism depending on the type of psychological boundaries.....	36
Medvedeva E. A., Danilova Yu. N. System-historical retrospective of the "family" category in sociology and psychology.....	53
Strelenko A. A. The problem of a person's image as a subject of socio-perceptual reflection: system analysis.....	64
Shevchenko P. V. Out of the focus of the school's attention: preparing a graduate for work.....	75

History of Psychology and Psychology of History

Ryzhov B. N., Kotova O. V., Dontsov D. A. Emotional perception of various architectural styles by the student's youth.....	84
Ivanov D. V. Systemic ethical and psychological concepts in Plato's early dialogues.....	95

Sociological Researches

Khilkhanov D. L. The system approach in modern cultural typologies.....	105
--	-----

Information

Anniversary of Galina Anatolyevna Uruntaeva!.....	112
Authors of the Journal «Systems Psychology and Sociology», 2022, № 2 (42).....	113
Author Guidelines.....	119

УДК 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.01

РЕЧЕВАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ

О. А. Беляева,
ЯГПУ, Ярославль,
olga-alekseevna@mail.ru

В статье обосновывается значимость системного исследования речевой тревожности как одного из наиболее проблемных проявлений типичного эмоционального состояния современных школьников в различных коммуникативных ситуациях, в том числе связанных с необходимостью публичных выступлений. Акцентируется внимание на отсутствии в психолого-педагогической литературе анализа данной проблемы в отношении детей младшего школьного и подросткового возраста.

В качестве психодиагностического инструментария применен опросник «Контроль состояния речи», основывающийся на самооценке респондентом типичных трудностей и переживаний, связанных с расстройством речи и голоса. На основании исследования с участием 210 обучающихся 3–5-х классов общеобразовательных школ представлены выводы о характерных проявлениях речевой тревожности в коммуникации детей на этапах окончания начальной школы и начала обучения в основной школе. Доказан выраженный высокий и критически высокий уровень тревожности в процессе вербальной коммуникации и в ситуациях публичных выступлений для абсолютного большинства учащихся. Выявлены единичные случаи ответов, демонстрирующих полную уверенность детей в собственных речевых способностях и возможностях.

Представлен качественный уровневый анализ проявлений речевой тревожности обучающихся в каждой из параллелей, в котором отражена специфичная динамика проявлений негативных эмоциональных переживаний школьников. Установлено снижение тревожности у мальчиков и ее нарастание у девочек на протяжении исследуемого периода. Сделаны выводы о необходимости организации психокоррекционной работы с обучающимися по оптимизации их коммуникации и снижения речевой тревожности, определены возможные стратегии ее проектирования и реализации.

Ключевые слова: системное исследование; речевая тревожность; коммуникация; обучающиеся; мальчики; девочки.

Для цитаты: Беляева О. А. Речевая тревожность как психолого-педагогическая проблема современных обучающихся // Системная психология и социология. 2022. № 2 (42). С. 5–13. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.01

Беляева Ольга Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии начального обучения Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, Ярославль.

E-mail: *olga-alekseevna@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-1524-0803

SPEECH ANXIETY AS A PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL
PROBLEM OF MODERN STUDENTS

O. A. Belyaeva,
YSPU, Yaroslavl,
olga-alekseevna@mail.ru

The article substantiates the importance of a systemic study of speech anxiety as one of the most problematic manifestations of the typical emotional state of modern schoolchildren in various communicative situations, including those related to the need for public speaking. Attention is focused on the absence of the analysis of this aspect in the psychological and pedagogical literature in children of primary school and adolescence.

As a psychodiagnostic tool, the questionnaire Control of the state of speech, based on the respondent's self-assessment of typical difficulties and experiences associated with speech and voice disorders was used. Based on a study involving 210 students of grades 3–5 of secondary schools, conclusions about the characteristic manifestations of speech anxiety in children's communication at the stages of primary school graduation and the beginning of secondary school are presented. A pronounced high and critically high level of anxiety in the process of verbal communication and in public speaking situations has been proved for the absolute majority of students. Isolated cases of responses demonstrating complete confidence and calmness of children in their own speech abilities and capabilities have been identified.

A qualitative level analysis of the manifestations of speech anxiety of students in each of the parallels, which reflects the specific dynamics of the manifestations of negative emotional experiences of schoolchildren is presented. A decrease in anxiety in boys and its increase in girls during the study period were found. Conclusions about the need to organize psychocorrective work with students to optimize their communication and reduce speech anxiety are drawn, possible strategies for its development and implementation are identified.

Keywords: systemic research; speech anxiety; communication; students; boys; girls.

For citation: Belyaeva O. A. Speech anxiety as a psychological and pedagogical problem of modern students // Systems Psychology and Sociology. 2022. № 2 (42). P. 5–13. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.01

Belyaeva Olga Alekseevna, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Primary Education of the Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia.

E-mail: olga-alekseevna@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1524-0803

Введение

Тревожность детей и подростков — одна из типичных проблем современности, с необходимостью решения которой сталкиваются многие родители, педагоги, психологи. По результатам многочисленных публикаций количество эмоционально нестабильных, подверженных стрессам, тревожных детей школьного возраста увеличивается независимо от их уровня успеваемости, а ситуация пандемии, необходимости совмещать реальный и дистанционный формат взаимодействия и обучения выступает дополнительным провоцирующим

фактором в дестабилизации эмоционального самочувствия школьников.

Проблемой тревожности занимались многие зарубежные (З. Фрейд, К. Хорни, Г. С. Салливан, С. Б. Сарасон, Е. Изард, Б. Филлипс и др.) и отечественные (А. М. Прихожан, А. В. Микляева, П. В. Румянцева, И. В. Дубровина, А. И. Захаров и др.) ученые и практики. Этому понятию дано большое количество определений, и во всех подчеркивается общий смысл, связанный с эмоциональным дискомфортом, ожиданием неблагоприятного, предчувствием потенциальной опасности, состоянием чрезмерности переживаний, ощущением страха и тревоги в определенных

социальных обстоятельствах. А. М. Прихожан характеризует тревожность как личностное свойство, формирование которого представляет собой результат ненадежности межличностных отношений в ближайшем окружении и неудовлетворенности социогенных потребностей [13: с. 4]. Как одну из движущих сил невротического развития ребенка характеризует тревожность А. И. Захаров [5: с. 44].

Тревожность как индивидуальная психологическая особенность выступает показателем неблагополучия и связывается с предрасположенностью личности испытывать переживания даже в потенциально неопасных ситуациях [10: с. 12]. Она может рассматриваться и как форма адаптации к новой среде, но при этом может свидетельствовать о ее нарушении, оказывая существенное негативное воздействие на поведение, процесс и результаты деятельности. Так, тревожность признается одной из самых значимых причин школьной дезадаптации, возникающей на основе неудовлетворения социальных контактов ребенка в новой среде, его ожиданий и надежд на будущее [1; 14: с. 87]. Н. В. Литвиненко и Е. Г. Савина комментируют, что она проявляется в ситуациях, в которых ребенок опасается вызвать неодобрение, когда он ощущает собственное несоответствие групповым нормам и стандартам, боится неприятия, осуждения, наказания от значимых людей и последующей социальной изоляции, она сопровождается зажатостью и чрезмерным напряжением в субъективно и объективно значимых ситуациях (проверка знаний, общение со взрослыми и многочисленными сверстниками, выполнение ответственных учебных и внеучебных заданий и поручений и др.) [9; 15].

При многочисленных подходах к изучению личностной и ситуативной тревожности детей крайне редко внимание уделяется такому аспекту, как речевая тревожность, которая достаточно часто соотносится с ситуационной, а иногда и с общей тревожностью. В немногих публикациях, рассматривающих указанную проблему, вводятся термины «речевая тревога» (как «чрезмерные переживания по поводу собственной речи») и «логофобия» (буквально — «страх речи») [4; 6]. У. Фремоу и Дж. Брайтенштейн определяют

подобное состояние как «неадекватные когнитивные и физиологические реакции на события окружающей среды, которые приводят к неэффективному поведению при публичных выступлениях» [19: с. 463]. Но, исходя из понимания, что рассматриваемое явление проявляется именно как склонность субъекта испытывать негативные эмоциональные переживания в качестве отклика на определенную ситуацию, употребление термина «речевая тревожность» более адекватно. «Под речевой тревожностью понимается склонность к переживанию особого эмоционального состояния в момент речи, а также беспокойство, опасения ребенка, связанные с его собственной речью» [3: с. 54]; она провоцируется ситуацией речевого неуспеха, в случае повторных неудач закрепляется как типичная реакция, а при повышенной чувствительности ребенка даже единичный факт может сыграть определяющую негативную роль.

Проявление речевой тревожности закономерно разворачивается в определенной последовательности: говорящий боится быть подвергнутым негативному осуждению или оценке из-за своего беспокойства, эти мысли запускают соответствующие поведенческие реакции (учащенное дыхание, прерывистость речи, длительные паузы при необходимости употребить новый оборот речи или термин), вплоть до намеренного избегания ситуаций, в которых придется выступать публично; новизна или неопределенность некоторых ситуаций, в том числе публичных выступлений, является типичным триггером тревожности в коммуникации [19].

Речевая тревожность возникает и довольно ярко проявляется у детей еще в дошкольном возрасте. Р. Е. Левина указывает на тесную взаимосвязь процессов понимания речи ребенком, ее непосредственным развитием и формированием отношения, самооценки собственной речи: появлением и закреплением реакций на ее невнятность для других [8]. Таким образом, с усложнением форм и способов вербальной коммуникации нарастает эмоциональное напряжение, связываемое и с ее содержательной стороной, и с оценкой выбираемой речевой стратегии (планированием и конструированием схемы высказывания, выбором

речевых средств, возможностью спонтанных непосредственных вербальных откликов на меняющиеся обстоятельства и перестройкой произносимого текста и т. д.). На этапах естественной интенсификации разговорной речи, связанных с возрастной динамикой, определенные переживания и затруднения испытывает практически каждый ребенок, при этом С. М. Валявко доказывает, что «эмоциональные переживания и тревожность в ситуации речевого общения являются общей закономерностью дошкольного возраста, свойственной всем детям» [3: с. 54].

Мы вынуждены констатировать, что на данный момент в психолого-педагогических исследованиях можно найти сведения о проявлениях речевой тревожности детей дошкольного возраста, а далее публикации касаются уже только ситуации старшекласников и студенческих аудиторий. При этом учеными и практиками осознается значимость исследования проблемы на каждом из возрастных этапов. Так, А. Г. Самохвалова подчеркивает, что ситуация игнорирования нарушений ранних этапов онтогенеза коммуникативной сферы личности неминуемо провоцирует необратимые последствия, которые позже проявятся в полном объеме [16: с. 132]. Предлагая программу обследования коммуникативных универсальных учебных действий школьников, Е. Л. Черкасова настаивает на том, что наряду с оценкой мотивационного компонента коммуникации, речевых притязаний и коммуникативных склонностей, «учителю важно выявить уровень самооценки речи, речевой тревожности, прояснить причины речевой инактивности ребенка» [17: с. 93].

Ввиду важности понимания характера протекания процессов формирования речевой тревожности, становящейся серьезным препятствием к реализации значимых коммуникативных задач в подростковом, юношеском и дальнейших возрастных периодах [2], нами было проведено изучение данного аспекта у обучающихся на этапе окончания начальной школы и начала обучения в пятом классе.

Материалы и методы исследования

Исследование было произведено с использованием методики «Контроль состояния речи» (И. М. Луцкихина, В. К. Гайда, В. В. Лоскутов), разработанной на основе модифицированной шкалы Р. Эриксона, содержащей предложения, описывающие типичные эмоциональные состояния в различных коммуникативных ситуациях. Методика построена по принципу самооценки и является прогностичной в отношении умений контролировать и корректировать свое речевое поведение [12: с. 256]. Ценность методики заключается в том, что она позволяет описывать симптоматику психического компонента расстройства речи и голоса.

В 2019–2021 гг. были продиагностированы 210 обучающихся 3–5-х классов общеобразовательных школ Ярославля: 71 пятиклассник, 85 четвероклассников, 54 обучающихся третьих классов. Статистическая обработка данных производилась с использованием программного пакета SPSS Statistics 19.0 (*t*-критерий Стьюдента, критерий Краскела – Уоллиса (*H*-критерий), коэффициент корреляции Спирмена).

Результаты и их обсуждение

Во-первых, отметим, что из общего числа опрошенных только четверо учащихся в своих ответах демонстрируют чрезмерную уверенность в собственных речевых способностях, считая свои вербальные навыки несомненными. По мнению ряда авторов, такие испытуемые склонны к завышенной самооценке и если такая ситуация сохраняется на протяжении длительного времени и закрепляется как стратегия поведения, то в будущем у них проявляется склонность брать на себя функции ментора, наставника, использовать преимущественно назидательный тон в коммуникации [11].

В среднем по выборке опрошенных мы можем говорить о фиксируемой высокой речевой тревожности школьников (табл. 1). Индивидуальные результаты в разных параллелях, как девочек, так и мальчиков, крайне

Таблица 1

Выраженность речевой тревожности обучающихся (средний балл)

Класс	Мальчики (\bar{x})	t-критерий Стьюдента	Девочки (\bar{x})
3	11,43	$t_{эмп} = 0,8$	10,29
4	8,29	$t_{эмп} = 2,5^*$	11
5	6,93	$t_{эмп} = 3,3^{**}$	11,12
Среднее значение	8,883	$t_{эмп} = 1,4$	10,803

Примечание: * — различия в зоне неопределенности; ** — различия значимы при $p \leq 0,01$.

редко опускающиеся ниже пяти баллов, свидетельствуют об общей атмосфере беспокойства и неуверенности в ситуациях повседневной коммуникации и при необходимости публичных высказываний. При этом стоит отметить, что чем младше опрашиваемые, тем меньшие различия мы фиксируем в результатах гендерных групп.

Младшие школьники испытывают практически одинаковые переживания по поводу вербальной коммуникации, а к началу подросткового периода (в пятом классе) различия в результатах приобретают статистическую значимость: девочки оказываются больше подвержены стрессу по сравнению с их сверстниками мужского пола. Вполне вероятно, такая ситуация является отражением общей большей чувствительности к внешним оценкам и повышенной тревожности девочек-подростков на этапе перехода и адаптации на новом этапе обучения.

Отметим также, что исследованная на отдельной выборке испытуемых связь между речевой тревожностью и самооценкой школьника показывает независимость данных показателей: расчет корреляционных связей ($rs = -0,148$) отражает обратную связь, но не достигает уровня статистической значимости. Следовательно, дети с тенденцией к заниженному самовосприятию закономерно

в некоторых ситуациях коммуникации тревожатся сильнее, но в целом эта проблема характерна для всех школьников.

При анализе взаимосвязи показателей речевой тревожности и успеваемости школьников (которая была рассчитана как средний балл промежуточной аттестации за три учебных четверти по основным предметам) обнаружен статистически значимый показатель: коэффициент корреляции составил $-0,702$; это свидетельствует о том, что чем выше речевая тревожность, тем ниже успеваемость у ребенка. Особенно данный аспект отражается на успеваемости по предметам, содержащим задания с текстовыми фрагментами, развернутые устные ответы и диалоговые формы работы. Таким образом, отношение ребенка к собственной речи, уверенность в общении накладывают отпечаток на его учебную успешность.

Данные качественного анализа полученных результатов позволяют подробнее увидеть картину возрастных изменений восприятия школьниками своей речи (табл. 2).

Полученные данные в целом соотносятся с тенденциями, выявляемыми учеными при исследовании гендерной специфики проявления тревожности на обозначенном нами возрастном периоде. Б. И. Кочубей и Е. В. Новикова отмечают, что в 9–11 лет интенсивность переживаний

Таблица 2

Уровень проявления речевой тревожности школьников (% от общего количества опрошенных одной учебной параллели)

Класс	Уровень речевой тревожности							
	критически высокий		высокий		повышенный		норма	
	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики
3	18,4	12,5	57,9	81,25	13,2	0	10,5	6,25
4	26	8,5	58	60	12	23	4	8,5
5	33	7	33	48	21	24	16	21

и у мальчиков, и у девочек выравнивается, а после 12 лет общий уровень тревожности у девочек в целом возрастает, а у мальчиков снижается, причем чем старше школьники, тем значительнее эта разница [7: с. 32].

Среди мальчиков постепенно значимо увеличивается число опрошенных, чувствующих достаточный уровень спокойствия и уверенности в собственной речи; у девочек эти показатели также растут, но гораздо менее интенсивно. Ученики с высокой самооценкой и низкой тревожностью в реальной учебной и внеучебной деятельности с легкостью готовы взять инициативу на себя, любят отвечать у доски, активно инициируют собственные ответы и контакты с собеседниками, при этом даже если их высказывания неправильные и они слышат критику в свой адрес, это не выступает провокацией к прекращению взаимодействия с партнерами по коммуникации. Мы можем свидетельствовать, что соответствующий тренинг, приобретенный опыт разнообразной коммуникации позволяют определенной категории детей снизить уровень переживаний и закрепить их уверенность в собственных речевых навыках.

Однако более 50 % представителей обеих гендерных групп демонстрируют высокий и критически высокий уровень речевой тревожности, испытывая большие проблемы и дискомфорт при коммуникации с учителями, сверстниками и сотрудниками школы, предпочитая избегать публичных выступлений. Отметим очень серьезные изменения именно в группе детей, характеризующихся критически высокими проявлениями речевой тревожности: в ней практически в два раза сокращается число мальчиков и практически в такой же пропорции увеличивается количество девочек. С таким уровнем переживаний и низкой самооценкой речевых навыков ученики испытывают страх при ответе у доски, переживания при работе в группах или парах, редко сами поднимают руку и выступают инициаторами контакта, заранее предполагая и ожидая социального неодобрения со стороны сверстников и одноклассников. Их речевая деятельность требует инициативы и поддержки учителя, они крайне чувствительны к критике и высказываемым комментариям по поводу своего ответа, выступления.

Опираясь на собственный опыт практической деятельности в школе и результаты психолого-педагогического исследования, мы можем утверждать, что последствия такого положения могут быть очень значительны — вплоть до сознательного или неосознанного выбора субъектом стратегии социальной изоляции. Данные выводы согласуются с мнением различных ученых. Так, устойчивую корреляцию страхов социального взаимодействия и страха публичных выступлений доказывают У. Фремоу и Дж. Брайтенштейн [19]. М. Б. Осипова и А. Г. Самохвалова отмечают, что высокотревожный ребенок «предпочитает отмалчиваться, игнорирует любой контакт с окружающими, намеренно лишает себя доверительного общения или пытается решить все коммуникативные задачи через конфликт и агрессию» [11: с. 80], а И. М. Лучихина подчеркивает, что, «если волнение принимает запредельные формы, <оно> может закрепиться как стиль поведения, например, в виде логоневрозов, логофобий, даже логонемоты» [12: с. 257].

Выводы

В результате исследования особенностей проявления речевой тревожности школьников на этапе окончания младшего школьного и начала подросткового возраста были сделаны следующие обобщения.

1. На протяжении обозначенных возрастных границ фиксируется значительная и даже критически высокая выраженность речевой тревожности школьников, проявление которой характерно практически для всех детей. Крайне малое количество школьников чувствуют высокую уверенность в процессе коммуникации, однако их число в небольшой степени, но возрастает на протяжении обучения, что, вполне вероятно, связывается с получаемым ими опытом разнообразного социального взаимодействия в учебных и внеучебных ситуациях.

2. Признак пола на этапе обучения в начальной школе не играет значимой роли в проявлении тревожности в ходе вербальной коммуникации, а далее становится предиктором различий с тенденцией к большей

выраженности проявлений тревоги и неуверенности у девочек-подростков и в повседневной коммуникации, и особенно в публичных выступлениях. Именно уровень критически высокого проявления речевой тревожности отражает наибольшие изменения в гендерных группах, обозначая противоположные тенденции в самооощущениях мальчиков и девочек.

3. Полученные результаты свидетельствуют о важности изучения такого аспекта личностных особенностей школьников, как речевая тревожность, существенно влияющих на уровень коммуникативной активности и инициативности обучающихся, их готовность к разнообразным социальным контактам и публичным выступлениям.

Заключение

В целом системное исследование позволило уточнить особенности проявления тревожности школьников, связанной с ситуацией вербальной коммуникации, крайне значимой в актуальных условиях учебной и внеучебной деятельности. Находясь в согласии с данными, полученными другими исследователями, чьи интересы были направлены на вопросы личностной и ситуативной тревожности, полученные результаты позволяют уточнить возрастную динамику и половые различия в данном аспекте личностного развития школьников.

Речевая тревожность как актуальная комплексная психолого-педагогическая проблема требует к себе внимания со стороны различных участников образовательных отношений

и организации соответствующей профилактической деятельности через различные формы психолого-педагогического сопровождения развития обучающихся. Выявленные тенденции могут стать основанием для разработки педагогическими работниками (учителями, педагогами-психологами, педагогами дополнительного образования) программ сопровождения коммуникативного развития школьников, особенно на этапе начала подросткового возраста, перехода в основную школу. В качестве ориентира при решении подобных вопросов могут служить выделенные в литературе и апробированные в практической деятельности три ключевые стратегии коррекции страхов выступлений как весьма распространенной проблемы: систематическая десенсибилизация (знакомство с публичными выступлениями, реальная или воображаемая визуализируемая практика, которая логически уменьшит новизну и неопределенность тревожащих ситуаций); когнитивная реструктуризация (сознательное изменение того, как человек думает о своих проблемах с речью и коммуникацией) и обучение навыкам, улучшающим конкретное речевое поведение, дополненное упражнениями на общую физическую релаксацию [18; 19].

Таким образом, своевременная работа подобного рода, адаптированная для соответствующей группы школьников, включенная в урочную, внеурочную, досуговую деятельность в образовательном учреждении, может сыграть существенную роль в снижении уровня общей школьной и речевой тревожности, значимо повлиять на оптимизацию коммуникации учащихся.

Литература

1. Беляева О. А. Специфика проявления тревожности у школьников на этапе окончания начальной школы // Образование в современном мире: сборник научных статей / под ред. Ю. Г. Голуба. Вып. 15. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2020. С. 172–176.
2. Беляева О. А., Линник И. С. Согласованность позиций участников образовательного процесса как условие социально-психологической адаптации пятиклассников // Актуальные проблемы педагогики и психологии в современном образовании: материалы Международной заочной научно-практической конференции (Ярославль – Минск. 31 марта 2017 г.). Ярославль: ЯГПУ, 2017. С. 193–195.
3. Валявко С. М. Эмоциональные переживания в ситуации речевого общения у старших дошкольников с нарушениями речевого развития // Системная психология и социология. 2014. № 2 (10). С. 48–57.
4. Заиграева Н. В., Кондакова О. И. Помощь педагога, логопеда и психолога в преодолении нарушений чтения у младших школьников с речевой тревожностью // Постулат. 2017. № 10-2 (24). С. 8.

5. Захаров А. И. Происхождение и психотерапия детских неврозов. СПб.: КАРО, 2006. 672 с.
6. Калягин В. А. Речевая тревога: за и против // Современные проблемы речевого дизонтогенеза: психолого-педагогические аспекты: международный сборник научных трудов / под ред. С. М. Валявко. М.: Спутник+, 2011. С. 81–88.
7. Кочубей Б. И., Новикова Е. В. Эмоциональная устойчивость школьника. М.: Знание, 1988. 80 с.
8. Левина Р. Е. Об эмоциогенных факторах заикания, возникающих в процессе формирования произвольной речи // Дефектология. 1981. № 1. С. 7–13.
9. Литвиненко Н. В. Школьная тревожность как показатель нарушения адаптации школьников к образовательной среде [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14510> (дата обращения: 13.04.2022).
10. Микляева А. В., Румянцева П. В. Школьная тревожность: диагностика, профилактика, коррекция. СПб.: Речь, 2004. 248 с.
11. Осипова М. Б., Самохвалова А. Г. Психолого-акмеологические условия развития у старших дошкольников когнитивных ресурсов преодоления коммуникативных трудностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика, психология, социокинетика. 2020. Т. 26. № 2. С. 79–85. DOI: 10.34216/2073-1426-2020-26-2-79-85
12. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / под общей ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.; М. и др.: Питер, 2000. 560 с.
13. Прихожан А. М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. 192 с.
14. Прихожан А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2000. 304 с.
15. Савина Е. Г., Бура Л. В. Школьная тревожность как фактор дезадаптации младших школьников // Синергия наук. 2017. № 12. С. 632–635.
16. Самохвалова А. Г. Коммуникативные трудности ребенка: феноменология, факторы возникновения, динамика. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. 358 с.
17. ФГОС: Выявление особых образовательных потребностей у школьников с ограниченными возможностями здоровья на уровне основного общего образования / под ред. Е. Л. Черкасовой, Е. Н. Моргачевой. М.: Национальный книжный центр, 2016. 144 с.
18. Bodie G. D. A racing heart, rattling knees, and ruminative thoughts: Defining, explaining, and treating public speaking anxiety // Communication Education. 2010. Vol. 59 (1). P. 70–105. DOI: 10.1080/03634520903443849
19. Fremouw W. J., Breitenstein J. L. Speech anxiety // Handbook of Social and Evaluation Anxiety / ed. by H. Leitenberg. New York; London, 1990. P. 455–474. DOI: 10.1007/978-1-4899-2504-6_15

References

1. Belyaeva O. A. Specifika proyavleniya trevozhnosti u shkol'nikov na e'tape okonchaniya nachal'noj shkoly' [The specifics of the manifestation of anxiety of schoolchildren at the stage of primary school graduation] // Obrazovanie v sovremennom mire: sbornik nauchny'x statej / pod red. Ju. G. Goluba. [Education in the modern world: a collection of scientific articles]. Vy'pusk 15. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2020. P. 172–176.
2. Belyaeva O. A., Linnik I. S. Soglasovannost' pozicij uchastnikov obrazovatel'nogo processa kak uslovie social'no-psichologicheskoy adaptacii pyatiklassnikov [Consistency of the positions of participants in the educational process as a condition for socio-psychological adaptation of fifth graders] // Aktual'ny'e problemy' pedagogiki i psixologii v sovremennom obrazovanii: materialy' Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Yaroslavl' – Minsk. 31 marta 2017 g.) [Actual problems of pedagogy and psychology in modern education: materials of the international correspondence scientific and practical conference (Yaroslavl – Minsk. March 31, 2017)]. Yaroslavl': YaGPU, 2017. P. 193–195.
3. Valyavko S. M. E'mocional'ny'e perezhivaniya v situacii rechevogo obshheniya u starshix doshkol'nikov s narusheniyami rechevogo razvitiya [Emotional experiences in the situation of speech communication in older preschoolers with speech development disorders] // Sistemnaya psixologiya i sociologiya [Systems psychology and sociology]. 2014. № 2 (10). P. 48–57.

4. Zaigraeva N. V., Kondakova O. I. Pomoshh` pedagoga, logopeda i psixologa v preodolenii narushenij chteniya u mladshix shkol`nikov s rechevoj trevozhnost`yu [Help of a teacher, speech therapist and psychologist in overcoming reading disorders in younger schoolchildren with speech anxiety] // Postulat [Postulate]. 2017. № 10–2 (24). P. 8.
5. Zaxarov A. I. Proisxozhdenie i psixoterapiya detskix nevrozov [The origin and psychotherapy of childhood neuroses]. SPb.: KARO, 2006. 672 p.
6. Kalyagin V. A. Rehevaya trevoga: za i protiv [Speech anxiety: pros and cons] // Sovremenny`e problemy` rehevogo dizontogeneza: psixologo-pedagogicheskie aspekty`: mezhdunarodny`j sbornik nauchny`x trudov / pod red. S. M. Valyavko [Modern problems of speech dysontogenesis: pedagogical and psychological aspects. International collection of scientific papers]. M.: Sputnik+, 2011. P. 81–88.
7. Kochubej B. I., Novikova E. V. E`mocional`naya ustojchivost` shkol`nika [Emotional stability of a schoolboy]. M.: Znanie, 1988. 80 p.
8. Levina R. E. Ob e`mociogenny`x faktorax zaikaniya, vznikayushix v processe formirovaniya proizvol`noj rechi [On the emotional factors of stuttering that arise during the formation of arbitrary speech] // Defektologiya [Defectology]. 1981. № 1. P. 7–13.
9. Litvinenko N. V. Shkol`naya trevozhnost` kak pokazatel` narusheniya adaptacii shkol`nikov k obrazovatel`noj srede [E`lektronny`j resurs] [School anxiety as an indicator of impaired adaptation of schoolchildren to the educational environment [Electronic resource]] // Sovremenny`e problemy` nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]. 2014. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14510> (date accessed: 13.04.2022).
10. Miklyaeva A. V., Rumyancheva P. V. Shkol`naya trevozhnost`: diagnostika, profilaktika, korrekciya [School anxiety: diagnosis, prevention, correction]. SPb.: Rech`, 2006. 248 p.
11. Osipova M. B., Samoxvalova A. G. Psixologo-akmeologicheskie usloviya razvitiya u starshix doshkol`nikov kognitivny`x resursov preodoleniya kommunikativny`x trudnostej [Psychological and acmeological conditions for the development of cognitive resources in older preschoolers to overcome communicative difficulties] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: pedagogika, psixologiya, sociokinetika [Bulletin of Kostroma State University. Series: pedagogy, psychology, sociokinetics]. 2020. Vol. 26. № 2. P. 79–85. DOI: 10.34216/2073-1426-2020-26-2-79-85
12. Praktikum po obshhej, e`ksperimental`noj i prikladnoj psixologii [Workshop on general, experimental and applied psychology] / pod obshhej red. A. A. Kry`lova, S. A. Manicheva. 2-e izd., dop. i pererab. SPb.: M. i dr.: Piter, 2000. 560 p.
13. Prihozhan A. M. Psixologiya trevozhnosti: doshkol`ny`j i shkol`ny`j vozrast [Psychology of anxiety: preschool and school age]. SPb.: Piter, 2009. 192 p.
14. Prihozhan A. M. Trevozhnost` u detej i podrostkov: psixologicheskaya priroda i vozrastnaya dinamika [Anxiety in children and adolescents: psychoanalytic nature and age dynamics]. M.: Moskovskij psixologo-social`ny`j institut; Voronezh: Izdatel`stvo MODE`K, 2000. 304 p.
15. Savina E. G., Bura L. V. Shkol`naya trevozhnost` kak faktor dezadaptacii mladshix shkol`nikov [School anxiety as a factor of maladaptation of younger schoolchildren] // Sinergiya nauk [Synergy of Sciences]. 2017. № 12. P. 632–635.
16. Samoxvalova A. G. Kommunikativny`e trudnosti rebenka: fenomenologiya, faktory` vznikoveniya, dinamika [Communicative difficulties of a child: phenomenology, factors of occurrence, dynamics]. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2014. 358 p.
17. FGOS: Vy`yavlenie osoby`x obrazovatel`ny`x potrebnostej u shkol`nikov s ogranichenno`mi vozmozhnostyami zdorov`ya na urovne osnovnogo obshhego obrazovaniya [FGOS: Identification of special educational needs of schoolchildren with disabilities at the level of basic general education] / pod red. E. L. Cherkasovoj, E. N. Morgachevoj. M.: Nacional`ny`j knizhny`j centr, 2016. 144 p.
18. Bodie G. D. A racing heart, rattling knees, and ruminative thoughts: Defining, explaining, and treating public speaking anxiety // Communication Education. 2010. Vol. 59 (1). P. 70–105. DOI: 10.1080/03634520903443849
19. Fremouw W. J., Breitenstein J. L. Speech anxiety // Handbook of Social and Evaluation Anxiety / ed. by H. Leitenberg. New York; London, 1990. P. 455–474. DOI: 10.1007/978-1-4899-2504-6_15

СИСТЕМНАЯ ОЦЕНКА ЛИЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ МАШИНИСТОВ В КОНТЕКСТЕ РИСКА ВНЕЗАПНОЙ СМЕРТИ

В. Е. Богданова,

НИИ МТ, Москва,
salve7@yandex.ru,

В. В. Сериков,

НИИ МТ, Москва,
vasiliy_serikov@mail.ru,

А. А. Закревская,

НИИ МТ, Москва,
sternwanderer@mail.ru

Е. В. Дмитриева,

НИИ МТ, Москва,
kativladi@list.ru

В статье приведены результаты системной оценки индивидуально-личностных свойств работников локомотивных бригад (машинистов и помощников машиниста) двух групп: условно здоровых и внезапно умерших на рабочем месте в результате сердечного приступа. Исследование посвящено научному обоснованию медико-психологических профилактических мероприятий, направленных на коррекцию факторов угрозы внезапной смерти, развития сердечно-сосудистых заболеваний у работников локомотивных бригад.

Проведен анализ данных периодического психофизиологического обследования работников локомотивных бригад различных видов движения, предоставленных дирекцией медицинского обеспечения компании «Российские железные дороги» (РЖД). Методы исследования: 16-факторный личностный опросник Кеттелла; методика «Уровень субъективного контроля»; личностный опросник Айзенка (EPI); опросник «Самочувствие, активность, настроение» (САН); методика «Уровень субъективного контроля» (УСК); методика «Диагностика межличностных отношений» (ДМО); опросник Спилбергера – Ханина.

По результатам исследования выявлены различия личностных особенностей машинистов в двух группах: практически здоровых и внезапно умерших на рабочем месте в результате сердечного приступа. Психологический профиль работников локомотивных бригад из второй группы характеризуется более низким уровнем эмоциональной устойчивости, жизнерадостности, энергичности, эгоистичности, самочувствия, настроения, интернальности в области достижений и здоровья. Им присущи застенчивость, конформизм, нейротизм, тревожность, усталость, чувствительность, неуверенность.

Работников локомотивных бригад из первой группы отличают высокий уровень активности, хорошее настроение, оптимизм, нервно-психическая устойчивость, оптимальный уровень тревожности, независимость в суждениях, общительность, уверенность в себе, самостоятельность, ориентация на собственные цели и интересы. Они воспринимают себя как способных к успеху, уверенных, независимых, самостоятельных, ориентированных на собственные цели и интересы.

Таким образом, диагностика личностных черт и состояний посредством надежных психодиагностических методик обеспечивает выявление групп риска с целью проведения мероприятий, направленных на профилактику сердечно-сосудистых заболеваний, переутомления и на сохранение профессионального долголетия.

Ключевые слова: системная оценка; работники локомотивных бригад; безопасность профессиональной деятельности; индивидуально-личностные свойства; внезапная смерть на рабочем месте; риск сердечно-сосудистых заболеваний.

Для цитаты: Богданова В. Е., Сериков В. В., Закревская А. А., Дмитриева Е. В. Системная оценка личностных свойств машинистов в контексте риска внезапной смерти // Системная психология и социология. 2022. № 2 (42). С. 14–25. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.02

© Богданова В. Е., Сериков В. В., Закревская А. А., Дмитриева Е. В., 2022

Богданова Валентина Евгеньевна, научный сотрудник лаборатории физиологии труда и профилактической эргономики Научно-исследовательского института медицины труда имени академика Н. Ф. Измерова, Москва.

E-mail: salve7@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7123-4117

Сериков Василий Васильевич, кандидат психологических наук, заведующий лабораторией физиологии труда и профилактической эргономики Научно-исследовательского института медицины труда имени академика Н. Ф. Измерова, Москва.

E-mail: vasiliy_serikov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7523-4686

Закревская Анна Александровна, научный сотрудник лаборатории физиологии труда и профилактической эргономики Научно-исследовательского института медицины труда имени академика Н. Ф. Измерова, Москва.

E-mail: sternwanderer@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2552-302X

Дмитриева Екатерина Владимировна, научный сотрудник лаборатории физиологии труда и профилактической эргономики Научно-исследовательского института медицины труда имени академика Н. Ф. Измерова, Москва.

E-mail: kativladi@list.ru

ORCID: 0000-0002-9204-753X

UDC 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.02

SYSTEM ASSESSMENT OF THE PERSONAL CHARACTERISTICS OF MACHINISTS IN THE CONTEXT OF A SUDDEN DEATH RISK

V. E. Bogdanova,

RIOH, Moscow,

salve7@yandex.ru,

V. V. Serikov,

RIOH, Moscow,

vasiliy_serikov@mail.ru,

A. A. Zakrevskaya,

RIOH, Moscow,

sternwanderer@mail.ru,

E. V. Dmitrieva,

RIOH, Moscow,

kativladi@list.ru

The article presents the results of a systemic assessment of the individual and personal characteristics of locomotive crew workers (machinists and assistant machinists) of two groups: conditionally healthy and those who died as a result of sudden cardiac death in the workplace. The study is devoted to the scientific substantiation of medical and psychological preventive measures in order to correct the threat factors of sudden death, the development of cardiovascular diseases in workers of locomotive crews.

The analysis of the data of periodic psychophysiological examination of employees of locomotive crews of various types of traffic provided by the Directorate of Medical Support of the Company Russian Railways (RZD) is presented. Method research: Kettell's 16-factor Personality questionnaire; the "Level of Subjective Control" technique; the Eysenck Personality questionnaire (EPQ); the "Well-being, Activity, Mood" questionnaire; the "Level of Subjective Control" technique; the "Diagnostics of Interpersonal Relations" technique; the Spielberger – Khanin questionnaire. According to the results of the study, differences in the personal characteristics of machinists in two groups were revealed: practically healthy and those who died as a result

of sudden cardiac death in the workplace. The psychological profile of locomotive crew workers who suddenly died in the workplace is characterized by a lower level of emotional stability, cheerfulness, energy, selfishness, well-being, mood, internality in the field of achievements and health. They are characterized by shyness, conformity, neuroticism, anxiety, fatigue, sensitivity, uncertainty.

Employees of locomotive crews of the “conditionally healthy” group are distinguished by a high level of activity, good mood, optimism, neuropsychic stability, optimal level of anxiety, independence in judgments, sociability, self-confidence, independence, orientation to their own goals and interests. They perceive themselves as capable of success, confident, independent, focused on their own goals and interests. Thus, the diagnosis of personality traits and conditions through reliable psychodiagnostic techniques ensures the identification of risk groups and the implementation of measures aimed at the prevention of cardiovascular diseases, fatigue and the preservation of professional longevity.

Keywords: system assessment; locomotive crew workers; safety of professional activity; individual and personal characteristics; sudden death in the workplace; risk of cardiovascular diseases.

For citation: Bogdanova V. E., Serikov V. V., Zakrevskaya A. A., Dmitrieva E. V. System assessment of the personal characteristics of machinists in the context of a sudden death risk // Systems Psychology and Sociology. 2022. № 2 (42). P. 14–25. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.02

Bogdanova Valentina Evgenievna, researcher at the Laboratory of Occupational Physiology and Preventive Ergonomics of the Izmerov Research Institute of Occupational Health, Moscow, Russia.

E-mail: salve7@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7123-4117

Serikov Vasily Vasilyevich, PhD in Psychology, Head of the Laboratory of Occupational Physiology and Preventive Ergonomics of the Izmerov Research Institute of Occupational Health, Moscow, Russia.

E-mail: vasily_serikov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7523-4686

Zakrevskaya Anna Alexandrovna, researcher at the Laboratory of Occupational Physiology and Preventive Ergonomics of the Izmerov Research Institute of Occupational Health, Moscow, Russia.

E-mail: sternwanderer@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2552-302X

Dmitrieva Ekaterina Vladimirovna, researcher at the Laboratory of Occupational Physiology and Preventive Ergonomics of the Izmerov Research Institute of Occupational Health, Moscow, Russia.

E-mail: kativladi@list.ru

ORCID: 0000-0002-9204-753X

Введение

Проблема снижения уровня здоровья, работоспособности, внезапной сердечной смерти на рабочем месте специалистов опасных профессий является важным вопросом здравоохранения многих стран мира ввиду высокой значимости безопасности деятельности. Среди основных причин смертности специалистов на рабочем месте ведущее место занимают сердечно-сосудистые заболевания. В частности, по данным ВОЗ, число умерших от заболеваний сердечно-сосудистой системы насчитывает более 17 млн человек ежегодно¹. В экономически

развитых странах смертность от ишемической болезни сердца (инфаркт миокарда) составляет 53,6 %; на долю цереброваскулярных заболеваний (инсульты мозга) приходится 31,1 % [13]. По результатам исследований 2006 г. и 2014 г., Россия занимает второе место в мире по уровню распространенности заболеваний сердечно-сосудистой системы, превосходя по данному показателю в 6–8 раз США, Японию, страны Европы [5: с. 34].

Высокая смертность работников от заболеваний сердечно-сосудистой системы связана с потерями в социально-экономической

ресурс] // Всемирная организация здравоохранения: сайт. URL: [https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/cardiovascular-diseases-\(cvds\)](https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/cardiovascular-diseases-(cvds)) (дата обращения: 04.04.2022).

¹ Сердечно-сосудистые заболевания: информационный бюллетень ВОЗ. 17 мая 2017 г. [Электронный

сфере в связи с убыванием численности населения трудоспособного возраста. Так, в России в 2008–2009 гг. экономический ущерб от сердечно-сосудистых заболеваний (преждевременной смертности, потери трудоспособности) превысил 1 трлн руб. (3 % всего ВВП страны за соответствующий период) [3; 10: с. 4]. В качестве метода борьбы с внезапной смертью в результате заболеваний сердечно-сосудистой системы ряд авторов отмечают необходимость использования дополнительных диагностических [15] и профилактических мероприятий [14]. В этой связи актуальность приобретает системный подход к проблеме раннего распознавания склонности к сердечно-сосудистой патологии с целью сохранения профессионального долголетия.

В предлагаемом исследовании на основе системного подхода предпринята попытка изучения проблемы раннего распознавания склонности к сердечно-сосудистой патологии, внезапной остановке сердца у работников локомотивных бригад. Поиск и анализ взаимосвязи личностных свойств и риска развития заболеваний сердечно-сосудистой системы работников дает возможность оценить особенности организации личностной структуры специалистов с различными уровнями адаптивного потенциала. Решение данных вопросов является актуальной прикладной задачей обеспечения профессионального здоровья и безопасности деятельности специалистов опасных профессий.

Индивидуально-личностные особенности работников локомотивных бригад

Среди работников локомотивных бригад отмечена повышенная склонность к артериальной гипертензии, ишемической болезни сердца [6]. Несмотря на то что в РЖД применена эффективная система мониторинга и оценки функционального состояния работников локомотивных бригад с помощью автоматизированной системы предрейсового медицинского осмотра (АСПО), с помощью которой удалось снизить количество внезапных сердечных смертей у сотрудников компании, этих мероприятий не вполне достаточно.

Оптимизация графиков сменной работы машинистов также не решает в полной мере проблему адаптации физиологических возможностей организма работников к предъявляемым требованиям [8]. Необходимо выявлять группы риска по сердечно-сосудистым заболеваниям заблаговременно, изучив типологические особенности работников с помощью психологических личностных методик.

Представленные данные подчеркивают высокую значимость проблемы распространенности сердечно-сосудистых заболеваний, приводящих к инвалидизации, внезапной сердечной смерти работников железнодорожного транспорта. Среди заболеваний, связанных с нарушением ритма сердца у машинистов локомотивов, наиболее часто встречаются фибрилляция предсердий, наджелудочковые пароксизмальные тахикардии, нарушения проводимости сердца, экстрасистолия. Поэтому изучение факторов риска развития сердечно-сосудистых заболеваний имеет большое значение для совершенствования методов ранней диагностики кардиоваскулярных заболеваний [4], повышения эффективности высокотехнологичной медицинской помощи, снижения смертности, контроля и прогноза деятельности [7; 9].

Среди факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний у работников железнодорожного транспорта традиционно выделяют факторы, связанные с образом жизни и профессиональной деятельностью: психосоциальный стресс; состояние психоэмоционального перенапряжения; неблагоприятная психологическая атмосфера в организации; сменный график работы; шум, вибрация, загрязненность, электромагнитные излучения; курение, нерациональное питание, низкая физическая активность, алкогольная зависимость, лишний вес). Важную роль также играет среда обитания (экологические и социальные условия), факторы труда, которые при взаимодействии с генетически и социально-психологически обусловленными свойствами способствуют развитию сердечно-сосудистых заболеваний [1; 7]. Немаловажное значение для развития сердечно-сосудистых заболеваний имеет состояние общества: психосоциальный стресс, низкая социальная поддержка, низкий

уровень дохода и образования, падение престижа выбранной профессии, безработица, социально-экономический кризис [11].

Сегодня в отечественной и зарубежной медицине обсуждение содержания понятия «фактор риска» связано с интересом ученых к профилактике производственно обусловленной патологии у работающих специалистов. Несомненно, что специфические реакции человека на стресс зависят как от влияния внешней среды, так и от индивидуально-личностных особенностей [2].

Однако в настоящее время проблема изучения роли индивидуально-личностных показателей в развитии сердечно-сосудистых заболеваний рассматривается в единичных исследованиях. Данные об их прогностической значимости носят фрагментарный характер [12: с. 39–40]. Анализ научной литературы, проведенный в рамках исследования, позволяет говорить, что проблема соотношения индивидуально-личностных свойств и возникновения синдрома внезапной смерти на рабочем месте работников локомотивных бригад в настоящее время практически не изучалась.

В этой связи целью настоящего исследования является теоретико-методологическое обоснование медико-психологических профилактических мероприятий, направленных на коррекцию факторов угрозы внезапной сердечной смерти, а также развития сердечно-сосудистых заболеваний у работников локомотивных бригад. Задачи исследования — поиск и анализ возможной связи индивидуально-личностных свойств и синдрома внезапной остановки сердца у работников железнодорожного транспорта.

Методы исследования

Исследование проводилось на основе анализа данных периодического психофизиологического обследования работников локомотивных бригад (помощников машиниста и машинистов различных видов движения), предоставленных дирекцией медицинского обеспечения РЖД. Выборка состояла из двух групп: в первую были отнесены 30 условно здоровых работников локомотивных бригад,

выбранных из общей базы компании случайным образом, во вторую — 30 работников, погибших от внезапной сердечной смерти на рабочем месте. Возраст респондентов первой группы — $45,7 \pm 9,8$ лет (от 24 до 63 лет), второй группы — $48,1 \pm 7,8$ лет (от 23 до 58 лет).

В исследовании применялись 16-факторный личностный опросник Кеттелла; методика «Уровень субъективного контроля»; личностный опросник Айзенка (ЕРІ); опросник «Самочувствие, активность, настроение» (САН); методика «Уровень субъективного контроля» (УСК); методика «Диагностика межличностных отношений» (ДМО); опросник Спилбергера – Ханина.

Математико-статистические методы обработки эмпирических данных: сравнительный анализ, непараметрический критерий Манна – Уитни. Полученные результаты подвергались проверке на нормальность распределения.

Результаты сравнительного анализа личностных свойств в разных группах работников локомотивных бригад

На рисунке 1 представлены усредненные личностные профили по 16-факторному опроснику Кеттелла в группах работников локомотивных бригад, условно здоровых и погибших от внезапной остановки сердца на рабочем месте.

Значимые и достоверные различия компонентов профиля работников локомотивных бригад выявлены по следующим шкалам методики Кеттелла:

- ✓ шкала С — эмоциональная стабильность/эмоциональная нестабильность ($p < 0,001$);
- ✓ шкала Н — робость/смелость ($p < 0,001$);
- ✓ шкала І — жесткость/чувствительность ($p < 0,05$);
- ✓ шкала О — спокойствие/тревожность ($p < 0,001$);
- ✓ шкала Q2 — конформизм/нонконформизм ($p < 0,001$);
- ✓ шкала Q4 — тревожность / высокая тревожность ($p < 0,003$);
- ✓ шкала F1 — жизнерадостность ($p < 0,003$);
- ✓ шкала F2 — общительность ($p < 0,006$);
- ✓ шкала F3 — энергичность ($p < 0,001$).

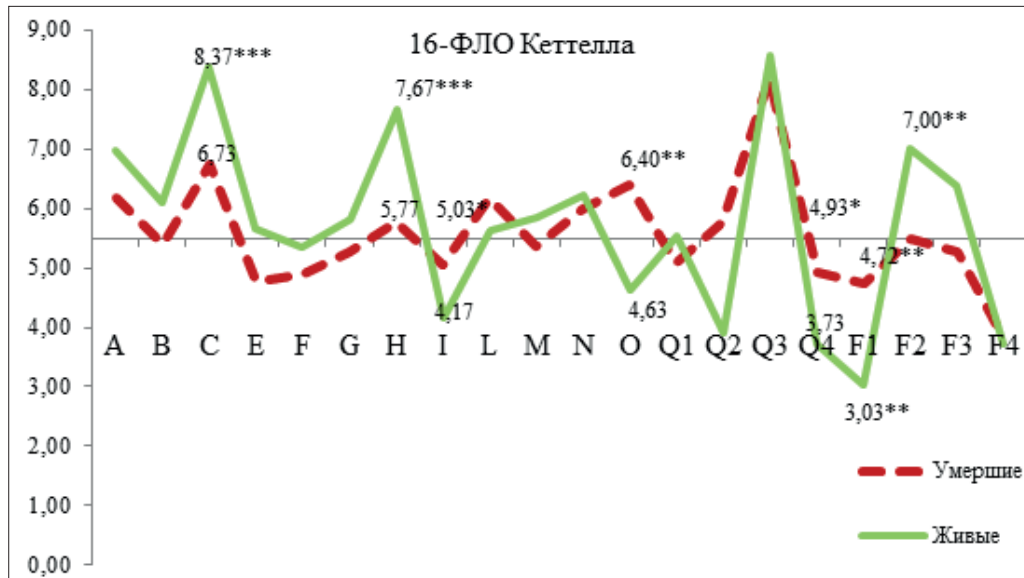

Рис. 1. Результаты опросника Кеттелла в группах работников локомотивных бригад, условно здоровых и погибших в результате внезапной сердечной смерти на рабочем месте (***) — $p \leq 0,001$; ** — $p \leq 0,003$; * — $p \leq 0,05$)

Далее были выявлены различия личностных особенностей работников локомотивных бригад в двух группах по следующим методикам: опросник Г. Айзенка; опросник «Самочувствие, активность, настроение» (САН); методика «Уровень субъективного контроля» (УСК); опросник Лири «Диагностика межличностных отношений» (ДМО).

Согласно результатам, представленным на рисунке 2, между группами наблюдаются различия по показателям нейротизма, который связан с тревожностью, эмоциональной нестабильностью. И хотя в обеих группах средние значения невелики, среди умерших работников они значимо выше, чем в группе условно здоровых (в среднем 9,1 балла против 6,47).

Были выявлены следующие достоверные различия: в группе внезапно умерших работников чуть ниже средний уровень самочувствия и чуть выше — уровень активности в сравнении с группой условно здоровых (см. рис. 3). Поскольку в ходе анализа были взяты данные психофизиологического обследования, ближайшие к дате смерти, можно предположить, что перед своей смертью работники, включенные во вторую группу, стремились выложиться до конца, игнорируя или скрывая проблемы со здоровьем.

Различия между двумя группами отмечены по шкалам I — «авторитарность» и II — «эгоистичность». Оставаясь в тех пределах, когда можно интерпретировать эти качества как уверенность в себе, независимость, самостоятельность, ориентацию на собственные цели и интересы, эти качества слабее выражены среди внезапно умерших работников локомотивных бригад. Тенденции к различиям ($p < 0,1$) обнаружены по шкалам V «застенчивость» и VI «послушность», показатели которых в группе внезапно умерших чуть выше (см. рис. 4). Сложно сказать, связан ли риск внезапной сердечной смерти с застенчивостью и склонностью брать на себя чужие обязанности, однако уход от внешнего конфликта отнюдь не означает отсутствия внутриличностного конфликта, который по тем или иным причинам не проявляется на поведенческом уровне, но в фоновом режиме расходует психические ресурсы личности.

В группе внезапно умерших работников локомотивных бригад существенно снижен уровень интернальности в области достижений, производственных отношений и здоровья и как следствие, общей интернальности (см. рис. 5). Таким образом, внезапно умершие работники не чувствовали в себе достаточно сил, чтобы добиваться успеха, в особенности

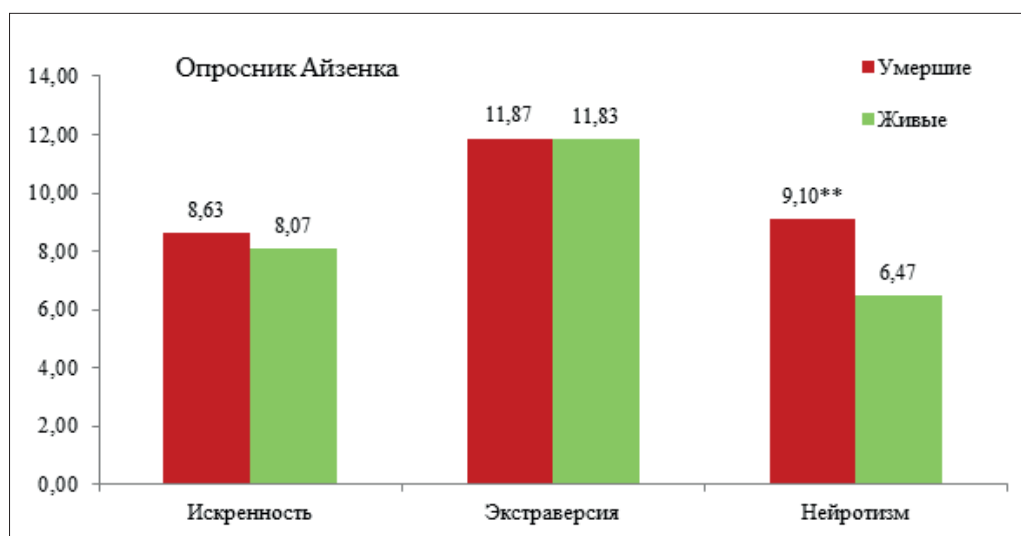

Рис. 2. Результаты опросника Айзенка в группах работников локомотивных бригад, условно здоровых и погибших в результате внезапной сердечной смерти на рабочем месте (** — $p < 0,004$)

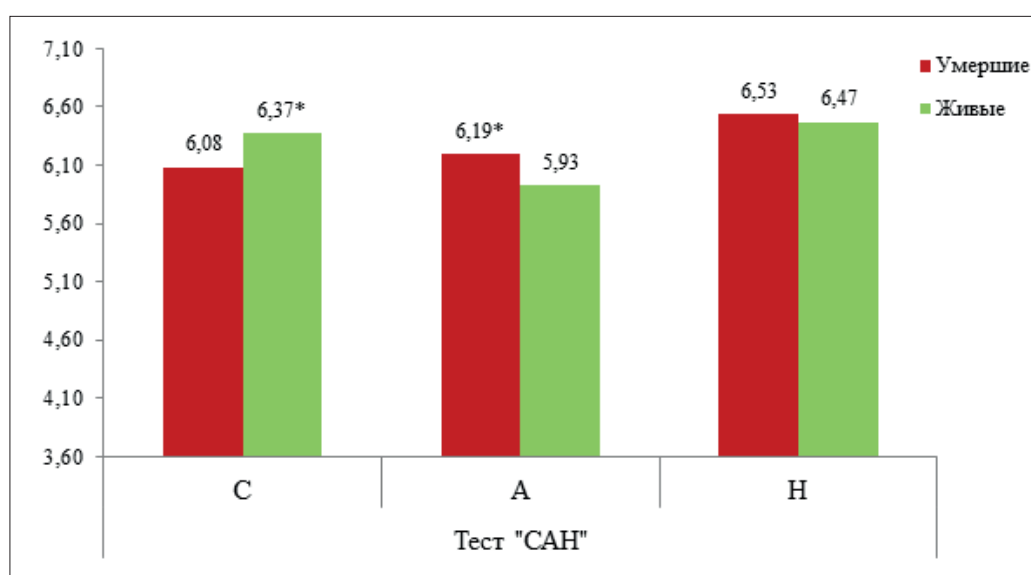

Рис. 3. Результаты опросника САН в группах работников локомотивных бригад, условно здоровых и погибших в результате внезапной сердечной смерти на рабочем месте (* — $p < 0,015$)

Примечание: С — самочувствие; А — общая активность; Н — настроение.

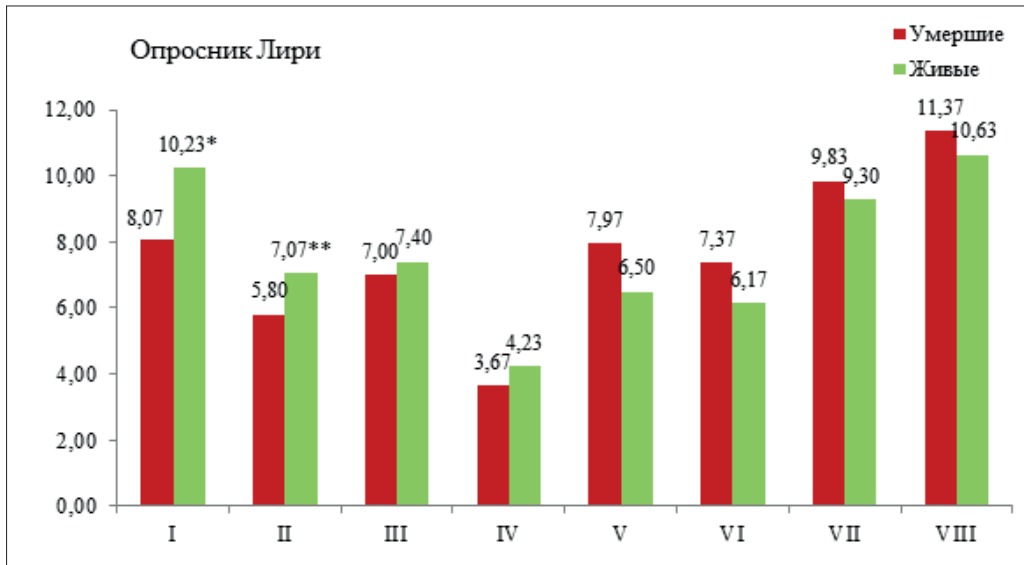

Рис. 4. Результаты опросника Лири в группах работников локомотивных бригад, условно здоровых и погибших в результате внезапной смерти на рабочем месте (* — $p < 0,019$; ** — $p < 0,01$)

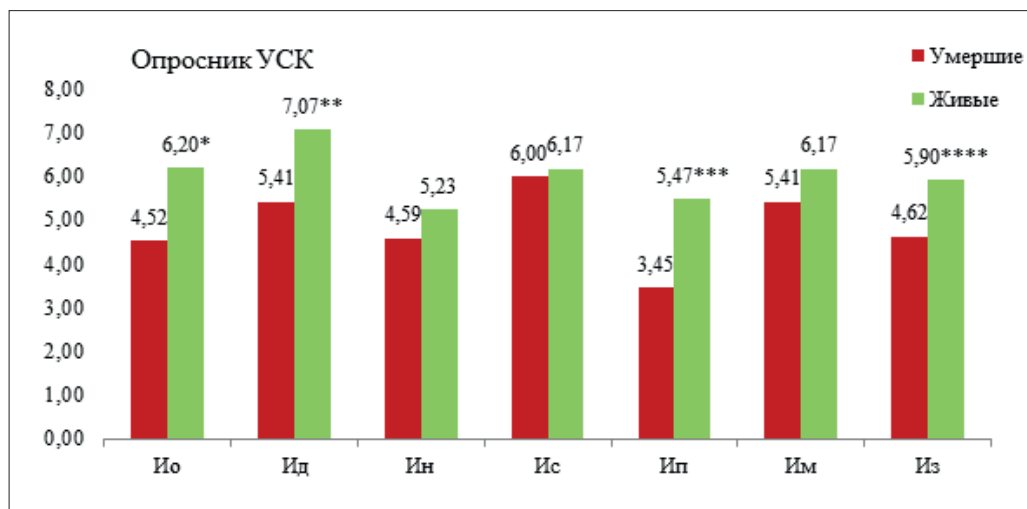

Рис. 5. Результаты опросника УСК в группах работников локомотивных бригад, условно здоровых и погибших в результате внезапной сердечной смерти на рабочем месте (* — $p < 0,02$, ** — $p < 0,02$, *** — $p < 0,09$, **** — $p < 0,019$)

Примечание: шкалы интернальности: Ио — общей; Ид — в области достижений; Ин — в области неудач; Ис — в области семейных отношений; Ип — в области производственных отношений; Им — в области межличностных отношений; Из — в отношении здоровья и болезни.

влиять на какие-либо аспекты профессиональных отношений, а также в некотором смысле махнули рукой на свое здоровье.

По уровню ситуативной тревожности различий между группами не выявлено, а по уровню личностной — можно отметить тенденцию к различиям ($p = 0,07$): у внезапно умерших работников этот показатель выше (рис. 6).

заболеваний и состояний сниженной работоспособности.

4. Необходимы дополнительные меры по совершенствованию психодиагностических обследований и профилактических мероприятий работников локомотивных бригад. Однако в современных условиях психологи практически не привлекаются к работе по реализации

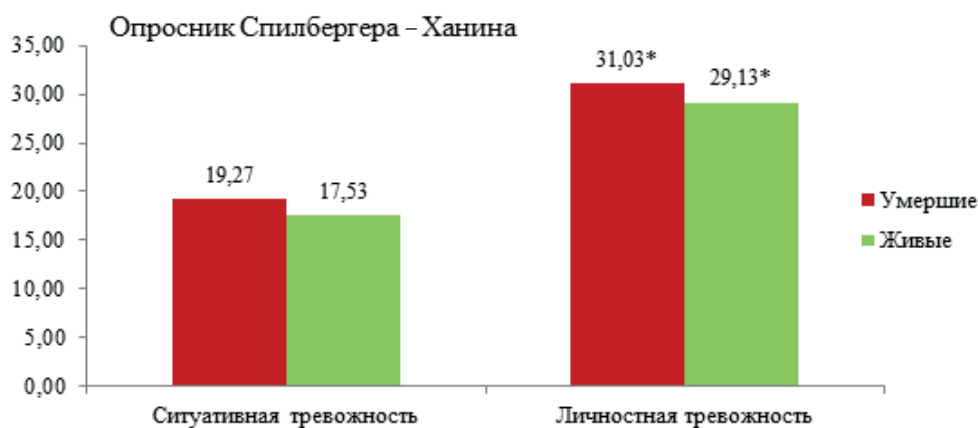

Рис. 6. Результаты опросника Спилбергера – Ханина в группах работников локомотивных бригад, условно здоровых и погибших в результате внезапной сердечной смерти на рабочем месте (* — $p = 0,07$)

Выводы

1. Медико-психологический компонент имеет большое значение для охраны здоровья машинистов и помощников машинистов.

2. На основе системной оценки результатов проведенного исследования установлен диапазон различий показателей личностных свойств между группами работников локомотивных бригад условно здоровых и погибших в результате внезапной сердечной смерти на рабочем месте.

3. Полученные результаты свидетельствуют о том, что диагностика личностных черт (профессионально важных качеств) посредством надежных психодиагностических методик обеспечивает выявление групп риска, требующих внимания со стороны медико-психологической службы. Получение текущих показателей об усталости, состоянии здоровья работников, оценка их личностных свойств и профессионально важных качеств позволяет проводить мероприятия, направленные на профилактику сердечно-сосудистых

первичных профилактических и реабилитационных мероприятий.

5. В целом полученные результаты не могут рассматриваться как окончательные. Для оценки взаимосвязи свойств личности работника и склонности к сердечно-сосудистым заболеваниям необходимо собрать данные о взаимозависимости между возрастом, регуляторными свойствами организма, напряженностью труда и частотой аварий и ошибок деятельности. Требуется дальнейшие исследования в этом направлении.

Заключение

В работе были рассмотрены личностные особенности работников локомотивных бригад, а также различия индивидуально-личностных свойств в группах условно здоровых и внезапно погибших на рабочем месте.

В настоящее время в психодиагностических обследованиях работников локомотивных бригад в недостаточной мере учитывается

влияние личностных характеристик на состояние здоровья, хотя они могут являться критерием прогнозирования риска сердечно-сосудистых заболеваний работников, безопасности и надежности их профессиональной деятельности.

Представленные результаты позволяют говорить о том, что работники локомотивных бригад (группа внезапно погибших на рабочем месте и группа условно здоровых) отличаются друг от друга избирательной выраженностью личностных черт, в значительной степени влияющих на развитие синдрома внезапной смерти на рабочем месте.

В частности, определены следующие различия в выраженности личностных свойств обследованных групп. Работников локомотивных бригад, составивших группу внезапно погибших на рабочем месте, характеризует более низкий уровень выраженности черт по шкалам эмоциональной устойчивости (поддающийся чувствам), смелости (робкие, осторожные), спокойствия (легко расстраиваются), жизнерадостности (склонные к печали), авторитарности (склонные к уступчивости), энергичности (склонные к апатии), общительности (склонность избегать общества), эгоистичности, уравновешенности, самочувствия. Выявлено также, что им (в сравнении с группой условно здоровых) свойственны более высокие показатели по шкалам «усталость» (напряженность), «чувствительность», «конформность», «тревожность», «циклотимность», «нейротизм».

Эти результаты позволяют определить психологический профиль работников железнодорожного транспорта, склонных к заболеваниям сердечно-сосудистой системы. Им свойственны такие комплексы черт личности (типологические, социально-психологические и психофизиологические), которые можно расценивать как образования, характеризующиеся недостаточными поведенческими ресурсами. В условиях производственной среды такие специалисты, возможно, склонны игнорировать риски сердечно-сосудистых

заболеваний, утомления, снижения работоспособности. Это, в свою очередь, негативно влияет на функциональное состояние работников, снижая безопасность профессиональной деятельности.

Напротив, психологический профиль работников локомотивных бригад группы условно здоровых отличают следующие комплексы личностных черт: высокий уровень активности, хорошее настроение, оптимизм, нервно-психическая устойчивость, оптимальный уровень тревожности, независимость в суждениях, общительность, уверенность в себе, самостоятельность, ориентация на собственные цели и интересы. Они воспринимают себя как самодостаточных, обладающих способностью добиваться успеха, влиять на какие-либо аспекты профессиональных отношений, регулировать состояние здоровья.

Тема, затронутая в работе, требует внимания и дальнейшего развития, так как важным условием безопасности деятельности, связанной с высокими рисками чрезвычайных ситуаций, аварий, травматизма, является качественное психологическое сопровождение специалистов опасных профессий. Анализ представленных результатов исследования позволяет говорить о необходимости повышенного внимания медико-психологических служб к профилактике снижения адаптивных ресурсов, диагностике индивидуально-личностных (профессионально важных) качеств, профессиональных деформаций, возникающих по причине хронического стресса.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки автоматизированных систем психологического сопровождения специалистов опасных профессий с целью оценки состояния здоровья работников; обеспечения коррекционных профилактических мероприятий, оптимизирующих работоспособность личности. Данные проведенного исследования указывают на определяющую роль личностных особенностей в обеспечении профессионального здоровья и безопасности поездной деятельности.

Литература

1. Бабанов С., Бараева Р. Профессиональные поражения сердечно-сосудистой системы // Врач. 2015. № 3. С. 7–10.

2. Баланова Ю. А. Распространенность поведенческих факторов риска сердечнососудистых заболеваний в Российской популяции по результатам исследования ЭСС-РФ / Ю. А. Баланова и др. // Профилактическая медицина. 2014. Т. 17. № 5. С. 42–53.
3. Бойцов С. А., Шальнова С. А., Деев А. Д. Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний в Российской Федерации и возможные механизмы ее изменения // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2018. Т. 118. № 8. С. 98–103.
4. Бойцов С. А. Кардиоваскулярная профилактика 2017. Российские национальные рекомендации / С. А. Бойцов и др. // Российский кардиологический журнал. 2018. Т. 23. № 6. С. 7–122.
5. Бухтияров И. В., Кузьмина Л. П., Пфаф В. Ф. Актуальные проблемы профилактики производственно обусловленной патологии // Актуальные проблемы медицины труда: сборник трудов института / НИИ медицины труда им. акад. Н. Ф. Измерова. Саратов: Амирит, 2018. С. 26–36.
6. Гоженко А. И. Вопросы охраны труда, здоровья и организационно-методические аспекты определения функционального состояния машинистов локомотивных бригад / А. И. Гоженко и др. // Актуальные проблемы транспортной медицины. 2013. Т. 2. № 2 (32). С. 009–013.
7. Джорупбекова К. Ш., Кыдыралиева Р. Б., Алтымышева А. Т. Оценка распространенности основных факторов риска средечно-сосудистых заболеваний // Международное научное обозрение. 2016. Т. 20. № 30. С. 84–90.
8. Закревская А. А., Алпаев Д. В., Сериков В. В. Рекомендации по формированию графиков сменной работы в основных железнодорожных профессиях (машинисты локомотивов, диспетчера и другие операторские профессии) // Медицина труда и промышленная экология. 2017. № 7. С. 32–35.
9. Калинина А. М. Результаты выявления болезней системы кровообращения при диспансеризации взрослого населения: опыт первых 2 лет / А. М. Калинина и др. // Терапевтический архив. 2016. Т. 88. № 1. С. 46–52.
10. Оганов Р. Г., Концевая А. В., Калинина А. М. Экономический ущерб от сердечно-сосудистых заболеваний в Российской Федерации // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2011. Т. 10. № 4. С. 4–9.
11. Сенаторова О. В. К вопросу об изучении взаимодействия психосоциальных и генетических факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний / О. В. Сенаторова и др. // Сибирский медицинский журнал. 2016. Т. 31. № 1-1. С. 6–11.
12. Уразалина С. Ж. Стратификация сердечно-сосудистого риска, современное состояние проблемы // Российский медицинский журнал. 2012. № 5. 2012. С. 39–45.
13. La Rovere M. T., Gorini A., Schwartz P. J. Stress, the autonomic nervous system, and sudden death // *Autonomic Neuroscience*. 2022. Vol. 237. P. 102921. DOI:10.1016/j.autneu.2021.102921
14. Marijon E. Fighting against sudden cardiac death: need for a paradigm shift — adding near-term prevention and pre-emptive action to long-term prevention / E. Marijon et al. // *European Heart Journal*. 2022. Vol. 43. № 15. P. 1457–1464. DOI:10.1093/eurheartj/ehab903. URL: <https://academic.oup.com/eurheartj/advance-article/doi/10.1093/eurheartj/ehab903/6525331?login=false> (дата обращения: 02.04.2022).
15. Uskovas G. Driver cardiovascular disease detection using seismocardiogram / G. Uskovas et al. // *Electronics*. 2022. Vol. 11. № 3. P. 484. DOI: 10.3390/electronics11030484. URL: <https://www.mdpi.com/2079-9292/11/3/484> (дата обращения: 02.04.2022).

References

1. Babanov S., Baraeva R. Professional'ny'e porazheniya serdechno-sosudistoj sistemy` [Occupational lesions of the cardiovascular system] // *Vrach [Doctor]*. 2015. № 3. P. 7–10.
2. Balanova Yu. A. Rasprostranennost' povedencheskix faktorov riska serdechnosudisty`x zabolevanij v Rossijskoj populyacii po rezul'tatam issledovaniya E`SS-RF [The prevalence of behavioral risk factors for cardiovascular diseases in the Russian population according to the results of the ESS-RF study] / Yu. A. Balanova et al. // *Profilakticheskaya medicina [Preventive Medicine]*. 2014. Vol. 17. № 5. P. 42–53.
3. Bojczov S. A., Shal'nova S. A., Deev A. D. Smertnost' ot serdechno-sosudisty`x zabolevanij v Rossijskoj Federacii i vozmozhny`e mexanizmy` ee izmeneniya [Mortality from cardiovascular diseases in the Russian Federation and possible mechanisms of its change] // *Zhurnal nevrologii i psixiatrii imeni S. S. Korsakova [S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry]*. 2018. Vol. 118. № 8. P. 98–103.

4. Bojczov S. A. Karidiovaskulyarnaya profilaktika 2017. Rossijskie nacional'ny'e rekomendacii [Cardiovascular prophylaxis 2017. Russian national guidelines] / S. A. Bojczov et al. // Rossijskij kardiologicheskij zhurnal [Russian Journal of Cardiology]. 2018. Vol. 23. № 6. P. 7–122.
5. Buxtiyarov I. V., Kuz'mina L. P., Pfaf V. F. Aktual'ny'e problemy` profilaktiki proizvodstvenno obuslovlennoj patologii [Actual problems of prevention of occupational pathology] // Aktual'ny'e problemy` mediciny` truda: sbornik trudov instituta [Actual problems of occupational medicine: a collection of the Institute's works] / NII mediciny truda imeni akademika N. F. Izmerova. Saratov: Amirit, 2018. P. 26–36.
6. Gozhenko A. I. Voprosy` ohrany` truda, zdorov`ya i organizacionno- metodicheskie aspekty` opredeleniya funkcional'nogo sostoyaniya mashinistov lokomotivny`x brigad [Issues of labor protection, health and organizational and methodological aspects of determining the functional state of locomotive crew drivers] / A. I. Gozhenko et al. // Aktual'ny'e problemy` transportnoj mediciny` [Actual problems of transport medicine]. 2013. Vol. 2. № 2 (32). P. 009–013.
7. Dzhorupbekova K. Sh., Ky`dy`ralieva R. B., Alty`my`sheva A. T. Ocenka rasprostranennosti osnovny`x faktorov riska sredechno-sosudisty`x zabolevanij [Evaluation of the prevalence of the main risk factors for medium-vascular diseases] // Mezhdunarodnoe nauchnoe obozrenie [International Scientific Review]. 2016. Vol. 20. № 30. P. 84–90.
8. Zakrevskaya A. A., Alpaev D. V., Serikov V. V. Rekomendacii po formirovaniyu grafikov smennoj raboty` v osnovny`x zheleznodorozhny`x professiyax (mashinisty` lokomotivov, dispetchera i drugie operatorskie professii) [Recommendations for the formation of shift work schedules in the main railway professions (locomotive drivers, dispatchers and other operator professions)] // Medicina truda i promy`shlennaya e`kologiya [Occupational Medicine and Industrial Ecology]. 2017. № 7. P. 32–35.
9. Kalinina A. M. Rezul'taty` vy`yavleniya boleznej sistemy` krovoobrashheniya pri dispanserizacii vzroslogo naseleniya: opyt` pervy`x 2 let [Results of detection of diseases of the circulatory system during clinical examination of the adult population: experience of the first 2 years] / A. M. Kalinina et al. // Terapevticheskij arxiv [Therapeutic archive]. 2016. Vol. 88. № 1. P. 46–52.
10. Oganov R. G., Koncevaya A. V., Kalinina A. M. E`konomicheskij ushherb ot serdechno-sosudisty`x zabolevanij v Rossijskoj Federacii [Economic damage from cardiovascular diseases in the Russian Federation] // Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika [Cardiovascular therapy and prevention]. 2011. Vol. 10. № 4. P. 4–9.
11. Senatorova O. V. K voprosu ob izuchenii vzaimodejstviya psixosocial'ny`x i geneticheskix faktorov riska serdechno-sosudisty`x zabolevanij [To the question of studying the interaction of psychosocial and genetic risk factors for cardiovascular diseases] / O. V. Senatorova et al. // Sibirskij medicinskij zhurnal [Siberian Medical Journal]. 2016. Vol. 31. № 1-1. P. 6–11.
12. Urazalina S. Zh. Stratifikaciya serdechno-sosudistogo riska, sovremennoe sostoyanie problemy` [Stratification of cardiovascular risk, the current state of the problem] // Rossijskij medicinskij zhurnal [Russian Medical Journal]. 2012. № 5. 2012. P. 39–45.
13. La Rovere M. T., Gorini A., Schwartz P. J. Stress, the autonomic nervous system, and sudden death // Autonomic Neuroscience. 2022. Vol. 237. P. 102921. DOI:10.1016/j.autneu.2021.102921
14. Marijon E. Fighting against sudden cardiac death: need for a paradigm shift — adding near-term prevention and pre-emptive action to long-term prevention / E. Marijon et al. // European Heart Journal. 2022. Vol. 43. № 15. P. 1457–1464. URL: <https://academic.oup.com/eurheartj/advance-article/doi/10.1093/eurheartj/ehab903/6525331?login=false> (date accessed: 16.03.2022).
15. Uskovas G. Driver cardiovascular disease detection using seismocardiogram / G. Uskovas et al. // Electronics. 2022. Vol. 11. № 3. P. 484. DOI: 10.3390/electronics11030484. URL: <https://www.mdpi.com/2079-9292/11/3/484> (date accessed: 16.03.2022).

УДК 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.03

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО И ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е. А. Екжанова,
МГПУ, Москва,
ekjanovaea@mgpu.ru

Статья является результатом аналитического исследования в области обеспечения специальных образовательных условий для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью в условиях специального и инклюзивного образования. В основу изучения состояния указанных условий положены критерии, заданные в нормативных документах и сложившиеся в результате мониторингов, проведенных на территории Российской Федерации. Специальные образовательные условия включают в себя использование специальных образовательных программ и методов обучения и воспитания, специальных учебников, учебных пособий и дидактических материалов, специальных технических средств обучения. Для их обеспечения необходимы достаточность финансово-экономических и нормативно-правовых условий, информационное и кадровое обеспечение учебного процесса.

В ходе исследования выделены три группы региональных субъектов, в которых специальные образовательные условия серьезно различаются между собой: столицы, региональные центры и малые города с сельскими поселениями. Проведенная системная оценка позволяет говорить о необходимости создания условий для эффективного федерального и регионального взаимодействия в вопросах обеспечения качества специального и инклюзивного образования с целью обеспечения функционирования единого образовательного пространства и предоставлении образовательных услуг всем нуждающимся в них детям, независимо от места их проживания.

Ключевые слова: специальные образовательные условия; специальное образование; инклюзивное образование; системная оценка; мониторинг; показатели качества; диагностико-прогностический скрининг; популяционные исследования.

Для цитаты: Екжанова Е. А. Современное состояние специального и инклюзивного образования // Системная психология и социология. 2022. № 2 (42). С. 26–35. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.03

Екжанова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры логопедии Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: *ekjanovaea@mgpu.ru*

ORCID: 0000-0001-7669-875

UDC 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.03

THE CURRENT STATE OF SPECIAL AND INCLUSIVE EDUCATION

E. A. Ekzhanova,
MCU, Moscow,
ekjanovaea@mgpu.ru

The article is the result of an analytical study in the field of providing special educational conditions for children with disabilities in special (correctional) and inclusive education. The study of the state of these conditions is based on the criteria set in regulatory documents and formed as a result of monitoring conducted

© Екжанова Е. А., 2022

on the territory of the Russian Federation. Special educational conditions include the use of special educational programs and methods of teaching and upbringing, special textbooks, teaching aids and didactic materials, special technical means of teaching. They also include the sufficiency of financial, economic and regulatory conditions, information and personnel support of the educational process.

In the course of the study, three groups of regional settlements in which special educational conditions seriously differ from each other are allocated: “capitals”, “regional centers” and “small towns with rural settlements”. The conducted systemic assessment suggests the need to create conditions for effective federal and regional cooperation in ensuring the quality of special and inclusive education in order to provide the functioning of a single educational space and the provision of educational services to all children, regardless of their place of residence.

Keywords: special educational conditions; special education; inclusive education; system assessment; monitoring; quality indicators; diagnostic and prognostic screening; population studies.

For citation: Ekzhanova E. A. The current state of special and inclusive education // Systems Psychology and Sociology. 2022. № 2 (42). P. 26–35. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.03

Ekzhanova Elena Anatolyevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Speech Therapy at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: ekjanovaea@mgpu.ru

ORCID: 0000-0001-7669-875

Введение

При создании специальных образовательных условий образовательные организации базируются на Письме Министерства образования и науки РФ от 18.04.2008¹, ФЗ № 273² и ряде других нормативных актов³. С каждым годом соблюдение этих требований все более четко отслеживается, и тому есть объективные основания. С 2019 г. в стране действует проект «Образование», позволивший улучшить материально-техническую базу школ, обустроить специальные

школы, оснастить их кабинеты новыми технологиями, обеспечить детей и педагогов компьютерными классами и оборудованием. Конкурс «Доброшкола» в рамках федерального проекта «Современная школа» третий год подряд оценивает усилия образовательных организаций в обновлении их инфраструктуры в интересах обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью.

Сегодня школы получают помощь в приобретении высокотехнологичного оборудования, по-новому оснащают рабочие места специалистов службы сопровождения, помещения для дополнительного образования и здоровьесберегающих практик. Интенсивно осуществляется методическая поддержка педагогов и обучающихся в колледжах, что особенно значимо сегодня на рынке труда. На базе многих региональных университетов созданы РУМЦы — региональные учебно-методические центры, отвечающие за высшую ступень образования для обучающихся с ОВЗ и инвалидностью и поддерживающие усилия практиков в этом направлении. Следует отметить еще одну важную деталь: в массовых школах и домах-интернатах появилась (или вернулась) ставка учителя-дефектолога.

При этом отмечается ряд проблем, связанных с необходимостью повышения качества специального и инклюзивного образования, поскольку эффективность работы специалистов на местах напрямую зависит от созданных

¹ Письмо Минобрнауки РФ от 18.04.2008 № АФ-150/06 «О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами». URL: https://www.mos.ru/upload/documents/oiv/mon_18_04_2008_af_150_06_i.pdf (дата обращения: 04.04.2022).

² Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 02.04.2022).

³ Приказ Минобрнауки России от 30.08.2013 № 1015 (ред. от 10.06.2019) «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам — образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-30082013-n-1015/> (дата обращения: 03.04.2022).

специальных образовательных условий в регионе. В этой связи цель настоящей работы состоит в системной оценке актуального состояния специального и инклюзивного образования.

Опыт использования диагностико-прогностического скрининга

Диагностико-прогностический скрининг, вошедший в психолого-педагогическую практику во многих субъектах РФ в 1998 г., является одним из эффективных механизмов оценки уровня готовности детского контингента к школьному образованию. Сегодня он активно используется в работе школьных и дошкольных психологов, специалистов психолого-медико-педагогических комиссий (ПМПК), центров психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи (ППМС-центры) и образовательных организаций разного уровня и вида⁴. В Московском регионе в виде популяционного исследования он применялся с 2000 по 2016 г. в центре психолого-педагогической реабилитации и коррекции «Ясенево». За эти годы по диагностико-прогностическому скринингу были накоплены обширные лонгитюдные данные о готовности к школьному обучению детей-шестилеток [3; 4]. Готовность рассматривается с позиции нормативных показателей психофизиологической зрелости [2: с. 10].

Параметры, которые оценивает скрининг, включают качество произвольности, регуляторный компонент, состояние фонематического слуха и моторики, пространственных модусов, эмоционально-личностные компоненты и очень важное ученическое качество — умение действовать по образцу и выполнять инструкцию взрослого. Скрининг показывает и предикторы интеллектуальной недостаточности: как правило, детей с такими предикторами выявляется в обычной детской популяции не более 2–4 %. В этом году

перед специалистами-практиками из многих регионов страны встал вопрос невозможности воспроизведения детьми пространственных модусов. Несмотря на то что скрининг относится к методам экспресс-диагностики, он является достаточно тонким инструментом определения психологического статуса ребенка. Опыт использования показывает, что скрининг определяет нюансы психологического самочувствия ребенка. Опираясь на результаты системного анализа возможных причин данной ситуации, был сделан вывод, что дети шести-, семилетнего возраста попали под влияние популяционной паники, связанной с периодом переживания населением последствий воздействия коронавирусной инфекции. Дети среагировали на повышенную тревожность родителей и показали ответную реакцию, что и привело у них к «схлопыванию пространства», которое неоднократно отмечалось в психологической литературе профильными специалистами как проявление стресса и психотравмы [1].

Подобные реакции неоднократно выявлялись посредством использования диагностико-прогностического скрининга. В 2002 г. скрининг довольно четко среагировал на изменение качества детского питания, ухудшившегося за счет хлынувших в страну генномодифицированных продуктов. Этот процесс привел к снижению количества детей, готовых к обучению в школе. Спустя шесть лет, был отмечен рост групп риска и экстрариска. В процессе популяционного обследования детей, приступивших к обучению с 2007/2008 учебного года, результаты показали 43 % психофизиологически незрелых детей, не готовых к систематическим нагрузкам при освоении школьной программы. В 2008/2009 и 2009/2010 учебных годах этот показатель стойко держался на отметке 47 %. И лишь к 2011/2012 учебному году процент детей, не готовых к школьному обучению, начал снижаться (37 %) [3].

Таким образом, популяционные исследования необходимы сфере образования. Их результаты должны стать предметом обсуждения как в научной среде, так и в среде широкой общественности с целью активного поиска путей противодействия ухудшению

⁴ *Екжанова Е. А.* Диагностико-прогностический скрининг в первых классах общеобразовательной школы. М., 1997 г. 23 с. URL: https://mbdou-1.ucoz.ru/psixolog/ekzhanova_e.a-diagnostiko-prognosticheskij_skrinin.pdf (дата обращения: 12.05.2022).

психофизиологической зрелости подрастающего поколения. Актуальность применения диагностико-прогностического скрининга обусловлена требованием использования независимого механизма, позволяющего через систему косвенных показателей оценить состояние того или иного процесса или явления.

Системная оценка качества специального и инклюзивного образования

Создание специальных условий получения образования требует консолидации усилий в направлении организационного, материально-технического, психолого-педагогического, программно-методического, кадрового обеспечения.

Проведение оценки качества специального и инклюзивного образования целесообразно начать с обсуждения вопроса кадрового обеспечения [13]. Решение этого вопроса связано с необходимостью повышения статуса и роли профессии педагога. Работа с особыми детьми — это колоссальная ответственность и нагрузка. При этом размер заработной платы, надбавок и доплат законодатель возложил на регионы в лице руководителей образовательных организаций, привязав ее к средней по субъекту Федерации. Как следствие, по отдельным регионам педагоги получают заработную плату в размере 18–20 тыс. рублей при работе на полторы ставки.

Пандемия способствовала тому, что из школ ушли возрастные специалисты, а молодые педагоги на их место не пришли. Они не готовы получать низкие зарплаты, тратить свое свободное время на отчеты и рутинную бумажную работу, заниматься деятельностью, несвойственной их основной специальности. В некоторых регионах даже должность тьютора превратилась в «родительского тьютора» и оплачивается из средств родителей. Однако сейчас нужны учителя-дефектологи с профильной подготовкой по олигофренопедагогике, сурдопедагогике и тифлопедагогике, специальные педагоги-психологи со специализацией по олигофренопсихологии, инструкторы по лечебной физкультуре, педагоги дополнительного образования. Кроме того, из-за оптимизации штатного

расписания школ вузы стали набирать и выпускать меньше профильных специалистов. Сейчас нехватка кадров достигла колоссальных размеров. Дефицит учителей-логопедов по стране составил 21 856 человек, учителей-дефектологов — 26 822 человека⁵. Как отмечалось на круглом столе ректоров педагогических вузов в 2021 г., цифры приема по учителям-дефектологам они смогут увеличить с 9,5 тысяч до 12,5 тысяч только к 2026 г.

Служба оказания ранней помощи нуждается во внедрении модели раннего вмешательства с целью эффективного обучения родителей проблемного ребенка и волонтеров коррекционным технологиям. Немалое беспокойство вызывает тот факт, что охват наиболее отслеживаемой категории особых детей — с аутизмом — на этапе раннего детства составляет чуть более 1,7 % от потребности [12: с. 5].

Сегодня необходимо дать право образовательным организациям направлять педагогов на ежегодные бесплатные курсы повышения квалификации для своих сотрудников по коррекционной педагогике. Требуется регулярный мониторинг выполнения специальных образовательных условий для обучения детей с ОВЗ, которые необходимо соблюдать не только в столицах и региональных центрах, но и в малокомплектных сельских школах на всей территории страны.

В этой связи интерес представляют данные оценки психолого-педагогических аспектов качества инклюзивного образования в общеобразовательных организациях Российской Федерации, полученные сотрудниками Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского в рамках государственного задания [5; 6; 9: с. 14]. Эмпирической базой исследования выступили 547 общеобразовательных учреждений в 12 субъектах РФ. Оценка качества инклюзивного образования учитывала его психолого-педагогическую составляющую и осуществлялась по 14 параметрам,

⁵ IV Всероссийский съезд дефектологов завершил работу в Москве // Институт коррекционной педагогики РАО: сайт. URL: <https://ikp-rao.ru/iv-vserossijskij-sezd-defektologovzavershil-rabotuv-moskve/> (дата обращения: 03.04.2022).

среди них: наличие и соответствие АООП ФГОС; организационные аспекты реализации инклюзивного образования; наличие педагогических технологий, учебных планов, программ (и их вариантов); формирование адекватных позитивных отношений между всеми субъектами образовательного процесса; психологическая готовность родителей; наличие в учреждении междисциплинарной команды и укомплектованной службы комплексного сопровождения; успешное усвоение программ детьми с ОВЗ и наличие структуры, обеспечивающей методическое сопровождение педагогов и др. Авторы исследования произвели ранжирование показателей качества инклюзивного образования. Средние значения оценки качества в области соответствия программ ФГОС, организационным аспектам и кадровому обеспечению по многим обследованным регионам колебались от 77 до 87 %. Наличие педагогических технологий и методического сопровождения — от 64 до 67 %. Хорошее материально-техническое обеспечение отметили 53 % респондентов, соответствующую квалификацию кадрового состава — 50 %, наличие системы специальной поддержки освоения основной образовательной программы детьми с ОВЗ — лишь 51 %. Наличие информационного обеспечения инклюзивного образования отметили 48 % опрошенных, психолого-педагогическую готовность родителей к инклюзивному образованию выявили в 24 % организаций, удовлетворенность результативностью образования продемонстрировали 25 % опрошенных [5: с. 75–76; 6].

Информативны также результаты мониторинга, оценивающего качество инклюзивного образования по отдельной нозологической группе — детям с ранним детским аутизмом [10]. Как отмечают А. В. Хаустов и М. А. Шумских, «общая численность обучающихся с РАС в 2020 году по сравнению с 2019 годом увеличилась на 43 % и составила 32 990 человек. Если сравнивать с 2017 годом, то рост обучающихся составил 106 %. Большинство детей с РАС (69 %) обучаются на уровнях начального, основного и среднего общего образования. Доля детей с РАС, посещающих общеобразовательные (инклюзивные) классы с применением модели “Ресурсный класс”, составляет 7 %.

Обучающиеся на дому школьники с РАС составляют 37 % от общего числа учащихся с аутизмом». При этом в 43 субъектах Российской Федерации создано 52 региональных ресурсных центра для детей с РАС [12: с. 3]. Таким образом, детям этой категории созданы достойные условия воспитания и обучения. Однако авторы отмечают, что и для них «сохраняется проблема кадрового обеспечения образования и сопровождения... 66 % детей получают услуги логопеда, 55 % — дефектолога, 80 % учащихся с РАС получают поддержку педагогов-психологов, всего 19 % детей с аутистическими нарушениями обеспечены тьюторским сопровождением» [12: с. 3].

Базовые параметры специальных условий в образовании

Сравнительная оценка качества специального и инклюзивного образования с позиции требования законодателя о создании специальных образовательных условий, а также оценка их состояния может быть представлена в соответствии с тремя существенно различающимися между собой группами регионов: столицы, региональные центры, малые города с сельскими поселениями.

1. Для столичных регионов, включающих в себя Москву и Санкт-Петербург, характерны следующие параметры специальных условий в образовании:

➤ в специальных школах: созданы финансово-экономические условия, имеется достаточное информационное сопровождение; присутствует отличное материально-техническое обеспечение; имеются программы обучения для всех категорий детей; имеется учебно-методическая литература; присутствует достаточное кадровое обеспечение, однако есть нужда в медицинском персонале; наблюдается переполнение классов при условии нахождения образовательной организации (ОО) в комплексе;

➤ в инклюзивных школах: достаточное организационное обеспечение; отличный уровень материально-технического обеспечения; наличие программ обучения для всех категорий детей, но низкая результативность;

наличие учебно-методической литературы; достаточное кадровое обеспечение при тенденции вымывания кадров в частные структуры; присутствие активных родительских ассоциаций.

2. Для региональных центров и крупных городов характерны следующие параметры специальных условий в образовании:

➤ в специальных школах: наличие нормативной базы, удовлетворительного питания и ухода; участие в федеральных проектах; преобразование спецшкол в ресурсные центры; наличие программ обучения; наличие учебно-методической литературы для всех категорий детей; отсутствие специалистов в области расстройств аутистического спектра (РАС) и условий для проведения занятий лечебной физической культуры (ЛФК); сохранение психолого-педагогических и медико-социальных (ППМС) центров при потере в них кадров; слаженная работа консилиумов в ОО при активном взаимодействии с психолого-медико-педагогическими консилиумами (ПМПК) и друг с другом;

➤ в инклюзивных школах: недостаточное организационное обеспечение; слабое финансирование, отсутствие коэффициента; при вхождении ОО в комплекс плохое финансирование, нехватка средств на тьюторов; высокий процент детей с диагнозом, но без инвалидности; нехватка учебно-методической литературы; отсутствие специалистов в области РАС; хорошее сетевое взаимодействие; наличие административной поддержки; много волонтерских проектов.

3. Для малых городов и сельских поселений характерны следующие параметры специальных условий в образовании:

➤ в специальных школах: наличие нормативной базы, удовлетворительного питания и ухода; хорошее взаимодействие ОО друг с другом; недостаточное материально-техническое обеспечение; слабое информационное обеспечение; программы обучения рассчитаны не на все категории детей; нехватка учебно-методической литературы; нехватка кадров; отсутствие персональных компьютеров; классы переполнены; нежелание родителей использовать возможности дистанционного обучения;

➤ в инклюзивных школах: недостаточное организационное обеспечение; слабое финансирование (исключением являются только участники федеральных и региональных грантовых проектов); слабое материально-техническое обеспечение; острая проблема нехватки медицинского сопровождения; надомное обучение детей при недостаточном количестве часов и отсутствии возможности выбора часов; отсутствие обеспечения специальной индивидуальной программы развития (СИПР); нехватка кадрового обеспечения; отсутствие персональных компьютеров; классы переполнены; отсутствие социального такси для обеспечения возможности обучения детей.

Таким образом, лучше всего требования по созданию специальных образовательных условий удовлетворяются в столицах (Москва и Санкт-Петербург). На сегодняшний день у каждой специальной и инклюзивной школы на сайте широко представлена нормативная база, отражены все программы обучения и учебные планы, имеется отличное информационное обеспечение, учебно-методическая литература. При этом в Москве у многих родителей возникают претензии к отсутствию медицинского персонала. Контингент учреждений за последние десять лет резко утяжелелся, он изменился по структуре дефекта и увеличился в составе. Педагоги, оставленные один на один с классом, физически не способны в случаях обострения соматического или психического состояния ребенка вызвать неотложную помощь, поскольку при манифестации у одного ребенка остальные дети не могут быть оставлены без присмотра [7; 11].

Серьезная проблема связана с вхождением специальных школ в структуру комплексов. Руководство данными комплексами осуществляется подготовленными администраторами-управленцами, не имеющими специального дефектологического образования. В связи с тем что администраторы не знакомы со спецификой обучения детей с ОВЗ, штатное расписание спецшкол не соответствует потребностям грамотной организации учебно-воспитательного, а главное, коррекционно-развивающего процесса. Кроме того, остро стоит проблема

переполнения классов. Например, в одной из специальных московских школ десять лет назад на начальной ступени обучения было 73 обучающихся с ОВЗ, а сейчас их 110 — на тех же площадях и в тех же классах. Сложно доказать необходимость открытия класс-комплекта для 5–6 учеников с инвалидностью, когда во внимание не принимается структура дефекта, рекомендации ПМПК и индивидуальные особенности детей⁶. Отсюда возникают трудности с оплатой труда учителя начальных классов, учителей-предметников, а также со ставками специалистов психолого-педагогического сопровождения.

Состояние специальных коррекционных и общеобразовательных инклюзивных школ в региональных и крупных городах за последние 3–4 года значительно улучшилось. Это связано с реализацией федерального проекта «Образование», участием образовательных организаций в крупных региональных грантовых проектах. Многие специальные коррекционные школы стали ресурсными центрами по инклюзии в городе, регионе. Это решило вопрос и с их комплектованием, и с помощью инклюзивным школам. Однако у самих общеобразовательных инклюзивных школ часто не хватает финансовых средств на создание необходимых условий для детей с ОВЗ и инвалидностью и на повышение профессиональной компетентности педагогических работников.

Оптимизация в образовании РФ затронула крупные региональные центры и большие города. На волне укрупнения и слияния из системы ПМПК, ППМС-центров исчезли высокопрофессиональные специалисты психолого-педагогического сопровождения, пропало медицинское сопровождение. Не только в небольших городах, но и в региональных центрах родители детей с ОВЗ и инвалидностью не могут получить консультацию невролога по месту жительства, поэтому два раза в год они собирают деньги и приглашают

врача из Москвы или Санкт-Петербурга, который консультирует их детей и контролирует правильность назначенного лечения. Известны такие примеры в нескольких крупных городах, для которых это является ежегодной практикой. Отметим также, что специальному образованию нужны специально подготовленные неврологи и психиатры, которые видят предикторы психических заболеваний, маркеры неврологических отклонений и психологических нарушений и могут оказывать медицинскую помощь детям с ОВЗ и инвалидностью, особенно психоневрологического характера [14]. Эту проблему предстоит в ближайшие годы решить медицинским вузам страны, и в достаточно короткие сроки. Образованию предстоит подготовить специалистов для работы с детьми, имеющими сочетанные нарушения, расстройства аутистического спектра, нарушения слуха и зрения, специалистов по лечебной физкультуре, раннему возрасту и др.

Необходимо отметить такой позитивный факт в региональных городах, как развитие волонтерского движения [8]. Особенно оно активно в тех городах, где есть дефектологические факультеты или педагогические вузы. Например, в Пензе 600 волонтеров оказывают помощь детям с инвалидностью; в Рязани и Елаатьме волонтеры, объединенные вокруг центра практической психологии и психологической службы РГУ имени С. А. Есенина, работают в домах-интернатах (центрах содействия семейному воспитанию) с детьми, имеющими тяжелые множественные нарушения развития, и в школах, где обучаются дети с ментальными нарушениями. Безусловно, эту работу надо развивать и поддерживать. Однако и здесь возникают риски, связанные с вторжением административных механизмов и формализма.

Состояние специального и инклюзивного образования в малых городах и сельской местности находится на низком уровне: материальная база очень слабая, отсутствуют учебники и пособия. Немаловажное значение имеют возрастные характеристики специалистов в малых городах и сельских поселениях. Отсутствие профильных специалистов психолого-педагогического сопровождения,

⁶ Екжанова Е. А., Чистогова И. А., Ткачев Д. Ю. Клинико-психолого-педагогический подход на службе специального образования: методология междисциплинарного взаимодействия // Педагогика. 2013. № 5. С. 89–95.

невозможность повысить свою профессиональную компетентность — это знакомые ситуации для школ из малых городов и сельских населенных пунктов. На сегодняшний день актуальны проблемы доставки ребенка с инвалидностью на учебные или коррекционные занятия, с поездкой к профильному медицинскому специалисту (например, к неврологу) в областной центр или с приездом/приходом педагога к ученику на домашнее обучение.

Родители детей с ОВЗ и инвалидностью находят выход для организации обучения, отлаживая сети личного взаимодействия. Наиболее активные родители привлекают попечителей, спонсоров, предпринимателей, создают клубы по интересам. Местные органы власти предоставляют таким клубам помещения и оказывают небольшую грантовую поддержку. Но и родители, и педагоги главной проблемой считают отсутствие у детей с ОВЗ и инвалидностью грамотного и регулярного медицинского сопровождения. Особый ребенок, как никакой другой, нуждается в систематическом консультировании, лечении и реабилитации: массаже, занятиях ЛФК, профилактическом медицинском лечении, протезировании и др. Территориальные центры социального обслуживания помогают семьям в реабилитации, но к ней нужно и полноценное качественное обучение, а его без специальных образовательных условий реализовать очень сложно. Ведь это и профессиональное трудовое обучение, и психолого-педагогическое сопровождение, и работа в учебных мастерских, и занятия спортом, и участие в системе дополнительного образования, без которого никакая инклюзия невозможна.

Заключение

Результаты проведенного анализа подтверждают необходимость создания единого образовательного пространства на всей территории страны. Качество специального и инклюзивного образования в школе напрямую зависит от созданных специальных образовательных условий в регионе, а также от состояния службы психолого-медико-педагогического сопровождения детей раннего, дошкольного и школьного возраста. Целесообразно восстановить систему работы ППМС-центров в стране в том объеме, который существовал до 2011 г., вернув им уставную деятельность в рамках учреждений для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи, и придать им статус ресурсных центров по развитию инклюзивного образования. При этом неэффективно создавать подобные учреждения на ведомственной основе, что приводит к их укрупнению, а следовательно, к удалению от места проживания ребенка с ОВЗ и инвалидностью и его семьи.

Повышение профессиональной компетентности педагогов в вопросах специального дефектологического образования должно быть доступно всем педагогам страны. На территориях муниципалитетов необходимо создавать координационные советы по межведомственному взаимодействию, которые самостоятельно решат, какие организации и структуры они будут поддерживать, кого привлекать к работе с детьми с ОВЗ и на какой основе. Главная задача состоит в грамотном сочетании федерального и регионального уровней поддержки и ответственности, как в отношении детей с ОВЗ и инвалидностью и их родителей, так и по отношению к образовательным организациям.

Литература

1. Бурмирова Е. В. Семья с «особым ребенком»: психологическая и социальная помощь // Вестник практической психологии образования. 2009. № 1. С. 82–86.
2. Гуткина Н. И. Психологическая готовность к школе. М.: Академический Проект, 2004. 208 с.
3. Екжанова Е. А. Системная профилактика и коррекция школьной неуспешности на основе анализа результатов авторского диагностико-прогностического скрининга // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2018. № 8. С. 19–25.
4. Екжанова Е. А. Скрининговые исследования в системе профилактической работы с детьми на начальных этапах обучения в школе // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2018. № 7. С. 13–20.

5. Елисеев В. К., Косыгина Е. А., Бычкова Е. С. Мониторинг качества инклюзивного образования в общеобразовательных организациях Российской Федерации // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2021. № 6. С. 73–78.
6. Елисеев В. К., Романова Ю. В., Коробова М. В. О региональных особенностях оценки качества инклюзивного образования в общеобразовательных организациях России // Научно-теоретический журнал «Экономические и гуманитарные исследования регионов». 2021. № 6. С. 79–84.
7. Зыбарева Н. Н. Тьюторское сопровождение инклюзивного образования [Электронный ресурс] // Межрегиональная тьюторская ассоциация: сайт. URL: <https://thetutor.ru/biblioteka/tyutorstvo-v-inklyuzivnom-obrazovanii/tyutorskoe-soprovozhdenie-inklyuzivnogo-obrazovaniya/> (дата обращения: 15.03.2022).
8. Крутицкая Е. В. Особенности PR сопровождения деятельности волонтерского центра в сети Интернет // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 10. С. 52–57.
9. Меремьянина А. И., Елисеев В. К., Коробова М. В. Методические рекомендации по совершенствованию системы оценки психолого-педагогических аспектов качества инклюзивного образования в общеобразовательных организациях Российской Федерации (для педагогов, родителей и обучающихся). Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. 45 с.
10. Тарарьев И. В. Создание инклюзивного образовательного пространства для сопровождения детей с расстройством аутистического спектра // Педагогика и психология: перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 27 ноября 2020 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2020. С. 185–187.
11. Телелюева Т. Н., Трофимова Г. С., Строкова Т. И. Инклюзивное образование детей, имеющих сложный дефект: нарушение зрения и аутистические расстройства // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2018. Т. 3. № 1 (20). С. 30–33.
12. Хаустов А. В., Шумских М. А. Динамика в развитии системы образования детей с расстройствами аутистического спектра в России: результаты Всероссийского мониторинга 2020 года // Аутизм и нарушения развития. 2021. Т. 19. № 1 (70). С. 3–11. DOI: <https://doi.org/10.17759/autdd.2021190101>
13. Шмачилина-Цибенко С. В. Кадровое обеспечение развития инклюзивного образования // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 66–69.
14. Ekzhanova E. A. Education and training of children with developmental disabilities // Journal of Learning Disabilities. 2002. № 1. P. 8–15.

References

1. Burmistrova E. V. Sem`ya s «osoby`m rebenkom»: psixologicheskaya i social`naya pomoshh` [A family with a “special child”: psychological and social assistance] // Vestnik prakticheskoy psixologii obrazovaniya [Bulletin of Practical Psychology of Education]. 2009. № 1. P. 82–86.
2. Gutkina N. I. Psixologicheskaya gotovnost` k shkole [Psychological readiness for school]. M.: Akademicheskij Proekt, 2004. 208 p.
3. Ekzhanova E. A. Skriningovy`e issledovaniya v sisteme profilakticheskoy raboty` s det`mi na nachal`ny`x e`tapax obucheniya v shkole [Screening studies in the system of preventive work with children at the initial stages of schooling] // Vospitanie i obuchenie detej s narusheniyami razvitiya [Education and Training of Children with Developmental Disorders]. 2018. № 7. P. 13–20.
4. Ekzhanova E. A. Sistemnaya profilaktika i korrekciya shkol`noj neuspeshnosti na osnove analiza rezul`tatov avtorskogo diagnostiko-prognosticheskogo skrininga [Systemic prevention and correction of school failure based on the analysis of the results of the author’s diagnostic and prognostic screening] // Vospitanie i obuchenie detej s narusheniyami razvitiya [Education and Training of Children with Developmental Disorders]. 2018. № 8. P. 19–25.
5. Eliseev V. K., Kosy`gina E. A., By`chkova E. S. Monitoring kachestva inklyuzivnogo obrazovaniya v obshheobrazovatel`ny`x organizacijax Rossijskoj Federacii [Monitoring the quality of inclusive education in educational institutions of the Russian Federation] // E`konomicheskie i gumanitarny`e issledovaniya regionov [Economical and Humanitarical Researches of the Regions]. 2021. № 6. P. 73–78.
6. Eliseev V. K., Romanova Yu. V., Korobova M. V. O regional`ny`x osobennostyax ocenki kachestva inklyuzivnogo obrazovaniya v obshheobrazovatel`ny`x organizacijax Rossii [On regional features of assessing the quality of inclusive education in educational institutions of Russia] // E`konomicheskie i gumanitarny`e issledovaniya regionov [Economical and Humanitarical Researches of the Regions]. 2021. № 6. P. 79–84.

7. Zy`bareva N. N. T`utorskoe soprovozhdenie inklyuzivnogo obrazovaniya [Tutor support of inclusive education]. [Electronic resource] // Mezhhregional`naya t`utorskaya associaciya: sayt. [Interregional Tutor Association: website]. URL: <https://thetutor.ru/biblioteka/tyutorstvo-v-inklyuzivnom-obrazovanii/tyutorskoe-soprovozhdenie-inklyuzivnogo-obrazovaniya/> (date accessed: 03.15.2022).
8. Kruticzkaya E. V. Osobennosti PR soprovozhdeniya deyatel`nosti volonterskogo centra v seti Internet [Features of PR support of the activities of the volunteer center on the Internet] // E`tnosocium i mezhnacional`naya kul`tura [Ethnosocium and Interethnic Culture]. 2015. № 10. P. 52-57.
9. Merem`yanina A. I., Eliseev V. K., Korobova M. V. Metodicheskie rekomendacii po sovershenstvovaniyu sistemy` ocenki psixologo-pedagogicheskix aspektov kachestva inklyuzivnogo obrazovaniya v obshheobrazovatel`ny`x organizatsiyax Rossijskoj Federacii (dlya pedagogov, roditelej i obuchayushhixsya) [Guidelines for improving the system for assessing the psychological and pedagogical aspects of the quality of inclusive education in educational institutions of the Russian Federation (for teachers, parents and students)]. Lipeck: LGPU imeni P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2021. 45 p.
10. Tarary`v I. V. Sozdanie inklyuzivnogo obrazovatel`nogo prostranstva dlya soprovozhdeniya detej s rasstrojstvom autisticheskogo spektra [Creation of an inclusive educational space for accompanying children with autism spectrum disorder] // Pedagogika i psixologiya: perspektivy` razvitiya: materialy` Vseros. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary`, 27 noyabrya 2020 g.) / redkol.: O. N. Shirokov [i dr.] [Pedagogy and psychology: development prospects. Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference]. Cheboksary`: CzNS «Interaktiv plus». 2020. P. 185–187.
11. Telelyueva T. N., Trofimova G. S., Strokova T. I. Inklyuzivnoe obrazovanie detej, imeyushhix slozhny`j defekt: narushenie zreniya i autisticheskie rasstrojstva [Inclusive education of children with a complex defect: visual impairment and autistic disorders] // Vestnik soveta molody`x ucheny`x i specialistov Chelyabinskoy oblasti [Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region]. 2018. Vol. 3. № 1 (20). P. 30–33.
12. Xaustov A. V., Shumskix M. A. Dinamika v razvitii sistemy` obrazovaniya detej s rasstrojstvami autisticheskogo spektra v Rossii: rezul`taty` Vserossijskogo monitoringa 2020 goda [Dynamics in the development of the education system for children with autism spectrum disorders in Russia: results of the All-Russian monitoring in 2020] // Autizm i narusheniya razvitiya [Autism and developmental disorders]. 2021. Vol. 19. № 1 (70). P. 3–11. DOI: <https://doi.org/10.17759/autdd.2021190101>
13. Shmachilina-Cibenko S. V. Kadrovoe obespechenie razvitiya inklyuzivnogo obrazovaniya [Staffing for the development of inclusive education] // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]. 2014. № 8. P. 66–69.
14. Ekzhanova E. A. Education and training of children with developmental disabilities // Journal of Learning Disabilities. 2002. № 1. P. 8–15.

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ СКЛОННОСТИ ЛИЧНОСТИ К ЭКСТРЕМИЗМУ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ГРАНИЦ

Е. О. Ермолова,
НГПУ, Новосибирск,
shamka05@mail.ru

В статье обосновывается значимость системного изучения особенностей личности склонной к экстремизму. Акцентируется внимание на росте экстремистского поведения в обществе, с одной стороны, и недостаточной разработанности феномена экстремизма в психологии — с другой. Уделяется внимание изучению молодежного экстремизма как одной из разновидностей этого явления. Анализируются основные психологические характеристики субъекта экстремистской деятельности, одной из которых выступают психологические границы как функции системы «Я», направленные на отграничение себя от других людей, и как место встречи личности с внешней средой. основополагающим положением данной работы стало представление о нарушенных психологических границах личности как одном из условий формирования склонности к экстремизму.

В статье приведены результаты эмпирического исследования, проведенного на выборке 105 респондентов-женщин. Возрастной диапазон — от 24 до 32 лет (средний возраст — 27,5), что соответствует периоду молодости. Общая выборка респондентов дифференцирована на две группы с целью реализации замысла исследования по критерию «сохранные/нарушенные психологические границы» на основании тестовых норм методики «Границы Я» (Н. У. Браун, 1998) в адаптации Е. О. Шамшиковой и двум дополнительным критериям — «работающие/неработающие» (социальный статус) и «наличие/отсутствие детей». В исследовании использовались также шкалы «внешнее Я-отграничение», «внутреннее Я-отграничение», «агрессия», «тревога» опросника «Я-структурный тест Аммона» (ISTA), русскоязычная версия которого разработана Ю. Я. Тупицыным, В. В. Бочаровым, Т. В. Алхазовой, Е. В. Бродской, и «Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма» (VEAS) Д. Г. Давыдова, К. Д. Хломова.

В ходе исследования было установлено существование значимых различий в склонности к экстремизму у респондентов двух групп, а также системных особенностей психологических границ личности, склонной к экстремизму. Показано значение и роль психологических границ в развитии личности, в том числе при формировании склонности к экстремизму в период молодости, как психологического предиктора, а также социального статуса и наличия детей как социального предиктора. Полученные данные позволяют внести вклад в разработку полноценных программ профилактики экстремистской деятельности молодежи, плана психологического консультирования с целью выявления группы риска молодого населения при угрозе вступления в экстремистские организации и своевременной коррекции личностных характеристик.

Ключевые слова: системный анализ; экстремизм; склонность личности к экстремизму; молодежь; психологические границы личности; личностные особенности.

Для цитаты: Ермолова Е. О. Системный анализ склонности личности к экстремизму в зависимости от типа психологических границ // Системная психология и социология. 2022. № 2 (42). С. 36–52. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.04

Ермолова Екатерина Олеговна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.

E-mail: shamka05@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1636-1527

SYSTEM ANALYSIS OF A PERSON'S PROPENSITY TO EXTREMISM DEPENDING ON THE TYPE OF PSYCHOLOGICAL BOUNDARIES

E. O. Ermolova,
NSPU, Novosibirsk,
shamka05@mail.ru

The article substantiates the significance of a systemic study of characteristics of people inclined to extremism. Attention is focused on the growth of extremist behavior in society on the one hand and the lack of elaboration of the phenomenon of extremism in psychology on the other. Attention is paid to the study of one of the varieties of extremism – youth extremism. The main psychological characteristics of the subject of extremist activity, one of which is psychological boundaries as functions of the “I” system aimed at separating oneself from other people and as a meeting place of the individual with the external environment are analyzed. The fundamental position in this work is the idea of the violated psychological boundaries of the individual as one of the conditions for the formation of a tendency to extremism.

An empirical study conducted on a sample of 105 female respondents is presented. The age range is 24–32 years (the average age is 27,5) — the period of youth. The total sample of respondents is differentiated into two groups, in order to implement the research plan according to the criterion: “preserved/violated psychological boundaries” based on the test norms of the “Boundaries of Self” methodology (N. U. Brown, 1998) adapted by E. O. Shamshikova; and two additional criteria — social status (working/not working) and the presence/absence of children. The study also used the scales “External Self-delineation”, “Internal Self-delineation”, “Aggression”, “Anxiety” of the questionnaire “I — structural test of Ammon” (ISTA), the Russian version, developed by Yu. Ya. Tupitsyn, V. V. Bocharov, T. V. Alkhozova, E. V. Brodskaya and “Methodology diagnostics of dispositions of violent extremism” (VEAS) by D. G. Davydova, K. D. Khlomova.

The study revealed the existence of significant differences in the propensity to extremism among the respondents of the two groups, as well as systemic features of the psychological boundaries of a person inclined to extremism. The importance and role of psychological boundaries in the development of personality, including the formation of a tendency to extremism in youth, as a psychological predictor, as well as social status and the presence of children, as a social predictor, is shown. The data obtained make it possible to contribute to the development of full-fledged programs for the prevention of extremist activity of young people, a psychological counseling plan to identify a risk group of the young population at the threat of joining extremist organizations and timely correction of personal characteristics.

Keywords: system analysis; extremism; personality's tendency to extremism; youth; psychological boundaries of personality; personality traits.

For citation: Ermolova E. O. System analysis of a person's propensity to extremism depending on the type of psychological boundaries // Systems Psychology and Sociology. 2022. № 2 (42). P. 36–52. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.04

Ermolova Ekaterina Olegovna, PhD in Psychology, Associate Professor, Professor at the Department of general psychology and history of psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: shamka05@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1636-1527

Введение

Экстремистское поведение, в особенности молодежи, — одна из наиболее актуальных социально-политических и социально-психологических

проблем. Элементы экстремистского поведения молодежи формируются на фоне деформации социальной и культурной жизни общества. В России в среднем до 80 % участников группировок экстремистской направленности — это люди в возрасте от 14 до 25 лет

[7: с. 83; 21: с. 104]. Тенденции последних лет указывают на активное участие молодых женщин в группах с экстремистской направленностью [29: р. 2612]. Возрастные группы, как правило, однородны, выходят из единой среды совместного пребывания, общности интересов и взглядов, свойственных конкретному возрасту. В перечень основных причин роста экстремистского поведения молодежи исследователи склонны включать: социальное неравенство [5: с. 42], желание самоутвердиться, недостаточную социальную и психологическую зрелость [3], а также недостаточный профессиональный и жизненный опыт [2], следовательно, и сравнительно невысокий социальный и материальный статус.

Проблема изучения склонности к экстремизму личности определена совокупностью факторов, находящихся в разнообразных сферах социального и культурного пространства, связана с самоопределением и самореализацией человека [6]. Жизнь современного человека динамична, изменчива и подвижна. Все чаще у людей возникают экзистенциальные кризисы, не относящиеся к кризисам возрастного порядка. Глубинные проявления человеческой природы, создающие ценностное представление о мире, нередко приобретают экстремистскую окраску [1: с. 4], направленность на насилие по отношению к окружающим, причинение вреда жизни и здоровью или имущественным ценностям других людей. Подобные последствия, в свою очередь, являются результатом негативного взаимодействия личности и социума, обусловленные нестабильностью многих сфер современного общества, связаны с возникшим цивилизационным и мировоззренческим кризисом современности, разрушением базовых ценностных систем и моделей идентичности личности, проблемами личностного самоопределения, утратой тождества индивидуального Я с коллективным Мы, нарушенными процессами психического и социального развития и т. д.

Актуальность системного изучения проблемы экстремизма как социально-психологического феномена имеет связь с кризисными тенденциями психологической науки, нуждающейся в современных подходах, системно объясняющих новые научные факты

и последовательность поиска удовлетворения потребностей человека в собственной целостности в изменчивых условиях жизни в XXI в. [28; 38]. Растущее разнообразие тенденций насильственных преступлений (ксенофобии, экстремизма, терроризма и т. д.), изменение их качества, которым свойственно возрастание жестокости, отмечают многие исследователи современности (Ю. М. Антонян [25: с. 5–7], Ю. П. Зинченко [35], Ю. А. Зубок, В. И. Чупров [5], И. А. Новиков [12: с. 3], В. А. Соснин, Т. А. Нестик [20: с. 208] и др.).

Трудностью и актуальностью изучения феномена экстремизма профессиональным сообществом является то, что психологический фокус исследования данной проблемы нередко подменяется политическим, юридическим и социологическим направлением проработки круга вопросов. Имеющиеся на сегодняшний день психологические модели направленности личности не до конца проясняют генезис, первичные и вторичные факторы и детерминанты ее формирования, а также особенности психологических характеристик лиц, склонных к экстремизму, и паттерны их поведения во взаимоотношениях с другими людьми.

Таким образом, проблема исследования обусловлена потребностью в теоретическом осмыслении таких понятий, как «экстремизм», «молодежный экстремизм как социально-психологический феномен», а также в системном анализе психологических характеристик личности, склонной к экстремизму. Основополагающим положением в данной работе выступает представление о нарушенных психологических границах личности как одном из условий формирования склонности личности молодых женщин к экстремизму. Склонность (или направленность), по С. Л. Рубинштейну, это динамические тенденции самосознания, «которые в качестве мотивов определяют человеческую деятельность, сами, в свою очередь, определяясь ее целями и задачами» [15: с. 682]. Недостаток эмпирических данных, проясняющих различия в склонности к экстремизму личности с сохраненными и нарушенными психологическими границами, а также роль социального статуса человека, обуславливают проведение теоретико-эмпирического исследования. Выявление

системных особенностей психологических границ личности, склонной к экстремизму, открывает возможности получения более точного представления о признаках, ведущих к реальному и потенциальному проявлению склонности к экстремизму (для дальнейшего проведения профилактической работы и предотвращения экстремизации как отдельной личности, так и социальных групп), и является целью настоящей работы.

Системные представления об экстремизме в молодежной среде

Системный анализ теорий экстремизма с точки зрения проблемного поля современных социогуманитарных наук представляет его как междисциплинарный феномен психологии, философии, социологии. В связи с этим его рассмотрение весьма многообразно: специфическая форма отчуждения; мировоззренческие установки; своеобразный жизненный стиль; система аттитюдов; противоправное деяние; поведение определенных социальных групп и т. д. Так, В. И. Красиков объясняет феномен экстремизма с помощью трех запускающих механизмов [8: с. 218]: дуальность в оценке мира («хороший – плохой»), жизненные идеалы («элитарный – заурядный»), трансгрессивное поведение («выход за границы, пределы своих возможностей, законопослушного поведения, культурных традиций и т. д.»), т. е. нарушение границ привычного в различных сферах жизнедеятельности).

Одной из разновидностей экстремизма выступает молодежный экстремизм. Молодежь — это социально-демографическая группа в возрасте от 23 до 35 лет, поведение которой обусловлено психологическими задачами развития, интересами, склонностями и ценностями; особенностями социального положения, места и функциями, исполняемыми ею в социальной структуре общества. Молодые люди нередко выбирают экстремистский путь, но не в угоду такой ценности, как справедливость во всем мире, а для реализации самого себя, самоутверждения за счет других людей [10]. Формирование личности

происходит в процессе совместных занятий и в моменты общения, что создает условия для дружеских контактов и вступления в молодежные организации. Психические функции в данном возрасте направлены на сосредоточение на внутренних процессах. В такой период поступление информации извне не проходит должной критики и воспринимается на веру. В такие моменты негативная информация из СМИ, от близких, после просмотра фильмов, прослушивания музыкальных произведений приводит к тому, что молодой человек поддается отрицательному воздействию, усиливает его, что может привести к совершению противоправных действий, увлечению идеями экстремизма [2]. В молодом возрасте еще нет страхов и опасений за свою жизнь или жизнь близких, которые обычно возникают в период взрослости, однако есть должный уровень активности и стремление проявить себя, проверить себя на прочность. Негативные переживания, на которых чаще заостряется внимание человека периода молодости, первые разочарования от крушения ожиданий выхода во взрослую жизнь, недостаточная реализация доминирующих видов мотивации данного возраста [33: с. 15], негативное влияние СМИ [31: с. 90], близких, своей референтной группы накладывают отпечаток на настроение, на стремление к сказочной жизни. В период кризиса молодому человеку очень легко начать самоутверждаться за счет других людей.

Молодежный экстремизм представляет собой приверженность молодых людей крайним взглядам разных молодежных организаций, отклоняющихся от принятых в обществе, социальной группе, ближайшем окружении нравственных норм и правил поведения, и методам по достижению групповых целей, в которых отражается процесс нарушения присвоения и воспроизведения данных норм и правил, а также способов саморазвития и самореализации [9: с. 4; 12: с. 9]. Экстремизм в молодежной среде — это «индивидуальное и социально-групповое проявление крайних, неумеренных в нравственном и правовом отношениях средств и способов жизнедеятельности молодежи как особой социальной группы и специфической категории населения» [1: с. 10].

Известный ученый Ю. М. Антонян отмечает, что личности экстремиста «присущи глубокие психологические нарушения по типу параноидных или нарциссических, сформировавшиеся на ранних стадиях развития в результате нарушенных детско-родительских отношений. Это делает индивида в дальнейшем восприимчивым к ксенофобии и националистическим идеям, позволяет легко актуализироваться архетипам «чужого» и «врага» и запускает «деструктивное и аутодеструктивное поведение»¹. Согласно данным британских исследователей, психические заболевания, такие как мания, шизофрения, бредовое расстройство и расстройство аутистического спектра, присущи только террористам-одиночкам [26]. В работе А. Солиман с коллегами показано, что радикализованные личности обладают чертами параноидального, аутодеструктивного и шизофренического расстройства [32: с. 132]. Однако другие исследователи придерживаются мнения об отсутствии серьезных психопатологий у террористов и радикалов. Они находят причину страданий экстремистов в детской травматизации [34], обуславливающей, в свою очередь, развитие патологического нарциссизма, параноидальных тенденций и других особенностей работы психики [18; 19], при которых происходит нарушение в системе «слияния – обособления» и функционировании психологических границ личности [22]. Развитием данной теории занимается, в частности, Дж. Пост и его ученики [30].

В качестве основных системно-психологических характеристик субъекта экстремистской деятельности следует выделить:

- стремление выстраивать какую-либо идеологию, вплоть до развития фанатических идей, например национальных, этнорелигиозных, политических;
- аутистические черты: отсутствие потребности в социальных контактах, страх отношений и боязнь окружающего мира;
- переживание стойкого чувства одиночества и стремление к социальному доминированию;

- патологические нарциссические черты, проявляющиеся в групповых формах поведения, в превосходстве над другими людьми и преувеличенном позитивном образе своей группы;

- преобладание групповой идентичности над эго-идентичностью (представление о себе строится на основе принадлежности к группе, ее ценностей, идеалов и норм) [27: р. 81];

- доминирующие защитные механизмы — экстернализация и расщепление, — при действии которых источник трудностей заключен во внешнем мире, а Я-репрезентации разделены на хорошие и плохие [20: с. 116–117];

- агрессивность, тревожность и жестокость как констелляция черт личности, направленная не на конкретный объект или человека, а на отдельный признак, цвет кожи, национальность, религиозную принадлежность и т. д.;

- отсутствие личностной гармонии и трудности самореализация;

- склонность к риску и противоправное поведение;

- готовность жертвовать собой во имя высшей цели [20: с. 113].

Таким образом, представленные как системные, предпосылки экстремистской направленности деятельности потенциально находятся не только в окружающей, социокультурной, политико-экономической среде, а также и внутри самого субъекта и обуславливаются его психологическими характеристиками. Важно отметить, что существование и укрупнение деятельности экстремистских организаций есть проблема не только социальная, но и психологическая. Из-за этого разработка мер по противодействию экстремистским организациям должна включать в том числе и психологические технологии, которые позволяют разрабатывать профилактические мероприятия, направленные как на отдельную личность, имеющую склонность к экстремистской деятельности, так и на группу [21; 24].

¹ Природа этнорелигиозного терроризма / [Ю. М. Антонян и др.]; под ред. Ю. М. Антоняна; Ин-т гуманитар. образования. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 185.

**Системные представления
о психологических границах личности,
склонной к экстремизму**

Процесс жизни в настоящее время представляет собой систему страт, по материальному, социальному, национальному и прочим критериям. В этой связи личность сталкивается с проблемой поиска собственного смысла жизни, своей миссии в мире [18]. Неумение выстраивать здоровое личное психологическое пространство, неспособность опираться на нематериальные ценности и находить свое предназначение отражается на социальных контактах, вызывая трудности во взаимодействии с другими людьми, на способности самозащиты, выборе адекватных путей удовлетворения собственных потребностей и установлении соответствующего ситуации уровня психологической дистанции.

Психологические границы возникают в онтогенезе, проявляются во взаимоотношениях с другими людьми, укрепляются, развиваются и дифференцируются с возрастом. Они отвечают за защитную функцию психики человека, работают пропускной системой для выхода энергии; играют важную роль в процессе самореализации [11: с. 51]. Формирование психологических границ личности начинается в младенческом возрасте и отражает основной элемент развития черт характера, защитных механизмов, восприятия эмоций и прочих функций психики и т. д. [22]. Психологические границы формируются в результате преодоления симбиотической связи младенца с матерью, выделения собственного Я из окружающего пространства, осознания и изучения наличествующего внутреннего мира, что становится фактором обретения личностных прав на независимость и принятия ответственности за свою жизнь.

Психологические границы изменяются в течение жизни в результате внешних воздействий (природы стрессов, пережитых в период раннего детства, и опыта, приобретенного в результате откликаемости значимых взрослых). Границы достигают индивидуального оптимума в развитии, позволяя личности осознавать себя, свое пространство, потребности, мотивы и цели и вступать

в отношения с миром, соблюдая и поддерживая оптимальную дистанцию. Опираясь на знания об индивидуальных характеристиках личности экстремистов, можно сделать предположение о нарушении у них индивидуальных психологических границ. Нарушение работы психологических границ, их открытость всем и каждому Т. С. Леви объясняет через образование отрицательной моторной установки, возникающей в период онтогенеза или в случае психологической травматизации индивида. Работа по восстановлению границ заключается в изменении внутренней картины мира, в преодолении отрицательных моторных установок [11: с. 52]. Трудность в восстановлении границ заключается в том, что человеку с экстремистской направленностью практически невозможно осознать нарушение собственных границ другими людьми и потребность в их восстановлении. Попадая в экстремистскую организацию человек получает достаточное подкрепление и поддержку в том, что он все делает правильно. Здесь кроется манипуляция сознанием человека с нарушенными границами. Кроме того, это связано с внутренними паттернами, установками, протестным поведением, нежеланием улучшать свое эмоциональное состояние за счет роста психологической устойчивости. Такому человеку выгодно оставаться в инфантильной позиции [3]. Основываясь на работах Дж. Поста [30], можно утверждать, что признаки приверженности насильственному экстремизму закладываются при получении психологических травм [36], а также нарциссических травм детства, что приводит к нарушению формирования и функционирования границ. Слабая дифференциация и недостаточная определенность психологических границ как внешних, так и внутренних обуславливает тот факт, что ребенок, а далее и взрослый не способен противостоять манипуляциям, критическим оценкам, чужим мнениям и идеям вне зависимости от того, к какому результату они приводят.

Отклонение от принятых в обществе, социальной среде, ближайшем окружении, группе социально-нравственных норм и неприятие личностью ценностей, нарушение процесса усвоения и воспроизводства норм,

ценностей и идеалов, а также неспособность к саморазвитию и самореализации личности в обществе, к которому она принадлежит, есть результат нарушения развития психологических границ в онтогенезе; формирования нарциссических проявлений личности [18; 19], параноидальных тенденций и других черт личности. Но даже при подобных обстоятельствах развития личность стремится найти пути компенсации и возможности для самореализации. Нередко одним из таких способов становится уход в экстремистские организации. Находясь в группе единомышленников, молодые люди испытывают ощущение безопасности: происходит снижение уровня тревоги, уход от травматических воспоминаний, заполняется внутренняя пустота, представления о себе приобретают положительную динамику, компенсируются патологические черты, присущие людям с нарушенными психологическими границами.

Методика

С целью выявления системных особенностей психологических границ личности, склонной к экстремизму, а также различий в склонности к экстремизму личности с сохраненными и нарушенными психологическими границами в 2019–2021 гг. было проведено эмпирическое исследование. Его выборку составили 105 молодых женщин, обратившихся в указанный период за психологической помощью в городской центр психолого-педагогической поддержки «Родник» (Новосибирск). У 63 % женщин отмечен опыт участия в различных социальных группах протестной направленности. Возраст женщин составил от 24 до 32 лет, что соответствует периоду молодости согласно современной возрастной периодизации с точки зрения процесса социализации [13: с. 15]. Психология максимализма и подражания вполне свойственна молодежи, что в условиях острого социального кризиса, возникшего в результате распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, является почвой для агрессивности и проявления склонности к участию в молодежных экстремистских организациях. С другой стороны, нижняя возрастная

граница (24–25 лет) обследованных женщин соответствует кризису, в основе которого лежит переживание уходящей юности как периода беззаботного детства, поиска себя и осознания необходимости профессионального и личностного самоопределения, в то время как весь период молодости у женщин в основном доминирует репродуктивная мотивация [16: с. 181; 17].

Общая выборка респондентов дифференцирована на две группы по признаку «сохраненные / нарушенные психологические границы» на основании тестовых норм методики «Границы Я» Н. У. Браун в адаптации Е. О. Шамшиковой [23]. В первую группу вошли респонденты с низкой частотой нарушения границ других людей / высоким уровнем психологической дистанции (1–3 стена) — сохраненные границы ($N = 66$). Во вторую — респонденты с высокой частотой нарушения границ других людей / низким уровнем психологической дистанции (7–10 стенов) — нарушенные границы ($N = 39$).

Частотный и процентный анализ распределения женщин в обеих группах по дополнительно выделенным двум социальным критериям показал, что:

- по критерию социальный статус в группе 1 преобладают работающие женщины с фиксированным графиком труда и отдыха — 68 %, женщины со свободным графиком работы составляют 32 %, из них 9 % женщин зарегистрированы как самозанятые. В группе 2 обнаружилось, что большинство женщин — 76 % — являются неработающими (более пяти лет), 13 % женщин потеряли работу на момент опроса (более года назад), и 11 % работают время от времени на фрилансе;
- по критерию наличие/отсутствие детей в группе 1 одного и более ребенка имеют 86 % женщин, 4 % — беременны и у 10 % женщин детей нет (однако все они выразили устойчивую мотивацию к рождению ребенка в ближайшие год–два). В группе 2 картина оказалась прямо противоположная: 91 % женщин не имеют детей (из них 76 % вообще не видят себя в роли матери, 15 % обозначили такую возможность для себя, но в будущем), 9 % женщин имеют одного ребенка (но не занимаются воспитанием детей, они проживают с опекунами).

Таким образом, систематизируя данные по выборке, следует указать, что группу 1 составили работающие молодые женщины с высоким и средним социальным статусом, имеющие детей или планирующие их появление и обладающие сохранными психологическими границами. В группу 2 вошли неработающие молодые женщины с низким социальным статусом, без детей, у которых наличествуют нарушенные психологические границы.

Для исследования психологических границ личности также использовался опросник «Я-структурный тест Аммона» (ISTA) — русскоязычная версия, разработанная Ю. Я. Тупицыным, В. В. Бочаровым, Т. В. Алхазовой, Е. В. Бродской: шкалы «внешнее

подтвердить гипотезу о том, что нарушенные психологические границы личности являются одним из условий формирования склонности к экстремизму.

Результаты и их обсуждение

Оценка достоверности различий по исследуемым параметрам, образованным по шкалам заявленных методик, между респондентами двух групп, с сохранными и нарушенными психологическими границами, проводилась с применением непараметрического *U*-критерия различий Манна – Уитни. Сопоставление показателей групп выявило достоверные

Таблица 1

Различия в склонности к насильственному экстремизму у лиц с сохранными и нарушенными психологическими границами

Исследуемый признак — наименование шкалы	Культ силы	Допустимость агрессии	Интолерантность	Социальный пессимизм	Деструктивность и цинизм	Нормативный нигилизм	Антиинтрацепция	Агрессия деструктивная	Тревога (страх) дефицитарная
<i>U</i> -критерий Манна – Уитни	982	695	821,5	673	974,5	978	942	759,5	921
<i>p</i> — уровень значимости	0,041	0,001	0,002	0,001	0,037	0,039	0,021	0,001	0,013

Я-отграничение» и «внутреннее Я-отграничение» [14: с. 285]. Для исследования характеристик личности, склонной к экстремизму, проводилась диагностика респондентов с помощью опросника «Шкалы склонности к экстремизму» (Violent Extremism Attitude Scales — VEAS), направленного на выявление диспозиций к насильственному экстремизму, Д. Г. Давыдова, К. Д. Хломова [4], а также «Я-структурный тест Аммона» (ISTA): шкалы «агрессия» и «тревога» [14: с. 288].

Таким образом, подобранный банк диагностических методик и использованные методы математического анализа (частотное и процентное распределение от удельной доли, сравнительный анализ по *U*-критерию Манна – Уитни, расчет среднего значения — M_x и средних рангов — R_x) позволили выявить системные особенности психологических границ личности, склонной к экстремизму, а также

различия по девяти шкалам опросников. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Сравнение групп респондентов выявило различия по следующим параметрам: «антиинтрацепция» ($R_1 = 58,23$; $R_2 = 44,15$), «допустимость агрессии» ($R_1 = 44,03$; $R_2 = 68,18$), «интолерантность» ($R_1 = 45,95$; $R_2 = 64,94$), «культ силы» ($R_1 = 48,38$; $R_2 = 60,82$), «деструктивность и цинизм» ($R_1 = 48,27$; $R_2 = 61,01$), «социальный пессимизм» ($R_1 = 43,7$; $R_2 = 68,74$), «нормативный нигилизм» ($R_1 = 48,32$; $R_2 = 60,92$), «агрессия деструктивная» ($R_1 = 45,01$; $R_2 = 66,53$), «тревога (страх) дефицитарная (в таблице согласование с сущ. “тревога”» ($R_1 = 47,45$; $R_2 = 62,38$).

По результатам оценки достоверности различий в склонности личности к экстремизму удалось установить, что в первой группе женщин (с сохранными психологическими границами, занимающих средний и высокий социальный статус и имеющих детей) более

выражен только параметр «антиинтрацепция» ($U = 942$ при $p = 0,021$). Во второй группе женщин (с нарушенными психологическими границами, низким социальным статусом и бездетных) — «культ силы» ($U = 982$ при $p = 0,041$), «допустимость агрессии» ($U = 695$ при $p = 0,001$), «интолерантность» ($U = 821,5$ при $p = 0,002$), «социальный пессимизм» ($U = 673$ при $p = 0,001$), «деструктивность и цинизм» ($U = 974,5$ при $p = 0,037$), «нормативный нигилизм» ($U = 978$ при $p = 0,039$), «агрессия деструктивная» ($U = 759,5$ при $p = 0,001$), «тревога (страх) дефицитарная» ($U = 921$ при $p = 0,013$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что у женщин первой группы выражена низкая частота нарушения границ других людей, а также представлен высокий уровень психологической дистанции. Подобные личностные характеристики свидетельствуют о том, что женщинам данной группы свойственны представления об оптимальных параметрах протяженности собственного психологического пространства; они способны в достаточной мере и степени контролировать и защищать то, что принадлежит им: от привычек и идей до вещей и материальных ценностей; они обладают достаточным стремлением к сотрудничеству, к позитивному разрешению конфликтных ситуаций и обладают потребностью быть самими собой и одновременно быть вместе с другими людьми. Они стремятся к отношениям и умеют их сохранять, как в социальном, так и межличностном пространстве. Среди диспозиций к экстремизму зафиксирована только одна — «антиинтрацепция», — однако уровень ее выраженности не позволяет говорить о негативных личностных тенденциях. Скорее, акцентирование значимости физической реальности, ориентация на достижимые идеи и конкретные действия связаны с установлением принципа реальности и переходом от возраста юности (мечтательности, влюбчивости, грандиозных идей и т. д.) к реальной взрослости (периоду молодости), в которой устанавливается нормативность поведения и овладение полным комплексом социальных функций.

Женщин второй группы характеризует высокая частота нарушения границ окружающих

людей в процессе общения, у них представлен низкий уровень психологической дистанции, выражающийся в слабой способности защищать и контролировать собственное психологическое пространство. Для женщин данной группы характерно отсутствие четкого представления о параметрах протяженности их психологического пространства, т. е. эмоционального и когнитивного знания о том, где «заканчиваюсь Я» и «начинается Другой». Они убеждены в том, что ради важного дела и достижения цели можно нарушить принятые в обществе нормы и правила; имеют однозначный и простой образ мира; склонны перекладывать ответственность за негативную оценку и свое негативное отношение к другим людям на неопределенность социальных ситуаций. Они подозрительны при интерпретации поведения других, объясняют поведение окружающих преимущественно низменными мотивами. Так, женщины второй группы склонны воспринимать окружающий мир как непредсказуемый, опасный и мрачный. Они больше верят пессимистическим прогнозам и негативно относятся к будущему. Это рождает повышенный уровень агрессивности и склонность к разрушению контактов и отношений. Такие женщины не хотят договариваться, им легче уйти от контакта, они не стремятся к созданию семьи и рождению детей. Злость на людей приводит к тому, что агрессия обычно смещается и направляется не против непосредственного источника фрустрации, а на кого-либо другого.

Таким образом, в первой группе у женщин не выявлена склонность к экстремизму. Наличие здоровых сохранных границ, среднего и высокого социального статуса, семьи и детей являются превентивной мерой против ухода в экстремистские организации. Однако наличие нарушенных психологических границ, низкого социального статуса и отсутствие детей, о которых необходимо заботиться, характеризуют женщин второй группы как склонных к экстремизму.

Далее для каждой эмпирической группы проводилась оценка центральной тенденции распределения путем подсчета средней величины по исследуемым параметрам. Полученные результаты представлены на рисунках 1 и 2.

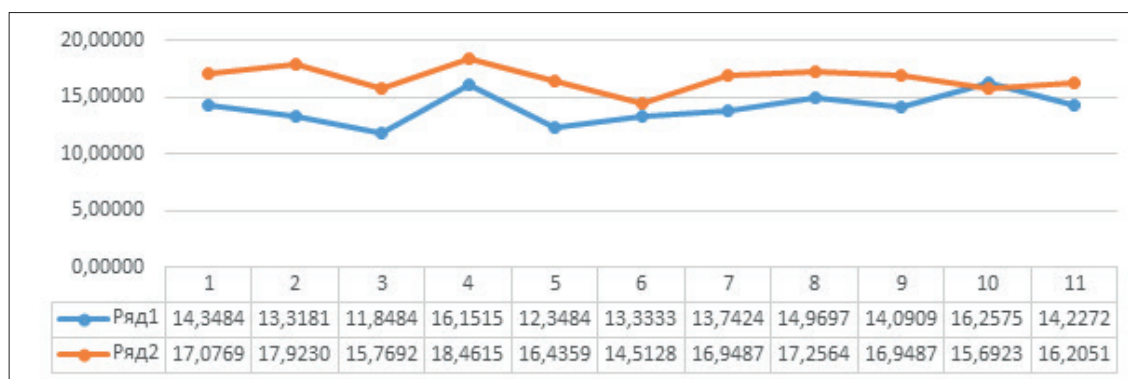

Рис. 1. Профиль личности, склонной к экстремизму, при сохранных / нарушенных границах по методике диагностики диспозиций насильственного экстремизма

Примечание: ряд 1 — сохранные границы; ряд 2 — нарушенные границы; 1 — культ силы; 2 — допустимость агрессии; 3 — интолерантность; 4 — конвенциональное принуждение; 5 — социальный пессимизм; 6 — мистичность; 7 — деструктивность и цинизм; 8 — протестная активность; 9 — нормативный нигилизм; 10 — антиинтрацепция; 11 — конформизм.

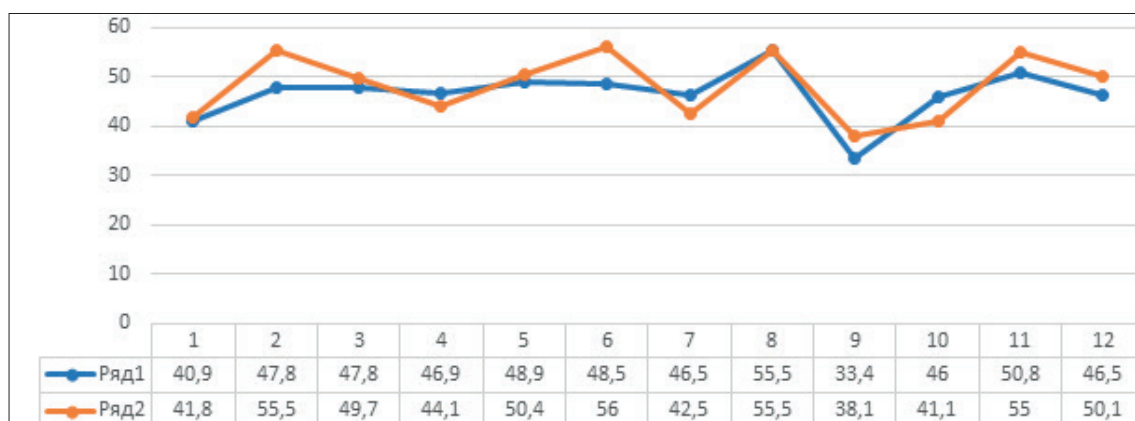

Рис. 2. Профиль личности, склонной к экстремизму, при сохранных / нарушенных границах по методике «Я-структурный тест Аммона»

Примечание: ряд 1 — сохранные границы; ряд 2 — нарушенные границы; 1 — конструктивная агрессия; 2 — деструктивная агрессия; 3 — дефицитарная агрессия; 4 — конструктивная тревога; 5 — деструктивная тревога; 6 — дефицитарная тревога; 7 — конструктивное внешнее Я-отграничение; 8 — деструктивное внешнее Я-отграничение; 9 — дефицитарное внешнее Я-отграничение; 10 — конструктивное внутреннее Я-отграничение; 11 — деструктивное внутреннее Я-отграничение; 12 — дефицитарное внутреннее Я-отграничение.

Не заостряя внимания на проявлениях экстремизма в первой группе женщин с сохранными границами, так как уровень их выраженности колеблется по разным диспозициям от $M_x = 11,8$ до $M_x = 16,5$, что отражает низкий уровень их проявления, опишем некоторые тенденции диспозиций экстремизма, характерные для второй группы.

Наиболее выраженным является показатель конвенционального принуждения как идея

восстановления справедливости в мире и нового порядка. Данная «ценная» идея преобладает над другими гуманистическими ценностями и реализуется через повышение требований как к себе, так и к другим людям. Идентификация себя с образами, воплощающими в себе силу, демонстрация своей силы, постоянный поиск врага приводят к оценочным суждениям и черно-белому видению мира. Негативные представления о мире

и заносчивое и циничное отношение к людям позволяют с легкостью принести в жертву идею свою жизнь и жизнь других людей. Такие представления обычно служат основой для игнорирования законов, социальных норм и правил поведения, что становится мотивом реальных поступков, в том числе и антисоциальных. Слабость внутренних регуляторов поведения приводит к тому, что женщины начинают объединяться в группы по интересам, формируя групповую идентичность, преобладающую над Я-идентичностью, что, в свою очередь, приводит к давлению «своей» социальной группы.

Выраженность показателя социального пессимизма, который указывает на недостаточное осознание внутренних мотивов и ожиданий от внешнего мира, приводит к эсхатологизму, фиктивному взгляду в будущее, ожиданию негативных событий. А выраженность протестной активности, в основе которой лежит неудовлетворенная потребность в поиске новых ощущений, зачастую толкает женщин данной группы к рискованному поведению и немотивированной форме агрессии.

Полученные результаты для первой группы женщин с сохраненными границами указывают на преобладание в их профиле конструктивных Я-функций. Конструктивная агрессия позволяет использовать разнообразные защитные стратегии, которые эффективно достигают требуемой цели. Выражение агрессии носит ситуативный характер и направлено не на разрушение или причинение вреда другому, а на защиту. Наличие конструктивного страха/тревоги свидетельствует о достаточном уровне ощущения базовой безопасности у женщин, адекватной оценке реальных угроз. Он мобилизует психические ресурсы и переживается состоянием сосредоточенности и концентрации. Поступки людей могут сопровождаться ощущением страха или тревоги, однако молодые женщины способны при должной дифференциации ситуации справиться со своим переживаниями, в угрожающих ситуациях обращаться за помощью и принимать ее от других людей. Внутреннее конструктивное Я-отграничение располагается в пределах нормы, что указывает на наличие у женщин сновидений, фантазий и мечтаний; способность распознавать

их и дифференцировать от событий, происходящих в окружающем реальном мире. А некоторая выраженность внутреннего деструктивного Я-отграничения дает ориентацию на рациональное постижение действительности, в некоторых случаях не допускающей интуитивных и чувственных решений, внутренний опыт при этом пополняется механически, оставаясь при этом тесно связанным с конкретными ситуациями и пережитыми в них эмоциями и аффектами. Так, обозначенные показатели указывают на гибкость и флексибельность психических Я-функций в зависимости от ситуаций у женщин первой группы, преобладание повышенных показателей по конструктивным Я-функциям внешнего и внутреннего Я-отграничения и пониженных показателей по деструктивным и дефицитарным Я-функциям.

Показатели по шкалам для второй группы женщин с нарушенными границами определяются выраженностью деструктивной агрессии. У исследуемой группы наблюдается невысокая способность создавать устойчивые межличностные контакты, в силу сужения круга интересов они стремятся избегать споров и конфликтов, склонны к разрушению отношений. При этом агрессия может выражаться открыто в форме жестокого поведения при вспышках ярости или носить латентную форму выражения (приверженность к экстремистским группам). Выраженность дефицитарного страха — это защита от переживания тревоги, которая приводит к тому, что жизненные ситуации часто оцениваются неадекватно, а реально существующая опасность недооценивается. «Идеология силы часто служит защите от него (страха. — Е. Е.)» [14: с. 96]. Такие молодые женщины периодически ощущают скуку, усталость, внутреннюю опустошенность. Отсутствие истинного интереса к другим людям, жизненным ситуациям и событиям — результат работы внешнего и внутреннего деструктивного Я-отграничения. Подавление чувственной телесной сферы приводит к излишней интеллектуализации и рационализации, что делает женщин данной группы чрезмерно педантичными и формальными. У молодых женщин нарушена регуляторная функция установления и поддержания

отношений. Внимание к себе они расценивают как фальшь и заискивание, сострадание к другим людям им недоступно. Одним из механизмов работы психики молодых женщин данной группы выступает проекция, при которой «отщепленные» чувства (обычно негативные) приписываются другим людям, что создает почву для формирования образа врага. Обозначенные показатели указывают на жесткость и ригидность психических Я-функций у женщин второй группы, преобладание пониженных показателей по конструктивным Я-функциям внешнего и внутреннего Я-отграничения и повышенных показателей по деструктивным Я-функциям агрессии и тревоги.

Таким образом, можно констатировать существование значимых различий в склонности молодых женщин к экстремизму, в выраженности различных диспозиций экстремизма у женщин двух групп, с сохраненными и нарушенными границами, а также системных особенностей психологических границ личности, склонной к экстремизму.

Выводы

В результате проведенного системного анализа склонности личности молодого возраста к экстремизму в зависимости от типа психологических границ были сделаны следующие обобщения.

1. Экстремизм — многогранное понятие, которое рассматривается в различных социогуманитарных науках как междисциплинарный феномен, но не имеет до сегодняшнего дня единого определения в психологии. Наличествующие психологические модели направленности личности не до конца проясняют генезис и детерминанты ее формирования, а также особенности психологических характеристик лиц, склонных к экстремизму. Системный анализ характеристик субъекта экстремистской деятельности позволил выделить следующие из них: стремление выстраивать какую-либо идеологию, вплоть до развития фанатических идей; аутистические и деструктивные нарциссические черты; переживание стойкого чувства одиночества и стремление

к социальному доминированию; преобладание групповой идентичности над эго-идентичностью; тревожность, агрессивность и жесткость как доминирующие свойства личности; противоправное поведение и склонность к риску; постоянная готовность принести себя в жертву.

2. Психологические границы используются как для характеристики свойства личности отличать и выделять себя на фоне других, так и как место встречи личности с внешней средой. Становление психологических границ в процессе онтогенеза начинается во младенчестве со слияния ребенка и матери и переходит к процессу сепарации и осознанию своего Я, что дает ощущение себя как отдельного человека. Психологические границы обеспечивают ощущение безопасности, являются зоной неосознаваемой, однако важной функции, при нарушении которой растет уровень агрессивности. С помощью границ человек отличает то, где заканчивается Я и начинается внешний мир. Границы отвечают за ощущение идентичности и целостности. Сохраненные здоровые границы гарантируют способность дифференциации внешних воздействий и самозащиту, обеспечивают возможность отбора внешних влияний. Нарушенные границы отражают застревание личности на одной из более ранних стадий развития и выступают дополнительным фактором риска деструктивной направленности личности.

3. К экстремистской деятельности, как показывает проведенное исследование, приходят молодые женщины в возрасте от 24 до 32 лет. Данный период отличается активным поиском профессионального и личностного самоопределения, реализацией репродуктивной мотивации. Если потребности, связанные с самоидентификацией личности, выполняются в недостаточной мере, то у женщин возникает ощущение внутренней пустоты и социального вакуума, что способно привести их к закреплению деструктивного опыта взаимодействия с другими людьми. Если наблюдается частое нарушение психологических границ другими людьми, неумение отстаивать свои убеждения, то это приводит женщин к принятию позиции подчинения,

формированию зависимого типа отношений, поиску средств компенсации нереализованных возможностей через уход в экстремистские организации.

4. Системный анализ склонности личности к экстремизму в зависимости от типа психологических границ, социального статуса и наличия детей позволил установить значимые различия в исследуемых группах. Для группы молодых женщин с сохраненными границами, т. е. низкой частотой нарушения границ других людей и высоким уровнем психологической дистанции, средним и высоким социальным статусом и наличием детей, в целом не свойственно выражение склонности к экстремизму. Единственным показателем диспозиции экстремизма (представленном на среднем уровне) в данной группе оказалась «антиинтрацепция» ($U = 942$ при $p = 0,021$), свидетельствующая, скорее, об установлении нормативного поведения и закреплении комплекса социальных норм, нежели деструктивных тенденциях поведения. Молодых женщин с нарушенными границами, т. е. высокой частотой нарушения границ других людей, низким уровнем психологической дистанции, низким социальным статусом и бездетных, отличает «культ силы» ($U = 982$ при $p = 0,041$), «допустимость агрессии» ($U = 695$ при $p = 0,001$), «интолерантность» ($U = 821,5$ при $p = 0,002$), «социальный пессимизм» ($U = 673$ при $p = 0,001$), «деструктивность и цинизм» ($U = 974,5$ при $p = 0,037$), «нормативный нигилизм» ($U = 978$ при $p = 0,039$), «агрессия деструктивная» ($U = 759,5$ при $p = 0,001$), «тревога (страх) дефицитарная» ($U = 921$ при $p = 0,013$). Выявленные различия указывают на устойчивую неспецифическую склонность женщин второй группы к экстремистскому поведению.

5. Системное исследование особенностей психологических границ личности, склонной к экстремизму, показало, что нарушенные психологические границы личности являются одним из условий формирования склонности к экстремизму. Так, для группы женщин с сохраненными границами, средним и высоким социальным статусом характерно преобладание в личностном профиле конструктивных Я-функций, что свидетельствует об ощущении

базовой безопасности, адекватной оценке реальных угроз, способности устанавливать длительные отношения, обращаться за помощью при необходимости и принимать ее от других людей, иметь фантазии и мечты и отделять их от реальных событий и действий, строить планы на будущее и находить оптимальный пути для их реализации. В профиле женщин с нарушенными границами, низким социальным статусом и бездетных наблюдаются деструктивные и дефицитарные Я-функции, отражающие такие характеристики, как циничное и предвзятое отношение к людям, склонность к разрушению отношений, слабость внутренних регуляторов поведения, социальный пессимизм, прямое или косвенное выражение агрессии, неадекватная оценка или полное игнорирование опасности, отсутствие снов, изоляция аффекта, интеллектуализация и рационализация в оценке событий и ситуаций.

6. Полученные результаты свидетельствуют о значимости конструктивного развития психологических границ для поддержания собственной личностной автономии. Сохраненные психологические границы обеспечивают устойчивое переживание себя, своего Я в разных жизненных ситуациях. Нарушение развития и функционирования границ в онтогенезе приводит к формированию определенного деструктивного профиля личности, манифестирующего в период молодости. Нарушенные психологические границы являются одним из условий формирования диспозиций экстремизма как пути компенсации и возможности для самореализации.

Заключение

Системный анализ результатов исследования указывает на существование значимых различий в выраженности склонности к экстремизму у респондентов двух групп, с сохраненными и нарушенными психологическими границами, а также системных особенностей психологических границ личности, склонной к экстремизму. Определена роль психологических границ в развитии личности, в том числе формировании склонности к экстремизму в период молодости.

Нарушенные границы, должно быть, являются психологическим предиктором склонности личности к экстремизму, а социальный статус и наличие детей — социальным, однако для подтверждения данного положения требуется привлечение дополнительного диагностического материала и иных методов математической статистики. Дополнены современные представления о роли личностных феноменов в формировании склонности к экстремистской деятельности. Полученные данные вносят

вклад в разработку полноценных программ профилактики экстремистской деятельности молодежи, плана психологического консультирования с целью выявления группы риска молодого населения при угрозе вступления в экстремистские организации и своевременной коррекции личностных характеристик; выявление и формирование здорового и предотвращение отклоняющегося поведения, а также в психологическое просвещение сотрудников молодежных организаций.

Литература

1. Афанасьева Р. М. Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. 200 с.
2. Баева Л. В. Молодежный экстремизм в современной России // Обзор. НЦПТИ. 2015. № 5. С. 16–21.
3. Галюк Н. А. Социальная инфантильность как маркер модели экстремистской личности // Актуальные проблемы формирования в российском обществе научного и учебного знания по противодействию терроризму и экстремизму: материалы Всероссийской научно-практической конф. с международным участием (г. Новосибирск, 21–23 декабря 2017 г.) / ред. кол.: А. Н. Кириллов и др. Новосибирск: НГПУ, 2018. С. 334–338.
4. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма // Психологическая диагностика. 2017. Т. 14. № 1. С. 78–97.
5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37–46.
6. Иванов Д. В. Архетипическое в российской ментальности как потенциал воспитания противодействия идеологии терроризма и экстремизма у личности // Актуальные проблемы формирования в российском обществе научного и учебного знания по противодействию терроризму и экстремизму: материалы Всероссийской научно-практической конф. с международным участием (г. Новосибирск, 21–23 декабря 2017 г.) / ред. кол.: А. Н. Кириллов и др. Новосибирск: НГПУ, 2018. С. 338–342.
7. Касперович Ю. Г. Мотивация экстремизма и факторы его формирования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2 (49). С. 81–84.
8. Красиков В. И. Экстрим. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания: монография. М.: Водoley Publishers, 2006. 494 с.
9. Круглов А. Е. Молодежный радикализм: формирование угрозы безопасности в период трансформации российского общества: дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2006. 353 с.
10. Ларионова А. В., Мещерякова Э. И. Экстремистская направленность личности: теоретические и практические проблемы исследования // Психолог. 2016. № 4. С. 140–153.
11. Леви Т. С. Психологическая граница как телесный феномен // Бюллетень Ассоциации телесно-ориентированных психотерапевтов. 2007. № 9. С. 51–68.
12. Новиков И. А. Молодежный радикализм как фактор девиантного поведения: социокультурный анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2010. 18 с.
13. Никитская Е. А. Социальная педагогика: позитивные и негативные характеристики микросоциума: учеб. пособие / Е. А. Никитская и др. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2020. 282 с.
14. Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование: монография / под ред. М. М. Кабанова, Н. Г. Незнанова. СПб.: Институт им. В. М. Бехтерева, 2003. 438 с.
15. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
16. Рыжов Б. Н. Системная психология: монография. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.

17. Рыжов Б. Н., Котова О. В. Динамика половозрастных особенностей мотивации в эпоху юности и молодости // Системная психология и социология. 2021. № 2 (38) С. 23–40. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.03
18. Соколов С. Е., Шамшикова О. А. Общество перемен: культура нарциссизма // Социокультурные проблемы современной молодежи: мат. II Междунар. научно-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Новосибирск: НГПУ, 2007. С. 159–166.
19. Соколова Е. Т. Утрата Я: клиника или новая культурная норма? // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. 41. № 3. С. 191–209.
20. Соснин В. А., Нестик Т. А. Современный терроризм: Социально-психологический анализ: монография. М.: Ин-т психологии РАН, 2008. 240 с.
21. Хухлаев О. Е., Павлова О. С. Доказательный подход к профилактике экстремизма и дерадикализации в молодежной среде // Вестник Российской нации. 2021. № 1-2 (77-78). С. 102–114.
22. Шамшикова Е. О. Динамические тенденции самосознания: трансформации нарциссизма и развитие психологических границ личности // Философия образования. 2008. № 1 (22). С. 194–203.
23. Шамшикова Е. О. Адаптация зарубежной методики «Границы Я» Н. Браун (N. Brown) // Мир культуры, науки и образования. 2009. № 4 (16). С. 167–173.
24. Шхагапсоева М. Х. Воспитание молодежи как противодействие экстремизму // Теория и практика общественного развития. 2014. № 14. С. 121–123.
25. Этнорелигиозный терроризм / [Ю. М. Антонян и др.]; под. ред. Ю. М. Антоняна. М.: Аспект-Пресс, 2006. 318 с.
26. Corner E., Gill P., Mason O. Mental health disorders and the terrorist: a research note probing selection effects and disorder prevalence // Studies in Conflict and Terrorism. 2016. Vol. 39. № 6. P. 560–568. DOI: 10.1080/1057610x.2015.1120099
27. Doosje B. Terrorism, radicalization and de-radicalization / B. Doosje et al. // Current Opinion Psychology. 2016. Vol. 11. P. 79–84. DOI: 10.1016/j.copsyc.2016.06.008
28. Gill P. Systematic review of mental health problems and violent extremism / P. Gill et al. // The Journal of Forensic Psychiatry and Psychology. 2020. Vol. 32. Iss. 1. P. 51–78. DOI: 10.1080/14789949.2020.1820067
29. Lyzhin A. I. Modern problems of youth extremism: social and psychological components / A. I. Lyzhin et al. // Journal of Community Psychology. 2021. Vol. 49. Iss. 7. P. 2609–2622. DOI: 10.1002/jcop.22664
30. Post J. M. Notes on psychodynamic theory of terrorist behavior // Terrorism: An International Journal. 1984. Vol. 7. Iss. 3. P. 241–256. DOI: 10.1080/10576108408435577
31. Silke A. The psychology of counter-terrorism. Routledge; Oxon UK, 2010. 216 p. DOI: 10.4324/9780203840269
32. Soliman A., Bellaj T., Khelifa M. An integrative psychological model for radicalism: evidence from structural equation modeling // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 95. P. 127–133. DOI: 10.1016/j.paid.2016.02.039
33. Sommers M. Youth and the field of countering violent extremism. Washington, DC: Promundo-US, 2019. 46 p.
34. Sousa C. Longitudinal study on the effects of child abuse and children's exposure to domestic violence, parent-child attachments, and antisocial behavior in adolescence / C. Sousa et al. // Journal of Interpersonal Violence. 2010. Vol. 26. Iss. 1. P. 111–136. DOI: 10.1177/0886260510362883
35. Zinchenko Yu. P. Extremism from the perspective of a system approach // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. Vol. 7. Iss. 1. P. 23–33. DOI: 10.11621/pir.2014.0103

References

1. Afanas`eva R. M. Sociokul`turny`e usloviya protivodejstviya e`kstremitizmu v molodezhnoj srede (social`no-filosofskij analiz): dis. ...kand. filos. nauk [Socio-cultural conditions of countering extremism in the youth environment (socio-philosophical analysis): dis. ... PhD in Philosophical Sciences]. M., 2007. 200 p.
2. Baeva L. V. Molodezhny`j e`kstremitizm v sovremennoj Rossii [Youth extremism in modern Russia] // Obzor. NCzPTI [Review. NCPTI]. 2015. № 5. P. 16–21.
3. Galyuk N. A. Social`naya infantil`nost` kak marker modeli e`kstremitistkoj lichnosti [Social infantil`ity as marker models of extremistic person] // Aktual`ny`e problemy` formirovaniya v rossijskom obshhestve

nauchnogo i uchebnogo znaniya po protivodejstviyu terrorizmu i e`kstreizmu: materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konf. s mezhdunarodny`m uchastiem (g. Novosibirsk, 21–23 dekabrya 2017 g.) [Actual problems of formation in the Russian society of scientific and educational knowledge on countering terrorism and extremism: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Novosibirsk, December 21–23, 2017)] / red. kol.: A. N. Kirillov i dr. Novosibirsk: NGPU, 2018. P. 334–338.

4. Davy`dov D. G., Xlomov K. D. Metodika diagnostiki dispozicij nasil`stvennogo e`kstreizma [Methods of diagnostics of dispositions of violent extremism] // Psixologicheskaya diagnostika [Psychological Diagnostics]. 2017. Vol. 14. № 1. P. 78–97.

5. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Molodezhny`j e`kstreizm. Sushhnost` i osobennosti proyavleniya [Youth extremism. The essence and features of the manifestation] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Research]. 2008. № 5. P. 37–46.

6. Ivanov D. V. Arxetipicheskoe v rossijskoj mental`nosti kak potencial vospitaniya protivodejstviya ideologii terrorizma i e`kstreizma u lichnosti [The archetypal in the Russian mentality as the potential of education to counter the ideology of terrorism and extremism in a person] // Aktual`ny`e problemy` formirovaniya v rossijskom obshhestve nauchnogo i uchebnogo znaniya po protivodejstviyu terrorizmu i e`kstreizmu: materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konf. s mezhdunarodny`m uchastiem (g. Novosibirsk, 21–23 dekabrya 2017 g.) [Actual problems of formation in the Russian society of scientific and educational knowledge on countering terrorism and extremism: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Novosibirsk, December 21–23, 2017)] / red. kol.: A. N. Kirillov i dr. Novosibirsk: NGPU, 2018. P. 338–342.

7. Kasperovich Yu. G. Motivaciya e`kstreizma i faktory` ego formirovaniya [Motivation of extremism and factors of its formation] // Psixopedagogika v pravooxranitel`ny`x organax [Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies]. 2012. № 2 (49). P. 81–84.

8. Krasikov V. I. E`kstrim. Mezhdisciplinarnoe filosofskoe issledovanie prichin, form i patternov e`kstreimistskogo soznaniya: monografiya [Extreme. Interdisciplinary philosophical study of the causes, forms and patterns of extremist consciousness: monograph]. M.: Vodolej Publishers, 2006. 494 p.

9. Kruglov A. E. Molodezhny`j radikalizm: formirovanie ugrozy` bezopasnosti v period transformacii rossijskogo obshhestva: dis. ... d-ra polit. nauk [Youth radicalism: the formation of a security threat during the transformation of Russian society: dis. ... Doctor of Political Sciences]. Saratov, 2006. 353 p.

10. Larionova A. V., Meshheryakova E`. I. E`kstreimistskaya napravlennost` lichnosti: teoreticheskie i prakticheskie problemy` issledovaniya [Extremist orientation of personality: theoretical and practical problems of research] // Psixolog [Psychologist]. 2016. № 4. P. 140–153.

11. Levi T. S. Psixologicheskaya granica kak telesny`j fenomen [Psychological boundary as a bodily phenomenon] // Byulleten` Associacii telesno-orientirovanny`x psixoterapevtov [Bulletin of the Association of body-oriented psychotherapists]. 2007. № 9. P. 51–68.

12. Novikov I. A. Molodezhny`j radikalizm kak faktor deviantnogo povedeniya: sociokul`turny`j analiz: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk [Youth radicalism as a factor of deviant behavior: socio-cultural analysis: abstract. ... PhD in Sociological Sciences]. Majkop, 2010. 18 p.

13. Nikitskaya E. A. Social`naya pedagogika: pozitivny`e i negativny`e xarakteristiki mikrosociuma: ucheb. posobie [Social pedagogy: positive and negative characteristics of the microsocium: studies. manual] / E. A. Nikitskaya et al. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, 2020. 282 p.

14. Ocherki dinamicheskoy psixiatrii. Transkul`tural`noe issledovanie: monografiya [Essays on dynamic psychiatry. Transcultural research: monograph] / pod red. M. M. Kabanova, N. G. Neznanova. SPb.: Institut im. V. M. Bextereva, 2003. 438 p.

15. Rubinshtejn S. L. Osnovy` obshhej psixologii [Fundamentals of general psychology]. SPb.: Piter, 2002. 720 p.

16. Ry`zhov B. N. Sistemnaya psixologiya: monografiya [Systems psychology: monograph]. M.: T8 Izdatel`skie Teknologii, 2017. 356 p.

17. Ry`zhov B. N., Kotova O. V. Dinamika polovozrastny`x osobennostej motivacii v e`poxu yunosti i molodosti [Dynamics of sex and age characteristics of motivation in the epoch of adolescence and youth] // Sistemnaya psixologiya i sociologiya [Systems Psychology and Sociology]. 2021. № 2 (38) P. 23–40. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.03

18. Sokolov S. E., Shamshikova O. A. Obshhestvo peremen: kul`tura narcissizma [Society of changes: culture of narcissism] // Sociokul`turny`e problemy` sovremennoj molodezhi: mat. II Mezhdunar. nauchno-prakt.

konf.: v 2 ch. Ch. 1 [Sociocultural problems of modern youth: materials of the II International scientific and practical conference: in 2 parts. Part. 1]. Novosibirsk: NGPU, 2007. P. 159–166.

19. Sokolova E. T. Utrata Ya: klinika ili novaya kul'turnaya norma? [Loss of Self: clinic or a new cultural norm?] // *E`pistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. 2014. Vol. 41. № 3. P. 191–209.

20. Sosnin V. A., Nestik T. A. *Sovremenny`j terrorizm: Social`no-psixologicheskij analiz: monografiya* [Modern terrorism: Socio-psychological analysis: monograph]. M.: Institut psixologii RAN, 2008. 240 p.

21. Xuxlaev O. E., Pavlova O. S. *Dokazatel`ny`j podxod k profilaktike e`kstremizma i deradikalizacii v molodezhnoj srede* [Evidence-based approach to the prevention of extremism and deradicalization in the youth environment] // *Vestnik Rossijskoj nacii* [Bulletin of the Russian Nation]. 2021. № 1-2 (77-78). P. 102–114.

22. Shamshikova E. O. *Dinamicheskie tendencii samosoznaniya: transformacii narcissizma i razvitie psixologicheskix granicz lichnosti* [Dynamic tendencies of self-consciousness: transformations of narcissism and the development of psychological boundaries of personality] // *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of Education]. 2008. № 1 (22). P. 194–203.

23. Shamshikova E. O. *Adaptaciya zarubezhnoj metodiki «Granicy Ya» N. Braun (N. Brown)* [Adaptation of the foreign methodology “Boundaries of Self” N. Brown (N. Brown)] // *Mir kul`tury`, nauki i obrazovaniya* [World of Culture, Science and Education]. 2009. № 4 (16). P. 167–173.

24. Shxagapsoeva M. X. *Vospitanie molodezhi kak protivodejstvie e`kstremizmu* [Education of youth as a counteraction to extremism] // *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. 2014. № 14. P. 121–123.

25. *E`tnoreligiozny`j terrorizm* [Ethno-religious terrorism] / [Yu. M. Antonyan i dr.]; pod. red. Yu. M. Antonyana. M.: Aspekt-Press, 2006. 318 p.

26. Corner E., Gill P., Mason O. Mental health disorders and the terrorist: a research note probing selection effects and disorder prevalence // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2016. Vol. 39. № 6. P. 560–568. DOI: 10.1080/1057610x.2015.1120099

27. Doosje B. Terrorism, radicalization and de-radicalization / B. Doosje et al. // *Current Opinion Psychology*. 2016. Vol. 11. P. 79–84. DOI: 10.1016/j.copsyc.2016.06.008

28. Gill P. Systematic review of mental health problems and violent extremism / P. Gill et al. // *The Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*. 2020. Vol. 32. Iss. 1. P. 51–78. DOI: 10.1080/14789949.2020.1820067

29. Lyzhin A. I. Modern problems of youth extremism: social and psychological components / A. I. Lyzhin et al. // *Journal of Community Psychology*. 2021. Vol. 49. Iss. 7. P. 2609–2622. DOI: 10.1002/jcop.22664

30. Post J. M. Notes on psychodynamic theory of terrorist behavior // *Terrorism: An International Journal*. 1984. Vol. 7. Iss. 3. P. 241–256. DOI: 10.1080/10576108408435577

31. Silke A. *The psychology of counter-terrorism*. Routledge; Oxon UK, 2010. 216 p. DOI: 10.4324/9780203840269

32. Soliman A., Bellaj T., Khelifa M. An integrative psychological model for radicalism: evidence from structural equation modeling // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 95. P. 127–133. DOI: 10.1016/j.paid.2016.02.039

33. Sommers M. *Youth and the field of countering violent extremism*. Washington, DC: Promundo-US, 2019. 46 p.

34. Sousa C. Longitudinal study on the effects of child abuse and children's exposure to domestic violence, parent-child attachments, and antisocial behavior in adolescence / C. Sousa et al. // *Journal of Interpersonal Violence*. 2010. Vol. 26. Iss. 1. P. 111–136. DOI: 10.1177/0886260510362883

35. Zinchenko Yu. P. Extremism from the perspective of a system approach // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2014. Vol. 7. Iss. 1. P. 23–33. DOI: 10.11621/pir.2014.0103

УДК 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.05

СИСТЕМНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА КАТЕГОРИИ «СЕМЬЯ» В СОЦИОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ

Е. А. Медведева,
МГПУ, Москва,
medvedevaea@mgpu.ru,

Ю. Н. Данилова,
школа № 1151, Москва,
ucklya1@rambler.ru

В статье представлен системный анализ теоретических аспектов изучения категории «семья» в исторической ретроспективе. Работа выполнена в контексте заявленной тематики и в русле исследований, раскрывающих условия, учитывающие специфику развития семьи в разные исторические периоды. Рассмотрена трансформация понимания семьи как социального института, социокультурного феномена, системы. Вопросы изучения семьи рассматриваются в контексте теоретической позиции зарубежных, отечественных представителей социологии, философии, психологии. В работе показано смещение акцента с семьи как структурно неделимой единицы общества на личность в семье. Раскрыты представления о семье, имеющие абстрактный характер, и прослежены изменения в сторону практического взаимодействия ее членов. Выявлено, что семья — это необычная социальная общность, восприятие которой трансформируется как от меняющихся общественных условий, так и под влиянием профессиональной деятельности ее членов. Показано, что функции семьи связаны со спецификой исторического периода развития общества. Они обусловлены социально-экономическими условиями жизнедеятельности общества, что, в свою очередь, способствует изменению характера функций семьи, иерархических связей.

Представлена динамика изменения восприятия семьи от рассмотрения ее как общности для рождения здоровых граждан до ячейки, являющейся основой государства. Показана роль семьи как социальной группы, объединенной ценностями, совместной деятельностью, межличностными отношениями, внутригрупповыми процессами, и как открытой, самоорганизующейся системы, находящейся в постоянном взаимодействии с окружающей средой, и преобразовании ее внутри самой.

Ключевые слова: семья; системный анализ; личность; общество; государство; брак; социальный институт; социокультурный феномен; система.

Для цитаты: Медведева Е. А., Данилова Ю. Н. Системно-историческая ретроспектива категории «семья» в социологии и психологии // Системная психология и социология. 2022. № 2 (42). С. 53–63. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.05

Медведева Елена Алексеевна, доктор психологических наук, профессор Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: medvedeva-ea@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4727-6501

Данилова Юлия Николаевна, педагог-психолог школы № 1151, Москва.

E-mail: ucklya1@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-9964-0256

UDC 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.05

SYSTEM-HISTORICAL RETROSPECTIVE OF THE “FAMILY” CATEGORY IN SOCIOLOGY AND PSYCHOLOGY

E. A. Medvedeva,

MCU, Moscow,
medvedevaea@mgpu.ru,

Yu. N. Danilova,

School № 1151, Moscow,
ucklya1@rambler.ru

The article presents a system analysis of the theoretical aspects of the category “family” study in historical retrospect. The work was carried out in the context of the stated topic and in line with research revealing conditions that take into account the specifics of family development in different historical periods. The transformation of the understanding of the family as a social institution, socio-cultural phenomenon, system, is considered. The issues of family study in the context of the theoretical position of foreign, domestic representatives of sociology, philosophy, psychology are analyzed. The paper shows the shift of emphasis from the family as a structurally indivisible unit of society to the individual in the family. Abstract ideas about the family are revealed and changes in the direction of practical interaction of its members are traced. It is revealed that the family is an unusual social community, the perception of which is transformed both by changing social conditions and under the influence of the professional activities of its members. It is shown that the functions of the family are related to the specifics of the historical period of the society development. They are caused by the socio-economic conditions of the society, which in turn contributes to a change in the nature of family functions, hierarchical relationships.

The dynamics of changes in the perception of the family from considering it as a community for the birth of healthy citizens to the cell that is the basis of the state, is presented. Further, the role of the family as a social group united by values, joint activities, interpersonal relationships, intra-group processes, to considering it as an open, self-organizing system that is in constant interchange with the environment, and its transformation within itself is introduced.

Keywords: family; system analysis; personality; society; state; marriage; social institution; socio-cultural phenomenon; system.

For citation: Medvedeva E. A., Danilova Yu. N. System-historical retrospective of the “family” category in sociology and psychology // Systems Psychology and Sociology. 2022. № 2 (42). P. 53–63. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.05

Medvedeva Elena Alekseevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: medvedeva-ea@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4727-6501

Danilova Yulia Nikolaevna, teacher-psychologist of school № 1151, Moscow, Russia.

E-mail: ucklya1@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-9964-0256

Введение

Семья как сложное социальное образование, как пространство жизнедеятельности, где ребенок впервые познает ценности культуры, формируется психологически, нравственно, приобретает опыт социальных ролей, общественного поведения,

всегда интересовала специалистов различных областей научного знания. Все больший интерес к семье связан с ее значимостью в формировании личности, а значит, настоящего и будущего общества.

На сегодняшний день проблему семьи как социального института рассматривают А. И. Антонов [2: с. 56–93], Дж. Масионис

[13: с. 182–183]; как социокультурного феномена — Л. И. Савинов [17], А. Р. Лопатин, С. Ю. Свешников [12]; как малую социальную группу — Я. Щепаньский [24: с. 139–151], А. Бекбулатов [3]; как систему — С. Минухин, Ч. Фишман [14: с. 17–33], А. Я. Варга [5: с. 14–35], А. В. Черников [23: с. 12–21]. Актуальные вопросы семьи рассматриваются в работах С. Бэйли [25], Б. Фарелл и соавт. [26], Х. Мацуки [28], Дж. Мурако, М. Карран [29], М. Франк [27] и др. Учитывая широкий интерес к проблеме семьи в современных исследованиях, целью настоящей статьи является исторический анализ категории «семья» как первоначальной ячейки общества и рассмотрение ее с социально-филологических и психологических позиций.

Историческое осмысление категории «семья» с социально-филологических и психологических позиций

С момента своего появления человек постоянно находился внутри группы сородичей, соплеменников, что позволяло ему на ранних этапах существования более эффективно противостоять силам природы. В процессе дальнейшего развития человеческое общество претерпело значительные преобразования и группа сородичей (человеческое стадо) трансформировалась в родовую общину, на смену ей пришла соседская община, в которой выделилась уже отдельная структурная часть — семья. Семья с момента возникновения стала играть существенную роль в жизни общества как средство воспроизводства его членов и как институт, который передавал подрастающему поколению необходимые знания и правила поведения в социуме. Сегодня эти функции по-прежнему остаются актуальными, как и само явление «семья».

Интерес к пониманию роли семьи в обществе прослеживается на протяжении всей известной истории человечества, причем помимо ученых-философов вопросами осмысления семьи занимались историки, демографы, социологи, а в дальнейшем к ним присоединилась и психологическая наука. Если историки и демографы рассматривали

и исследовали семью как институт, который выполняет функции воспроизводства и воспитания новых членов общества, то филологические рассуждения о категориях «брак» и «семья» были связаны с рассуждениями о понятиях пола, любви, смысла жизни; критериях нравственного и безнравственного; способности самостоятельной жизнедеятельности индивида за пределами семьи, в обществе.

Представления о семье в эпоху Античности

Рассматривая историю осмысления категории «семья», безусловно, нельзя обойти вниманием ученых Древней Греции, заложивших основы философской науки.

Демокрит относился к семье и возможности иметь детей весьма своеобразно. С одной стороны, автор отмечал, что человек — это создание природы, но в процессе своего развития он стал еще и частью общества, чему способствовала взаимопомощь, умение отличать пользу от вреда. При этом, по мнению Демокрита, способность вести благой образ жизни не была врожденной, так как только воспитание может дать различие между добром и злом. Вот что он писал по этому поводу: «Если бы дети не приучались к труду, то они не научились бы ни грамоте, ни музыке, ни гимнастике, ни того, что больше укрепляет добродетель, — стыду» (цит. по: [8: с. 21]). С другой стороны, он утверждал, что «детей лучше не иметь, потому что удача в воспитании детей достигается ценой борьбы и забот, причем блага малы, слабы и незначительны, в случае же неудачи страдания ни с чем не сравнимы. Также и “воспитание детей — ненадежное дело”» [22: с. 198]. Семья, с его точки зрения, является крайней степенью необходимости, без которой можно обойтись: «...если уж необходимо завести семью, то надо выбрать женщину простую, маленькую и молчаливую...» [22: с. 198].

Представления Платона о семье мы можем увидеть в двух работах «Законы» и «Государство». В первой он рассуждает о том, что справедливое государство не может существовать без семьи, где находятся, с его точки

зрения, истоки правильного устройства государства. При этом воспитание, по его мнению, должно осуществлять именно государство, так как он придерживался принципа приоритета общественных интересов над личными. Следовательно, «каждый брак должен быть полезен для государства...» (цит. по: [4: с. 55]), т. е. для того, чтобы мужчина и женщина образовали семью, философы (правители) должны организовывать и регулировать брак.

В трактате «Государство» Платон утверждал, что «лучшие мужчины должны большей частью соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими и что потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших — нет, раз наше стадо должно быть самым отборным»¹. С помощью такого отбора и воспитания, по мнению автора, можно добиться развития устойчивого и справедливого общества, при этом данная программа действий — браки между лучшими людьми и воспитание детей от этих браков — должна храниться в тайне от большей части населения государства, чтобы предотвратить возможные волнения. Платон разрабатывает целую систему, направленную на то, чтобы браки заключались только в интересах государства: «А определить количество браков мы предоставим правителям, чтобы они по возможности сохраняли постоянное число мужчин, принимая в расчет войны, болезни и т. д., и чтобы государство у нас по возможности не увеличивалось и не уменьшалось. <...> А жеребьевку надо, я думаю, подстроить как-нибудь так, чтобы при каждом заключении брака человек из числа негодных винил бы во всем судьбу, а не правителей»².

Платон, рассуждая о своем идеальном государстве, предполагал общность жен, которая являлась развитием идеи общности имущества, что в конечном итоге означало достижение высшей формы единства в государстве.

«Аристотель определяет семью, как общение, естественным путем возникшее для удовлетворения повседневных надобностей» [4: с. 60]. Раб воспринимается как часть

семьи, так как отношения господина и раба также играли важную роль в период Античности во всех сферах общества, в том числе и в частной жизни людей. Автор рассматривает семью как результат социальной жизни, образование которой необходимо для существования государства, так как отношения между членами семьи полностью, с точки зрения Аристотеля, идентичны отношениям в государстве. Члены семьи должны подчиняться главе, а граждане государства его правителю. Таким образом, философ заключает, что без семей как таковых существование государства невозможно, так как государство возникает только в процессе общения между родами, семьями, для создания благой жизни всех его членов [4: с. 61].

Мыслитель рассуждает, что для совершенного государства нужны совершенные граждане, которые воспитываются в том числе и в семье. Итак, для Аристотеля семья выступает в двух значениях: как биологическая ячейка, которая сопряжена с воспроизводством, и как социальная группа, в которой выражаются экономическая и политическая деятельность [4: с. 61].

Таким образом, значение семьи рассматривалось только с точки зрения потенциальной пользы для государства: дети от «лучших» людей, «совершенные граждане», воспитание силами должностных лиц государства. Семья представлялась античным философам как ячейка общества, призванная удовлетворять потребности государства в новых членах, а взаимодействие членов внутри семьи копировало структуру государства: господство и подчинение.

Представления о семье в эпоху Средневековья

В Средние века все стороны жизни человека были подчинены церкви и религиозному учению. Семья не стала исключением: именно церковь обладала монополией на заключение и расторжение брака и все внутрисемейные отношения также были строго регламентированы, будь то рождение, смерть, даже выбор имени новорожденного. В этих условиях

¹ Платон. Государство // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 235.

² Там же.

представления общества о семье формировались, безусловно, через призму христианства.

Брак рассматривался как аналогия союза Христа и церкви: считалось, что Христос является главой церкви, а муж, в свою очередь, главой семьи. «Жены повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но, как Церковь повинуетя Христу, так и жены своим мужьям во всем» (Еф. 5:22–24). Единственная цель брака — это деторождение, а дальнейшее существование семьи необходимо для воспитания ребенка в духе христианства. При этом женщина, как правило, находилась в почти бесправном, подчиненном положении по отношению к мужчине, т. е. ситуация в сравнении с эпохой Древнего мира практически не изменилась. Все задачи, которые возлагались на женщину и семью в предыдущие периоды истории, были справедливы и для Средневековья: она обязана была блюсти свою честь, вести домашнее хозяйство, быть скромной, рожать детей, подчиняться мужу.

Несмотря на наличие очевидного сходства в положении семьи в обществе, можно выделить и отличия, проявившиеся в первую очередь в том, что в период позднего Средневековья интересы семьи могли в ряде случаев быть поставлены выше, чем общественные. Причиной этому стало то, что традиционная семья (отец, мать, дети) являлась основой средневекового общества. Именно такая модель брачно-семейных отношений признавалась и одобрялась церковью, без подобного одобрения существование семьи в обществе того периода было невозможно и всячески порицалось. Также стоит отметить, что экономика в Средние века, как и ранее, полностью зависела от количества рабочих рук: в это время в хозяйственной деятельности участвовали практически все члены семьи, независимо от пола и возраста. Можно сказать, что семья была трудовым коллективом, в котором ценность и значение каждого члена определялись в зависимости от вклада в общее дело.

Как уже отмечалось ранее, одной из задач семьи было воспитание подрастающего поколения, при этом мальчики оставались рядом с матерью до семи лет, а девочки до замужества. После семи лет мальчики, если

позволяли возможности семьи, отправлялись на обучение, девочек мать обучала сама, причем объем знаний, предлагаемый мальчикам и девочкам, был разным. Это объясняется разными социальными ролями и выполняемыми функциями в обществе. Роль женщины с появлением христианства изменилась: теперь женщина не только должна родить детей, но и воспитать их, причем воспитать в рамках принятых общественных норм и правил. Таким образом, кардинально менялся взгляд на роль женщины в построении семьи. Мужчина и женщина в своем семейном объединении, одобренном церковью, являют собой Образ Божий: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27).

Таким образом, в средневековой философии нашло отражение представление Платона об андрогинности человека, отсюда цель брака в Средние века, в отличие от эпохи Древнего мира, помимо воспроизводства и совместного существования мужчины и женщины, рождения детей и ведения совместного хозяйства, — это восстановление изначальной целостности человека, приближение его к Богу.

Представления о семье в Новое время

В последующие периоды развития человеческой цивилизации общество претерпело существенную трансформацию, которая не могла не сказаться на представлениях о семье. Так, уже в Новое время, Ф. Бэкон, Т. Гоббс, рассматривали семью с точки зрения естественного права. В труде «Опыты и наставления нравственные и политические» Ф. Бэкон пишет, что у семейных людей наиболее ярко выражены такие качества, как нежность, сопереживание, так как «жена и дети являются своего рода школой человечности», а люди, выбирающие безбрачие, более жестоки и бесчувственны, так как к их «человечности» обращаются гораздо реже³. При этом

³ Бэкон Ф. Опыты и наставления нравственные и политические // Сочинения: в 2 т. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Л. Субботина. Т. 2. М.: Мысль, 1972. С. 366.

Ф. Бэкон отмечает, что самые лучшие начинания исходили от неженатых⁴. Мыслитель объясняет это тем, что люди безбрачные более заботятся о потомстве общества, даже не имея своего, так как стремятся совершать общественно полезные поступки и пытаются оставить после себя след, в первую очередь духовный, который может повлиять на множество людей, а не телесный, определяющий существование только ограниченного круга семьи.

По мнению Т. Гоббса, союз мужчины и женщины должен быть санкционирован государством и регламентирован его законами. Попытка придать законность брачным отношениям также связана с новыми реалиями в экономике и снижением роли церкви в делах семьи, хотя все еще было огромно значение церковного брака. Брак, в представлении автора, это «договор мужчины и женщины о совместной жизни, основанный на законе» (цит. по: [15: с. 145]).

Философы немецкой школы XVIII – начала XIX в. — А. Шопенгауэр, Ф. Шлегель, И. Кант, Г. Гегель — также предпринимали попытки осознать место и роль семьи в обществе.

По мнению А. Шопенгауэра, для заключения брака не требуется санкции общества, а достаточно лишь любви мужчины и женщины, в результате такого союза, основанного на взаимной симпатии, и должны рождаться дети. При этом, по мнению автора, такой союз может быть следствием только сильного влечения, так как взаимопонимания полов достичь невозможно. Это связано с разной оценкой философа интеллектуальных и духовных качеств мужчины и женщины.

Иной точки зрения придерживался Ф. Шлегель, считавший, что люди, независимо от пола, обладают идентичным набором качеств, причем некоторые из них лучше развиты у мужчин, а некоторые — у женщин. Таким образом, по мнению Ф. Шлегеля, «в семье души становятся органическим единством»⁵. Кроме того, семья является возможностью

взаимного научения для достижения целостности личности, т. е. она рассматривалась мыслителем как средство духовного роста индивида. Такая позиция разительно отличается от представлений более ранних эпох.

По мнению И. Канта, брак — это «соединение двух лиц разного пола ради пожизненного обладания половыми свойствами друг друга»⁶, т. е. договор, базируемый на законах государства. Данная позиция привела к постепенной трансформации мнения общества относительно семьи и брака. При этом, по мнению автора, исходя из закона, имеет право быть только моногамный брак.

С точки зрения И. Фихте, брачный союз не является только договором в рамках закона, хотя и признается значимость данной стороны семейно-брачных отношений. Он считал, что брак — это «не просто юридический союз, а это естественный и нравственный союз», и утверждал, что нет брака без любви и нет любви вне брака. В этом высказывании он утверждает два аспекта брака: нравственным фундаментом брака является любовь, и отношения между мужчиной и женщиной внутри брака должны иметь сразу два критерия — природный и нравственный (цит. по: [4: с. 68]). Воспитание детей — это обязанность и мужчины, и женщины, конечной задачей которого является освоение и принятие социальных и моральных норм. Таким образом, по мнению Фихте, родители сами выбирают способы воспитания детей, а государство контролирует соблюдение прав ребенка.

Подобное переосмысление роли и места семьи в государстве и государства в семье невозможно представить в эпоху Древнего мира и Средних веков, так как вопрос о каких бы то ни было правах детей не рассматривался в принципе.

Гегель старался отойти от теории естественного права, на которую опирались Иммануил Кант и Иоганн Фихте. Он пытался рассматривать семью с точки зрения отношений индивида и государства. В работе Г. Гегеля «Феноменология духа», мы находим определение семьи как естественной нравственной

⁴ Бэкон Ф. Указ. соч. С. 365.

⁵ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1983. С. 364.

⁶ Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 192.

общественности, т. е. «семья представляет собой только непосредственное нравственное бытие, а народ есть сама нравственность» [4: с. 70].

До середины XIX в. представления о семье имели абстрактный характер, по сути, были оторваны от реального положения вещей, но со второй половины XIX и до начала XX в. акцент в изучении семьи смещается от философии к антропологии и этнографии, создается фундаментальная база данных о семье, ее историческом развитии. Заметный вклад внесли такие ученые, как И. Бахофен, Дж. Мак-Леннан, Л. Морган.

Семья стала рассматриваться как биологическая необходимость существования индивидов. Л. Фейербах считал, что «только муж и жена вместе образуют действительного человека»⁷. По мнению К. Маркса, семья представляет собой «непосредственное, естественное, необходимое отношение человека к человеку», на основании которого можно судить «о ступени общей культуры человека»⁸.

Таким образом, на протяжении большей части истории человечества семья представлялась как структурная неделимая единица общества, и эти же представления переносились на общество в целом, а отношения в семье и в обществе копировали друг друга. При этом семья изучалась исследователями в первую очередь как социальный институт, необходимый для функционирования общества и государства, и была мало интересна в качестве самодостаточного явления.

Начиная со второй половины XIX в. роль семьи в обществе в очередной раз пересматривается: на первое место выходит не семья как таковая, а личность в ней и ее развитие, поэтому значение семьи, ее ценность, по мнению ученых, стоит выше общественных интересов. Н. А. Бердяев считал, что роль семьи представлена в создании условий для благоприятного развития рода, личности. В. Г. Белинский, в свою очередь, отмечал:

«...По моему кровному убеждению, союз брачный должен быть чужд всякой публичности, это дело касается только двоих — больше никого» (цит. по [10: с. 79]). И. А. Ильин определял семью как «первичное лоно человеческой культуры» [9: с. 86]. В. В. Розанов отмечал, что «семья — это краеугольный камень человеческого бытия» (цит. по: [18: с. 55]). Э. Берджесс определял семью как «единство взаимодействующих личностей» (цит. по: [16: с. 10]). Таким образом, как мы видим, значение личности в семье выходит на первый план, а связь «семья — личность» начинает превалировать над связью «семья — общество».

Представления о семье в Новейшее время

Важное место в понимании феномена семьи с конца XIX в. и по сегодняшний день занимают психологические исследования. Наиболее актуальны те из них, которые рассматривают семью как системную модель общества. Впервые такой подход был использован в семейной психотерапии. В частности, Л. Берталанти считал, что семья представляет собой не только определенное количество людей, входящих в нее, но и, что не менее важно, их взаимоотношения. Анализ этих взаимоотношений позволяет рассматривать семью как целостную структуру, учитывая роль и значение каждого члена данной группы [19: с. 24].

Взгляд на семью как систему в настоящее время является одним из основных в психологической науке. Большинство психологов и психотерапевтов считает, что воздействие на одного члена семьи оказывает влияние на всех остальных. По мнению американского психолога М. Боуэна, «семья — это эмоциональная система. Он думал о семье как о “комбинации систем «эмоций» и «отношений»» (цит. по: [21: с. 6]). С точки зрения В. В. Столина, семья представляет собой открытую систему, которая изменяется под воздействием внешних факторов, при этом изменяется не только сама система, но и входящие в нее элементы, т. е. члены семьи (цит. по: [7: с. 181]).

В XX в. семья также рассматривается как социокультурный феномен. К примеру,

⁷ Фейербах Л. Сущность христианства. М., 1965. С. 64.

⁸ Цит. по: Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 86.

Л. И. Савинов отмечает, что «культура людей немислима без семьи, любви, детей, супружеских и родственных отношений» [17: с. 32], т. е. семья, с точки зрения автора, выступает в роли хранителя культурных ценностей человечества, без которого развитие, в первую очередь духовной культуры, было бы невозможно.

Неудивительно, что именно в прошлом веке стали появляться исследования, рассматривающие семью с точки зрения взаимосвязи социологии и философии: исследуются связи «личность – личность» и «личность – общество», во многом определяющие значение семьи и ее роль в современном обществе. Как мы видим, значительно смещены акценты в понимании самой сути семьи: и если ранее семья рассматривалась лишь как хозяйствующий субъект, то начиная с второй половины XX в. на первый план выходит логическая цепочка «семья – личность – общество».

В настоящее время все больше появляется научных работ, рассматривающих роль семьи в системе общественных отношений [11; 20], социально-демографические проблемы семьи [1: с. 131], поднимается вопрос духовно-нравственного формирования личности в семье [6]. Отмечается повышенный интерес к проблеме семьи в связи с трудностями, испытываемые населением в современном обществе. Интенсивное развитие службы семьи в нашей стране привело к созданию широкого круга учреждений и организаций, помогающих семье, и их деятельность чрезвычайно разнообразна: от помощи в создании семьи, преодолении кризисов развития семьи, помощи в воспитании детей, налаживании межличностных отношений поколений до профилактики возникновения семейных проблем.

Семья на современном этапе развития научной мысли рассматривается как открытая, самоорганизующаяся система: с одной стороны, она находится в постоянном взаимодействии с окружающей средой, с другой — является источником преобразования системы, находясь внутри нее самой.

Заключение

В системном анализе исторической ретроспективы представления о категории «семья» можно отметить, что понимание семьи существенно трансформировалось на протяжении всей истории человечества. Изначально семья рассматривалась с точки зрения потенциальной пользы государству, а именно рождения лучших людей. Следующим этапом стало представление о семье как о способе восстановления изначальной целостности человека, приближение его к Богу. В эпоху Нового времени семья стала рассматриваться в основном как хозяйствующий субъект, создаваемый для достижения определенных экономических целей, оставаясь структурно неделимой единицей общества. Начиная со второй половины XIX в. на первый план выходит личность и ее интересы, в том числе и в представлениях о семье. Это связано с выделением психологии в самостоятельную науку. Семья стала рассматриваться как система, состоящая из ее членов и взаимоотношений между ними.

Таким образом, роль и значение семьи для развития общества во все периоды были огромны, так как именно внутри семьи происходит постижение культурных ценностей, норм поведения, становление личности.

Литература

1. Андреева Т. В. Семейная психология. СПб.: Речь, 2004. 244 с.
2. Антонов А. И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): учеб. пособие для вузов. М.: Nota Bene, 1998. 360 с.
3. Бекбулатов А., Бекбулатов Д. Р. Семья как малая группа или социальный институт // StudNet. 2021. Т. 4. Вып. 3. С. 795–801. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-malaya-gruppa-ili-sotsialnyy-institut> (дата обращения: 10.03.2022).
4. Бутова С. Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии. Минск: Право и экономика, 2010. 444 с. URL: <https://studfile.net/preview/4519046/> (дата обращения: 03.03.2022).

5. Варга А. Я. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. СПб.: Речь, 2001. 144 с.
6. Головин Г. В. Современная семья как социальный институт духовно-нравственного формирования личности // Защита прав ребенка в условиях современных вызовов. Социальные, педагогические и правовые аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Липецк, 25 ноября 2021 г.). Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 27–31.
7. Данилова Е. А. Поведение в конфликте супругов на разных стадиях жизненного цикла семьи // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 30. Вып. 2. С. 181–188.
8. Джурицкий А. Н. История педагогики: учеб. пособие для студентов педвузов. М.: ВЛАДОС, 2000. 432 с.
9. Ильин И. А. Путь духовного обновления. М.: ДАРЪ, 2017. 211 с. URL: <https://disk.yandex.ru/i/Tgby38HrNsgGJA> (дата обращения: 10.03.2022).
10. Кафанова О. Б. Любовный быт «людей сороковых годов» // Вестник Томского государственного университета. 1998. Т. 266. С. 78–87.
11. Курамшев А. В. Роль семьи в социологии О. Конта // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 135–139.
12. Лопатин А. Р., Свешников С. Ю. Семья как социально-культурный феномен // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика, психология. 2009. Вып. 4 (15). С. 18–27.
13. Масионис Дж. Социология / [пер. с англ.: З. Замчук, С. Комаров, А. Смирнов]. 9-е изд. СПб.: Питер, 2004. 580 с.
14. Минухин С., Фишман Ч. Техники семейной терапии / пер. с англ. А. Д. Иорданского. М.: Класс, 1998. 304 с.
15. Рудницкая Т. Ю. Проблема семьи: историко-философский дискурс // Вестник Костромского государственного университета. 2014. № 6. С. 144–148.
16. Рябикина З. И., Тиодар А. Р. Личностная идентичность в супружеских отношениях // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 4. С. 4–13.
17. Савинов Л. И. Современные тенденции изменения института семьи: теоретические и практические аспекты // Вестник Мордовского университета. 2012. № 1. С. 32–36.
18. Сви́рская Е. В. Проблема семьи в философской антропологии В. В. Розанова // Преподаватель XXI век. 2008. № 3. С. 54–57.
19. Социальная психология образования: учеб. пособие / под ред. О. Б. Крушельницкой, М. Е. Сачковой, Л. Б. Шнейдер. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2020. 320 с.
20. Сторчай Д. С., Петров И. Ф. Семья как социальный институт // Вестник современных исследований. 2019. № 4.7 (31). С. 36–38.
21. Тайтельман П. Смерть и дифференциация в семье // Психология и психотерапия семьи. 2018. № 4. С. 5–23.
22. Чанышев Н. Курс лекций по древней философии. М.: Высшая школа, 1981. 374 с. URL: chrome-extension://efaidnbmninnkpbcajpcglclefindmkaj/http://mts.edu.27.ru/biblio/Phil/colection/pdf/1981_chanyshev.pdf (дата обращения: 03.03.2022).
23. Черников А. В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. 3-е изд., испр. и доп. М.: Класс, 2001. 208 с. URL: <https://pedlib.ru/Books/3/0438/index.shtml> (дата обращения: 03.03.2022).
24. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / общ. ред. и послесл. акад. А. М. Румянцева; пер. с польского М. М. Гуренко. М.: Прогресс, 1969. 237 с.
25. Bailey S. J. Unraveling the Meaning of Family // Marriage & Family Review. 2007. Vol. 42. Iss. 1. P. 81–102. DOI: 10.1300/j002v42n01_06
26. Farrell B., Vusse A. V., Ocobock A. Family change and the state of family sociology // Current Sociology. 2012. Vol. 60. Iss. 3. P. 283–301. DOI: 10.1177/0011392111425599
27. Franck M. J. The meaning of marriage: family, state, market, and morals // Catholic Social Science Review. 2007. Vol. 12. P. 373–378. DOI: 10.5840/cssr20071218
28. Matsuki H. Family intervention and sociology of family // Kazoku Syakaigaku Kenkyu. 2017. Vol. 29. Iss. 1. P. 77–81. DOI: 10.4234/jjoffamilysociology.29.77
29. Muraco J. A., Curran M. A. Associations between marital meaning and reasons to delay marriage for young adults in romantic relationships // Marriage & Family Review. 2012. Vol. 48. Iss. 3. P. 227–247. DOI: 10.1080/01494929.2012.665013

References

1. Andreeva T. V. Semejnaya psixologiya [Family psychology]. SPb.: Rech', 2004. 244 p.
2. Antonov A. I. Mikrosociologiya sem'i (metodologiya issledovaniya struktur i processov): ucheb. posobie dlya vuzov [Microsociology of the family (methodology for the study of structures and processes): textbook for universities]. M.: Nota Bene, 1998. 360 p.
3. Bekbulatov A., Bekbulatov D. R. Sem'ya kak malaya gruppa ili social'ny'j institut [Family as a small group or social institution] // StudNet. 2021. Vol. 4. Iss. 3. P. 795–801. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-malaya-gruppa-ili-sotsialnyy-institut> (accessed: 10.03.2022).
4. Burova S. N. Sociologiya braka i sem'i: istoriya, teoreticheskie osnovy', personalii [Sociology of marriage and family: history, theoretical foundations, personalities]. Minsk: Pravo i e'konomika, 2010. 444 p. URL: <https://studfile.net/preview/4519046/> (accessed: 03.03.2022).
5. Varga A. Ya. Sistemnaya semejnaya psixoterapiya. Kratkij lekcionny'j kurs [Systemic family psychotherapy. Short lecture course]. SPb.: Rech', 2001. 144 p.
6. Golovin G. V. Sovremennaya sem'ya kak social'ny'j institut duxovno-nravstvennogo formirovaniya lichnosti [Modern family as a social institution of spiritual and moral formation of personality] // Zashhita prav rebenka v usloviyax sovremenny'x vy'zovov. Social'ny'e, pedagogicheskie i pravovy'e aspekty'. materialy' Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Lipeczk, 25 noyabrya 2021 g.) [Protection of the rights of the child in the context of modern challenges. Social, pedagogical and legal aspects: materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Lipeczk: LGPU imeni P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2021. P. 27–31.
7. Danilova E. A. Povedenie v konflikte suprugov na razny'x stadiyax zhiznennogo cikla sem'i [Behavior in the conflict of spouses at different stages of the family life cycle] // Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of the Udmurt University]. 2020. Vol. 30. Issue 2. P. 181–188.
8. Dzhurinskij A. N. Istoriya pedagogiki: ucheb. posobie dlya stud. pedvuzov [History of pedagogy: study guide for students of pedagogical universities]. M.: VLADOS, 2000. 432 p.
9. Il'in I. A. Put' duxovnogo obnovleniya [The path of spiritual renewal]. M.: DAR'', 2017. 211 p. URL: <https://disk.yandex.ru/i/Tg6y38HrNsgGJA> (date accessed: 10.03.2022).
10. Kafanova O. B. Lyubovny'j by't «lyudej sorokovy'x godov» [Love life of “people of the forties”] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]. 1998. Vol. 266. P. 78–87.
11. Kuramshev A. V. Rol' sem'i v sociologii O. Konta [The role of the family in the sociology of O. Comte] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'ny'e nauki [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences]. 2020. № 3 (59). P. 135–139.
12. Lopatin A. R., Sveshnikov S. Yu. Sem'ya kak social'no-kul'turny'j fenomen [Family as a socio-cultural phenomenon] // Vestnik PSTGU. Seriya IV: Pedagogika, psixologiya [St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy, psychology]. 2009. Iss. 4 (15). P. 18–27.
13. Masionis Dzh. Sociologiya [Sociology] / [per. s angl.: Z. Zamchuk, S. Komarov, A. Smirnov]. 9-e izd. SPb.: Piter, 2004. 580 p.
14. Minuxin S., Fishman Ch. Texniki semejnoy terapii [Techniques of family therapy] / per. s angl. A. D. Iordanskogo. M.: Klass, 1998. 304 p.
15. Rudniczkaya T. Yu. Problema sem'i: istoriko-filosofskij diskurs [The problem of the family: historical and philosophical discourse] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kostroma State University]. 2014. № 6. P. 144–148.
16. Ryabikina Z. I., Tiodar A. R. Lichnostnaya identichnost' v supruzheskix otnosheniyax [Personal identity in marital relations] // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie [Person. Community. Control]. 2011. № 4. P. 4–13.
17. Savinov L. I. Sovremenny'e tendencii izmeneniya instituta sem'i: teoreticheskie i prakticheskie aspekty' [Modern trends in changing the institution of the family: theoretical and practical aspects] // Vestnik Mordovskogo universiteta [Bulletin of the Mordovian University]. 2012. № 1. P. 32–36.
18. Svirskaya E. V. Problema sem'i v filosofskoj antropologii V. V. Rozanova [The problem of the family in philosophical anthropology V. V. Rozanov] // Prepodavatel' XXI vek [Lecturer XXI century]. 2008. № 3. P. 54–57.
19. Social'naya psixologiya obrazovaniya: uchebnoe posobie [Social psychology of education: textbook] / pod red. O. B. Krushel'niczkoy, M. E. Sachkovoij, L. B. Shnejder. M.: Vuzovskij uchebnyk: INFRA-M, 2020. 320 p.

20. Storchaj D. S., Petrov I. F. Sem`ya kak social`ny`j institut [Family as a social institution] // Vestnik sovremenny`x issledovanij [Bulletin of Modern Research]. 2019. № 4.7 (31). P. 36–38.
21. Tajtel`man P. Smert` i differenciaciya v sem`e [Death and differentiation in the family] // Psixologiya i psixoterapiya sem`I [Psychology and psychotherapy of the family]. 2018. № 4. P. 5–23.
22. Chany`shev N. Kurs lekcij po drevnej filosofii [Course of lectures on ancient philosophy]. M.: Vy`sshaya shkola, 1981. 374 p. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglelefndmkaj/http://mts.edu.27.ru/biblio/Phil/colection/pdf/1981_chanyshev.pdf (date accessed: 03.03.2022).
23. Chernikov A. V. Sistemnaya semejnaya terapiya: Integrativnaya model` diagnostiki [Systemic family therapy: Integrative model of diagnostics]. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Klass, 2001. 208 p. URL: <https://pedlib.ru/Books/3/0438/index.shtml> (date accessed: 03.03.2022).
24. Shhepan`skij Ya. E`lementarny`e ponyatiya sociologii [Elementary concepts of sociology] / obshh. red. i poslesl. akad. A. M. Rumyanceva; per. s pol`skogo M. M. Gurenko. M.: Progress, 1969. 237 p.
25. Bailey S. J. Unraveling the Meaning of Family // Marriage & Family Review. 2007. Vol. 42. Iss. 1. P. 81–102. DOI: 10.1300/j002v42n01_06
26. Farrell B., Vusse A. V., Ocobock A. Family change and the state of family sociology // Current Sociology. 2012. Vol. 60. Iss. 3. P. 283–301. DOI: 10.1177/0011392111425599
27. Franck M. J. The meaning of marriage: family, state, market, and morals // Catholic Social Science Review. 2007. Vol. 12. P. 373–378. DOI: 10.5840/cssr20071218
28. Matsuki H. Family intervention and sociology of family // Kazoku Syakaigaku Kenkyu. 2017. Vol. 29. Iss. 1. P. 77–81. DOI: 10.4234/jjoffamilysociology.29.77
29. Muraco J. A., Curran M. A. Associations between marital meaning and reasons to delay marriage for young adults in romantic relationships // Marriage & Family Review. 2012. Vol. 48. Iss. 3. P. 227–247. DOI: 10.1080/01494929.2012.665013

ПРОБЛЕМА ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА КАК СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНО-ПЕРЦЕПТИВНОГО ОТРАЖЕНИЯ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

А. А. Стреленко,
ВГУ имени П. М. Машерова,
Витебск, Республика Беларусь,
strelenko@list.ru

Статья посвящена системному анализу проблемы образа человека как субъекта социально-перцептивного отражения. Основными задачами стали раскрытие понятия образа человека в зарубежной психологии, определение основных линий развития проблемы в отечественной психологии, конкретизация понятия «социально-перцептивные образы». Было определено, что образ человека в философии рассматривался через космоцентрический, теоцентрический, антропоцентрический типы характеристик человека. В зарубежной психологии складывались определенные предпосылки для познания категории образа как сенсорной основы сознания человека, а впоследствии как детерминанты актуального поведения человека. В дальнейшем взгляды ученых были сосредоточены как на целостности и системности психических образов, так и на уровне погруженности образов в сознание и степени их осознанности. Важным шагом в развитии зарубежной психологии стала концентрация на субъект-объектных и субъект-субъектных отношениях, что активизировало развитие нового взгляда на категорию образа человека как целостной личности, способной к активности, целеполаганию и рефлексии.

С середины XX столетия в отечественной психологии проблема образа человека рассматривалась посредством теории отражения в деятельностном, коммуникативном и системном подходах. Однако уже в конце XX в. отмечалось снижение интереса к такой проблеме, что объясняется сложностью непосредственного изучения проблемы образа человека и ограниченностью валидного психологического инструментария. Вместе с тем возникновение нового направления на стыке общей и социальной психологии поднимает проблему образа человека как субъекта социально-перцептивного отражения на новый уровень, где предпринимаются первые попытки дать психологическое обозначение понятию социально-перцептивных образов. В настоящей статье социально-перцептивные образы рассматриваются в качестве образно-смысловых медиаторов, формирующихся под действием социально-перцептивных механизмов, имеющих рефлексивную и арефлексивную природу, образующих связи знаково-символической деятельности с духовным слоем сознания и способствующих возникновению регулирующей, мотивирующей, прогностической, корректирующей и ресурсной функций.

Ключевые слова: системный анализ; сознание; функции сознания; отражательная деятельность; знаково-символическая деятельность; образ человека; социально-перцептивные образы.

Для цитаты: Стреленко А. А. Проблема образа человека как субъекта социально-перцептивного отражения: системный анализ // Системная психология и социология. 2022. № 2 (42). С. 64–74. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.06

Стреленко Анна Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь.

E-mail: *strelenko@list.ru*

ORCID: 0000-0001-9765-5430

THE PROBLEM OF A PERSON'S IMAGE AS A SUBJECT OF SOCIO-PERCEPTUAL REFLECTION: SYSTEM ANALYSIS

A. A. Strelenko,

VSU, Vitebsk, Republic of Belarus,

strelenko@list.ru

The article is devoted to the system analysis of the problem of the person's image as a subject of socio-perceptual reflection. The main tasks were the disclosure of the concept of a person's image in foreign psychology, the definition of the main lines of the development of the problem in domestic psychology, the specification of the concept of socio-perceptual images. It was determined that the image of man in philosophy was considered through cosmocentric, theocentric, anthropocentric types of human characteristics. In foreign psychology, certain prerequisites for the cognition of the category of image as the sensory basis of human consciousness, and subsequently as determinants of actual human behavior were formed. In the future, the views of scientists were focused, either on the integrity and consistency of mental images, or on the level of immersion of images in consciousness and the degree of their awareness. An important step in the development of foreign psychology was the concentration of views on subject-object and subject-subject relations, which activated the development of a new view of the category of a person's image as an integral personality capable of activity, goal-setting and reflection.

Since the middle of the XX century in Russian psychology, the problem of the human image has been considered through the theory of reflection in activity, communicative and systemic approaches. However, already at the end of the twentieth century, there was a decrease in the interest of such a problem. The decrease in interest is explained by the complexity of the direct study of the problem of a person's image and the limitations of valid psychological tools. At the same time, the emergence of a new direction at the junction of general and social psychology raises the problem of the image of a person as a subject of socio-perceptual reflection to a new level, where the first attempts to give a psychological designation to the concept of socio-perceptual images are made. In this article, socio-perceptual images are considered as figurative and semantic mediators formed under the influence of socio-perceptual mechanisms having a reflexive and aflexive nature, forming connections of sign-symbolic activity with the spiritual layer of consciousness and contributing to the emergence of regulatory, motivating, predictive, corrective and resource functions.

Keywords: system analysis; consciousness; functions of consciousness; reflective activity; sign-symbolic activity; human image; socio-perceptual images.

For citation: Strelenko A. A. The problem of a person's image as a subject of socio-perceptual reflection: system analysis // Systems Psychology and Sociology. 2022. № 2 (42). P. 64–74. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.06

Strelenko Anna Anatolyevna, PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of Psychology of the Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus.

E-mail: *strelenko@list.ru*

ORCID: 0000-0001-9765-5430

Введение

Наряду с такими базовыми категориями, как общение, личность, деятельность, образ является одной из фундаментальных проблем психологии. Несмотря на продолжительную историю рассмотрения, проблема образа актуализируется

в умах ученых до сих пор и сохраняет устойчивое положение на философском и психологическом полях своей неоднозначностью в ее понимании [11]. С одной стороны, образ затрагивает природу биологического и психического отражения. С другой стороны, образ отражает социальное существование и общественную организацию человека. На такую

терминологическую нечеткость в прошлом указывали В. С. Агеев и Г. М. Андреева¹.

Попытки систематизировать теоретические знания о феномене психического образа проводились в русле перцептивного, отражательного и социально-перцептивного подходов. Рассматривая проблему образа в системе психической регуляции деятельности, Н. Д. Завалова, Б. Ф. Ломов, В. А. Пономаренко² и др. обращали внимание на многообразие его проявлений. Такая полиморфность закономерно повлекла методологические и теоретические трудности в конкретизации данного феномена. При этом возникшие проблемы способствовали установлению разнообразных взаимосвязанных явлений образа, которые отражали его системно-структурный характер.

В этой связи основной целью настоящего исследования стало осуществление теоретического анализа по проблеме образа человека как субъекта социально-перцептивного отражения. Задачами явились: 1) раскрытие понятия образ человека в зарубежной психологии; 2) определение основных линий развития проблемы в отечественной психологии; 3) конкретизация понятия социально-перцептивного образа.

Образ человека в зарубежной психологии

Психологическая особенность взаимодействия субъекта и объекта социального восприятия и межличностного познания заключается в построении Я-образа и образа другого. Образ человека в истории философской мысли рассматривается через призму таких основных типов характеристик человека, как космоцентрический, теоцентрический, антропоцентрический. Их сущность в различные эпохи становления донаучной психологии

сводится к проблеме образа как источника копии отраженного мира, к вопросу соотношения внешнего и внутреннего мира человека, к роли образа в объединении чувственного и трансцендентного миров.

Первые разработки по проблеме образа в научной психологии возникли еще в XIX в. и были связаны с такими направлениями в западной психологии, как структурализм и функционализм. В противовес им впоследствии возникла гештальттеория. По мнению гештальтистов, недостатки в работе этих направлений были связаны с методологической узостью в обосновании самой категории образа. Так, структуралисты пытались воссоздать структуру, состоящую из ассоциативных элементов или элементов, основанных на осознанном и четком субъективном восприятии, т. е. апперцепции. В свою очередь, функционалисты связывали проблему образа с сознанием как процессом, определяемым целями субъекта. В отличие от структурализма и функционализма в центре гештальттеории находилась категория психического образа, представленность его прошлого и будущего как детерминанты актуального поведения.

Благодаря идеям Э. Толмана в научную психологию была включена категория психического образа. Однако в эпоху активизации идей бихевиоризма научный интерес к проблеме образа заметно снизился, и такая тенденция продлилась вплоть до 1960-х гг. Во второй половине XX в. исследования по проблеме образа переходят на новый виток своего развития. В это же время проблема образа человека начинает активно подниматься в социальной психологии, прикладной социальной психологии и психологической практике.

Одной из значимых парадигм, развиваемых в русле когнитивной психологии, стала теория личностных конструктов Дж. Келли. Само понятие личностного конструкта связано с сознанием субъекта, который воспринимает мир посредством образцов (стандартов) классификации и оценки явлений или объектов, при этом сличая их друг с другом. Фактически Келли в своей теории затрагивает вопросы возможности построения образа мира любого индивида, а сами конструкты выступают в качестве критериев для такого конструирования.

¹ Агеев В. С., Андреева Г. М. Специфика подхода к исследованию перцептивных процессов в социальной психологии // Социальная психология: хрестоматия / сост. Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 136–146.

² Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А. Образ в системе психической регуляции деятельности. М.: Наука, 1986. С. 23.

Оригинальный взгляд, раскрывающий проблему образа человека, предложен в психоаналитической парадигме. Ее представителей интересовала не столько проблема сознания, сколько неосознаваемые явления, расположенные в области бессознательного. Так, используя различные методики объяснения психических проявлений психоаналитики разработали сложную сеть понятий, применение которых содействовало освобождению бессознательных процессов, за которыми скрывались осознаваемые явления в отраженном самонаблюдении. Несмотря на то что З. Фрейд непосредственно не затрагивал проблему образа, его взгляды привели к новой трактовке сознания как регулятора человеческого поведения. К. Юнг также занимался изучением бессознательного, но не индивидуального, а коллективного. Коллективное бессознательное рассматривалось в его теории как образ мира, сформированного в ходе биологической эволюции и культурно-исторического развития, в основе которого уже при рождении заложены архетипические образы [1].

Идеи, разработанные в области аналитической психологии и самом психоанализе, способствовали возникновению внутренней сущности человека, которая отделялась от окружающей действительности. Экстериоризация и интериоризация двух основ существования, внешней и внутренней, объединяющиеся в образах, имели важное значение для последующей возможности человека переживать саму реальность.

Перспектива для решения проблемы образа человека была затронута и гуманистической психологией. Гуманистическая парадигма со своим противопоставлением механичному бихевиоризму и глубинному психоанализу была основана на отличной от других научных школ и направлений методологии познания человека и всего человеческого как неповторимого объекта исследования. Необходимо отметить, что представители гуманистического подхода заложили основу для познания человека как самоактуализирующейся личности в системе глубинного межличностного общения, переживающей этот мир. Ряд исследователей (К. Роджерс, А. Маслоу, В. Франкл и др.) способствовали

развитию такой проблемы, как субъектность, образ человека и его самость. Гуманистическая психология — явление не узконаучного, а общекультурного, точнее ноосферного, планетарного, масштаба — делала попытки повернуть человека на самого себя [4].

Поворот на самого себя способствовал возникновению новых зарубежных теорий, объясняющих самосознание человека как способность к рефлексивному осознанию. По мнению большинства теоретиков, для этого необходимы определенные типы когнитивных способностей. Даже в самой примитивной форме (визуальное самопознание и способность узнавать себя в зеркале) самосознание ограничивается небольшой группой животных, таких как шимпанзе, орангутаны, дельфины. У людей аналогичная способность начинает проявляться в возрасте от 12–18 месяцев [12].

В своих работах У. Джеймс поднимает вопрос формирования самосознания как системы устойчивых представлений о себе и перспективе своего развития в будущем³. При этом необходимо отметить, что самооценка, связанная с возникновением идеального образа Я, является одной из фундаментальных составляющих самосознания. По мнению Дж. Г. Мида, развитие самосознания связано с историей социального воспитания, в которой индивидуум приходит к осознанию того, что он или она отличается от других (цит. по: [13: р. 530]). Помимо способности рефлексивно осознавать себя самосознание часто связано с исполнительными процессами, необходимыми для саморегуляции [24]. Таким образом, в теории символического интеракционизма осознающий себя человек часто рассматривается как более целенаправленный и контролируемый в своих действиях [5]. В рамках теории социальных представлений, предложенной С. Московичи, самосознание рассматривается как система значений и личностных смыслов субъекта, формирующаяся в процессе социального взаимодействия (цит. по: [2; 30: р. 226]).

³ *Воробьев В. С.* К 175-летию со дня рождения Уильяма Джеймса — выдающегося американского философа и психолога // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. 10 (3). С. 79–93.

На современном этапе становления зарубежной психологии проблема сознания и самосознания не утратила своей актуальности [20–22]. В работе У. Пеш затрагиваются вопросы индивидуального Я и социального Я, а также их связи с нравственными чувствами [25]. В статье Х. Шевлин поднимается проблема сознания человека и нечеловеческого сознания. Автор предлагает с помощью маркеров метода сознания определить соответствующий уровень специфичности в применении к уже известным теориям сознания. По мнению автора, таким образом можно расширить теории, чтобы исследовать возможные случаи нечеловеческого сознания, как биологического, так и искусственного [26].

В аспекте проблематики настоящего исследования привлекают внимание работы по вопросам социального восприятия и социального познания. Так, в работе А. Э. Абеле и В. Йзербыт затрагивается проблема влияния осанки тела на чувства к себе и на социальное познание [14]. В труде М. Ариоли и др. анализируются вопросы отсутствия визуального опыта и его влияния на нейрокогнитивные механизмы, которые лежат в основе социальных навыков [15]. Исследователи Р. Неджат и соавт. доказывают связь моральных норм с восприятием социальных ролей [23]. В публикации К. М. Сазерленд и др. проведен обзор методов для понимания социального восприятия, которое создают основу между визуальным восприятием и теорией социальной психологии [27]. В работе М. Томаселло поднимаются вопросы о роли социальных ролей в ходе индивидуального и социального развития. По мнению автора, это начинается онтогенетически не с социального уровня, а с локального сотрудничества между людьми. Так, чтобы понять себя в социальной роли, люди должны знать и понимать самих себя. Итог такого понимания влияет на возникновение уважения между партнерами по сотрудничеству и развитие нормативной (т. е. моральной) позиции по отношению к Мы в сообществе, в котором формируется моральная роль или индивидуальность [28]. В работе Ф. Зава и др. затрагиваются вопросы восприятия и убеждения маленьких детей в отношении гипотетически застенчивых, нелюдимых и избегающих общества

сверстников в школе [29]. Межличностному познанию и проблеме понимания посвящены публикации Н. Бранкаци [16], К.-А. Клефт с соавт., Л. Кручианелли и М. Л. Филиппетти [17; 18], а также Дж. Диксон с соавт. [19].

Основные линии развития проблемы образа человека в отечественной психологии

С середины XX столетия в отечественной психологии наблюдается расширенное теоретическое и практическое исследование проблемы образа человека. Данный феномен рассматривается сквозь призму теории отражения в деятельностном, коммуникативном и системном подходах. Однако на рубеже XX–XXI вв. как в российской, так и в белорусской психологии отмечается тенденция снижения интереса к изучению категории образа человека [10].

Анализируя современные представления об образе, А. Ф. Корниенко предлагает понимать совокупность образов как отраженную форму знаний, которая формирует внутреннюю картину мира субъекта⁴. При этом особое значение имеет степень адекватности субъективного отражения объективного мира, поскольку чем она выше, тем более адекватно поведение субъекта в объективном мире. С этих позиций сознание следует рассматривать как высший уровень развития познавательных психических процессов, способствующий отражению перспективы развития человека как объекта и субъекта деятельности, в результате чего в психике человека возникают разнообразные образы Я. Однако порождение таких образов обусловлено социально-перцептивными механизмами, которые могут приводить к возникновению неадекватного, т. е. искаженного отражения межличностного и межгруппового восприятия, на что в своих работах указывал А. А. Реан [6].

В отличие от А. А. Реана, который определяет социально-перцептивные образы

⁴ Корниенко А. Ф. Фундаментальные проблемы психологии и их решения // Научный диалог. 2014. № 3 (27): Психология. Педагогика. С. 47–72.

как социально-перцептивные процессы и как результаты таких процессов, формирующиеся на основании социально-перцептивных механизмов, В. Л. Ситников сосредоточивает свое внимание на рассмотрении социально-перцептивных образов как образов-представлений других людей и себя как членов человеческого общества⁵. Соответственно, социально-перцептивные образы В. Л. Ситниковым определяются как Я-, Ты-образы в контексте рассмотрения философской категории «образ человека». Автор также отмечает, что все виды образов (художественный образ ребенка, Я-образ, образ сверстника, образ-перспектива, образ-ретроспектива) можно разделить на два основных типа: обобщенные образы-эталон и конкретные образы-отражения, которые строятся по таким схемам, как проекция, стереотипизация, установка, аттитюд, атрибуция⁶.

Современная системная психология образ человека рассматривает в контексте исследования мотивационно-ценностной сферы, представляющей собой ядро человеческой личности. В ряде работ отмечается устойчивый эффект социального давления на самооценку мотивационно-ценностной сферы, что, в свою очередь, приводит к формированию идеализированного образа личности — Я-идеального [7; 8]. Становление социально-перцептивных образов связано с одобряемыми обществом моделями поведения, на основе которых формируются социальные установки, формирующие идеальный образ личности в соответствии с имеющимися в обществе культурными стереотипами.

Конкретизация понятия социально-перцептивные образы

В настоящее время прослеживается неоднозначность в определении категории социально-перцептивных образов, в связи с чем возникает необходимость в конкретизации этого феномена в сфере проблемы сознания.

Одним из возможных способов решения сложившейся ситуации на практике может стать предложенная В. Л. Ситниковым и его коллегами методика СОЧ(И) — структура образа человека (иерархическая), — включающая в себя вербальную и невербальную части. Наличие в методике невербальной части позволяет выявить неосознаваемые человеком характеристики самого себя и значимых для него других людей, что позволяет определить связь символических и знаковых элементов [8].

Ориентируясь на работы М. К. Мамардашвили⁷ в области философии, В. Л. Ситникова⁸ в области психологии, разделяя мнение В. П. Зинченко⁹, А. М. Полякова¹⁰, А. А. Реана [6], автор настоящего исследования предлагает следующее обозначение социально-перцептивных образов. Социально-перцептивные образы — это образно-смысловые медиаторы, формирующиеся под действием социально-перцептивных механизмов, имеющие рефлексивную и арефлексивную природу, образующие связь знаково-символической деятельности с духовным слоем сознания и способствующие возникновению регулирующей, мотивирующей, прогностической, корректирующей и ресурсной функций.

Таким образом, в своей основе самосознание связано с рефлексивным осознанием себя, формирующимися образами Я и с арефлексивной природой, порождаемой связью «Я – Ты». В социальной психологии самосознание обычно рассматривается как вовлечение когнитивных и аффективных процессов, необходимых для саморегуляции. В области социальной

⁷ Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / под общ. ред. Ю. П. Сенокосова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3193/3198> (дата обращения: 07.03.2022).

⁸ Ситников В. Л. Указ. соч.

⁹ Семенов И. Н. Развитие жизнедеятельности В. П. Зинченко и его психологии рефлексивного сознания и творческого акта // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 5–11.

¹⁰ Поляков А. М. Субъект и символ. Минск: БГУ, 2014. 255 с.

⁵ Ситников В. Л. Образ ребенка в сознании детей и взрослых. СПб.: Химиздат, 2001. С. 20.

⁶ Там же. С. 56–57.

психологии активно проводятся исследования, описывающие эти процессы. Как следствие, изучаются эффекты как ситуативных манипуляций самосознания, так и индивидуальных различий самосознания. В рамках каждого из этих подходов исследователи обычно различают более личные, частные аспекты самосознания, разнообразные Я-образы и более публичные, самопрезентационные аспекты самосознания.

Понимание связи внутреннего мира субъекта с социальными процессами считается одним из значимых достижений зарубежной и отечественной психологии. Однако теоретический анализ, посвященный изучению категории образа человека, а также исследованию социально-перцептивных образов в зарубежной и отечественной психологии, выявил несогласованность в определении исследовательских задач и методологических оснований. Несмотря на имеющиеся исследования в этой сфере научного знания, проблема восприятия и познания человека человеком все еще остается за гранью своего полного разрешения. Как отмечает С. П. Красников, концепция человека до сих пор до конца не познана, а теория системного подхода к изучению человека — не завершена [3].

Заключение

На основании проведенного системного анализа в рамках сформулированных задач можно представить следующие общие выводы.

1. В зарубежной психологии изначально складывались определенные предпосылки для познания категории образа посредством отражения в мозге предмета, рассматриваемого как знак, на базе которого зарождается и начинает работать рефлекс, а после чего и поведение человека. Образ как сенсорная основа сознания человека считался основополагающим выводом ученых, которые оценивали психику как сенсорную мозаику, включающую ощущения и представления. Целостность и системность психического образа, определяемые в психологической школе гештальтпсихологии, стали основой феномена субъективного поля. Открытие области

бессознательного способствовало формулировке вопроса о степени погруженности образов в сознание и степени их осознанности, а также роли бессознательного и надсознательного. Выраженная экзистенция субъект-объектных и субъект-субъектных отношений способствовала развитию нового взгляда на аксиологическую проблему, на категорию образа человека как целостной личности, способной к активности и целеполаганию.

2. В отечественной психологии с середины XX столетия пристальное внимание уделялось проблеме образа человека сквозь теорию отражения в деятельности, коммуникативном и системном подходах. Однако вследствие недостаточной теоретической проработки категории социально-перцептивных образов, а также в связи с отсутствием методической оснащенности, которая позволила бы отразить знаковый, символический и духовный компоненты сознания человека на практике уже на рубеже конца XX – начала XXI в. как в российской, так и в белорусской психологии произошло снижение интереса к изучению этой проблемы.

3. Проведенное исследование позволило выдвинуть предложение о целесообразности рассмотрения социально-перцептивных образов как образно-смысловых медиаторов, формирующихся под действием социально-перцептивных механизмов, имеющих рефлексивную и арефлексивную природу, образующих связи знаково-символической деятельности с духовным слоем сознания и способствующих возникновению регулирующей, мотивирующей, прогностической, корректирующей и ресурсной функций.

Системный анализ отечественной и зарубежной литературы выявил ряд методических проблем, связанных с исследованием социально-перцептивных образов. Задачей будущего становится определение качественного своеобразия социально-перцептивных образов, установление основных их психологических механизмов и закономерностей в развивающихся социальных системах.

Литература

1. Бушуева Т. И., Коркунова О. В. Проблема сознания в свете концепции К. Юнга // *Философская мысль*. 2017. № 3. С. 92–104. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.3.22317. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22317 (дата обращения: 16.06.2022).
2. Есипов М. А. Теория социальных представлений С. Московичи [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических и лингводидактических исследований: сборник материалов Международной научно-практической конференции «XIV Левитовские чтения» (г. Москва, 17–18 апреля 2019 г.): в 2 т. / ред. кол.: О. И. Кабалина (отв. ред.) и др. М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 323–327. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41137361> (дата обращения: 16.06.2022).
3. Красников С. П. Концепции человека в современной философии // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Познание. 2019. № 5. С. 108–109. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38523431> (дата обращения: 16.06.2022).
4. Позднеева С. П. В. И. Вернадский: биосфера, ноосфера и человек [Электронный ресурс] // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 402–408. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-402-408. URL: <https://phpp.sgu.ru/sites/phpp.sgu.ru/files/2017/01/9.pdf> (дата обращения: 16.03.2022).
5. Потапова К. И. У истоков символического интеракционизма: социальная психология Дж. Г. Мида // *Современные исследования социальных проблем*. 2016. № 4-1 (28). С. 77–88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/u-istokov-simvolicheskogo-interaktsionizma-sotsialnaya-psihologiya-dzh-g-mida> (дата обращения: 21.06.2022).
6. Реан А. А., Коновалов И. А. Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков // *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9. № 2. С. 60–80. DOI: 10.17759/sps.2018090205. URL https://psyjournals.ru/files/93752/sps_2018_n2_Rean_Kononov.pdf (дата обращения: 16.06.2022).
7. Романова Е. С., Рыжов Б. Н., Котова О. В. Половозрастные особенности самооценки социоцентрических видов мотивации // *Системная психология и социология*. 2021. № 3 (39). С. 5–20. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.1
8. Романова Е. С., Рыжов Б. Н., Котова О. В. Половозрастные особенности самооценки антропоцентрических видов мотивации // *Системная психология и социология*. 2021. № 4 (40). С. 5–22. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.1
9. Ситников В. Л., Стреленко А. А., Енгальчев В. Ф. Применение методики СОЧ(И) при проведении судебно-психологических экспертиз в рамках семейного кодекса // *Психология и педагогика служебной деятельности*. 2021. № 2. С. 77–87.
10. Стреленко А. А. Проблема образа человека в российской и белорусской психологии // *Проблемы современного образования*. 2021. № 6. С. 60–72. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-6-60-72
11. Тетюев Л. И., Фахрудинова Э. Р. Человек и образ его внутреннего мира в западной и восточной философской рефлексии // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2017. Т. 17. № 4. С. 410–415. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-410-415
12. Хватов И. А. Методические и теоретические проблемы исследования эволюции самосознания человека и животных // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. Т. 17. № 3. С. 428–443. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-3-428-443
13. Abbott O. The self as the locus of morality: A comparison between Charles Taylor and George Herbert Mead's theories of the moral constitution of the self // *Journal the Theory of Social Behaviour*. 2020. Vol. 50. № 4. P. 516–533. DOI: 10.1111/jtsb.12258
14. Abele A. E., Yzerbyt V. Body posture and interpersonal perception in a dyadic interaction: A Big Two analysis // *European Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 51. № 1. P. 23–39. DOI: 10.1002/ejsp.2711
15. Arioli M., Ricciardi E., Cattaneo Z. Social cognition in the blind brain: A coordinate-based meta-analysis // *Human Brain Mapping*. 2021. Vol. 42. № 5. P. 1243–1256. DOI: 10.1002/hbm.25289
16. Brancazio N. Being perceived and being “seen”: interpersonal affordances, agency, and selfhood // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. P. 1–12. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01750
17. Clegg K.-A. Interpersonal perception and interpersonal spin / K.-A. Clegg et al. // *Journal of Personality*. 2021. Vol. 89. № 3. P. 483–499. DOI: 10.1111/jopy.12594

18. Crucianelli L., Filippetti M. L. Developmental perspectives on interpersonal affective touch // *Topoi: An International Review of Philosophy*. 2020. Vol. 39. № 3. P. 575–586. DOI: 10.1007/s11245-018-9565-1
19. Dixon J., McKeown S. Negative contact, collective action, and social change: Critical reflections, technological advances, and new directions // *Journal of Social Issues*. 2021. Vol. 77. № 1. P. 242–257. DOI: 10.1111/josi.12429
20. LeLonkiewicz J. R. Action-Effect Anticipation and Temporal Adaptation in Social Interactions / J. R. LeLonkiewicz et al. // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2020. Vol. 46. № 4. P. 335–349. DOI: 10.1037/xhp0000717
21. Loschky L. C. The scene perception & event comprehension theory (SPECT) applied to visual narratives / L. C. Loschky et al. // *Topics in Cognitive Science*. 2019. Vol. 12. № 1. P. 311–351. DOI: 10.1111/tops.12455
22. Manzoni D. Phenomenology of the body and the relationships with others. Intersubjectivity through Intercorporeality // *Phainomena. Journal of Phenomenology and Hermeneutics*. 2020. Vol. 29. № 114. P. 55–80. DOI: 10.32022/PHI29.2020.114-115.3
23. Nejat P., Bagherian F., Hatami J. Do perceptions of warmth and competence explain moral norms regarding different social roles? // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2020. Vol. 20. № 1. P. 613–637. DOI: 10.1111/asap.12217
24. Ozhiganova G. V. Self-regulation and self-regulatory capacities components, levels, models // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2018. Vol. 15. № 3. P. 255–270. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-3-255-270
25. Pesch U. Making sense of the self: an integrative framework for moral agency // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2020. Vol. 50. № 1. P. 119–130. DOI: 10.1111/jtsb.12230
26. Shevlin H. Non-human consciousness and the specificity problem: A modest theoretical proposal // *Mind & Language*. 2021. Vol. 36. № 2. P. 297–314. DOI: 10.1111/mila.12338
27. Sutherland C. A. M., Rhodes G., Young A. W. Facial image manipulation: a tool for investigating social perception // *Social Psychological and Personality Science*. 2017. Vol. 8. № 5. P. 538–551. DOI: 10.1177/1948550617697176
28. Tomasello M. The role of roles in uniquely human cognition and sociality // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2020. Vol. 50. № 1. P. 2–19. DOI: 10.1111/jtsb.12223
29. Zava F. Young children's perceptions and beliefs about hypothetical shy, unsociable, and socially avoidant peers at school / F. Zava et al. // *Social Development*. 2020. Vol. 29. № 1. P. 89–109. DOI: 10.1111/sode.12386
30. Zbróg Z. Social representations theory in the interdisciplinary study of educational discourse — The potential of collective biography writing // *Kultura – Społeczeństwo – Edukacja [Culture – Society – Education]*. 2017. Vol. 12. № 2. P. 225–243. DOI: 10.14746/kse.2017.12.11

References

1. Bushueva T. I., Korkunova O. V. Problema soznaniya v svete koncepcii K. Yunga [The problem of consciousness in the light of K. Jung's concept] // *Filosofskaya my'sl' [Philosophical thought]*. 2017. № 3. P. 92–104. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.3.22317. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22317 (date accessed: 16.06.2022).
2. Esipov M. A. Teoriya social'ny'x predstavlenij S. Moskovichi [Theory of social representations S. Moscovici] // *Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «XIV Levitovskie chteniya» (g. Moskva, 17–18 aprelya 2019 goda), v dvux tomah [Collection of materials of the International Scientific and practical Conference “XIV Levitical readings” (Moscow, April 17–18, 2019), in two volumes.]*. M.: IIU MGOU, 2019. P. 323–327. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41137361> (date accessed: 16.06.2022).
3. Krasnikov S. P. Koncepcii cheloveka v sovremennoj filosofii [Concepts of man in modern philosophy] // *Sovremennaya nauka: aktual'ny'e problemy` teorii i praktiki. Seriya: Poznanie [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Cognition.]*. 2019. № 5. P. 108–109. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38523431> (date accessed: 16.06.2022).
4. Pozdneeva S. P. V. I. Vernadskij: biosfera, noosfera i chelovek [E'lektronny`j resurs] [Vernadsky: biosphere, noosphere and man [Electronic resource]] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika [Izvestiya Saratov University. A new series. Philosophy series.*

Psychology.]. 2016. Vol. 16. Vy`p. 4. P. 402–408. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-402-408. URL: <https://phpp.sgu.ru/sites/phpp.sgu.ru/files/2017/01/9.pdf> (date accessed: 16.03.2022).

5. Potapova K. I. U istokov simvolicheskogo interakcionizma: social'naya psixologiya Dzh. G. Mida [At the origins of symbolic interactionism: social psychology of J. G. Mida] // *Sovremennyye issledovaniya social'ny`x problem* [Modern studies of social problems]. 2016. № 4-1 (28). P. 77–88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/u-istokov-simvolicheskogo-interaktsionizma-sotsialnaya-psihologiya-dzh-g-mida> (date accessed: 21.06.2022).

6. Rean A. A., Konovalov I. A. Social'no-perceptivny`j obraz razlichny`x social'ny`x grupp v soznanii podrostkov [Social and perceptual image of various social groups in the minds of adolescents] // *Social'naya psixologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. 2018. Vol. 9. № 2. P. 60–80. DOI: 10.17759/sps.2018090205. URL https://psyjournals.ru/files/93752/sps_2018_n2_Rean_Konovalov.pdf (date accessed: 16.03.2022).

7. Romanova E. S., Ry`zhov B. N., Kotova O. V. Polovozrastny`e osobennosti samoocenki sociocentricheskix vidov motivacii [Gender and age features of self-assessment of sociocentric types of motivation] // *Sistemnaya psixologiya i sociologiya* [Systems Psychology and Sociology]. 2021. № 3 (39). P. 5–20. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.1

8. Romanova E. S., Ry`zhov B. N., Kotova O. V. Polovozrastny`e osobennosti samoocenki antropocentricheskix vidov motivacii [Gender and age features of self-assessment of anthropocentric types of motivation] // *Sistemnaya psixologiya i sociologiya* [Systems Psychology and Sociology]. 2021. № 4 (40). P. 5–22. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.40.4.1

9. Sitnikov V. L., Strelenko A. A., Engaly`chev V. F. Primenenie metodiki SOCh(I) pri provedenii sudebno-psixologicheskix e`kspertiz v ramkax semejnogo kodeksa [Application of the SOC (I) methodology during forensic psychological examinations within the framework of the family code] // *Psixologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel`nosti* [Psychology and Pedagogy of Service Activity]. 2021. № 2. P. 77–87.

10. Strelenko A. A. Problema obraza cheloveka v rossijskoj i belorusskoj psixologii [The problem of the image of a person in Russian and Belarusian psychology] // *Problemy` sovremennogo obrazovaniya* [Problems of modern education]. 2021. № 6. P. 60–72. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-6-60-72

11. Tetyuev L. I., Faxrudinova E`. R. Chelovek i obraz ego vnutrennego mira v zapadnoj i vostochnoj filosofskoj refleksii [Man and the image of his inner world in Western and Eastern philosophical reflection] // *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika* [Izv. Sarat. university New ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2017. Vol. 17. № 4. P. 410–415. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-410-415

12. Xvatov I. A. Metodicheskie i teoreticheskie problemy` issledovaniya e`volucii samosoznaniya cheloveka i zhivotny`x [Methodological and theoretical problems of studying the evolution of human and animal self-consciousness] // *Psixologiya. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2020. Vol. 17. № 3. P. 428–443. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-3-428-443

13. Abbott O. The self as the locus of morality: A comparison between Charles Taylor and George Herbert Mead's theories of the moral constitution of the self // *Journal the Theory of Social Behaviour*. 2020. Vol. 50. № 4. P. 516–533. DOI: 10.1111/jtsb.12258

14. Abele A. E., Yzerbyt V. Body posture and interpersonal perception in a dyadic interaction: A Big Two analysis // *European Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 51. № 1. P. 23–39. DOI: 10.1002/ejsp.2711

15. Arioli M., Ricciardi E., Cattaneo Z. Social cognition in the blind brain: A coordinate-based meta-analysis // *Human Brain Mapping*. 2021. Vol. 42. № 5. P. 1243–1256. DOI: 10.1002/hbm.25289

16. Brancazio N. Being perceived and being “seen”: interpersonal affordances, agency, and selfhood // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. P. 1–12. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01750

17. Clegg K.-A. Interpersonal perception and interpersonal spin / K.-A. Clegg et al. // *Journal of Personality*. 2021. Vol. 89. № 3. P. 483–499. DOI: 10.1111/jopy.12594

18. Crucianelli L., Filippetti M. L. Developmental perspectives on interpersonal affective touch // *Topoi: An International Review of Philosophy*. 2020. Vol. 39. № 3. P. 575–586. DOI: 10.1007/s11245-018-9565-1

19. Dixon J., McKeown S. Negative contact, collective action, and social change: Critical reflections, technological advances, and new directions // *Journal of Social Issues*. 2021. Vol. 77. № 1. P. 242–257. DOI: 10.1111/josi.12429

20. Lelonkiewicz J. R. Action-Effect Anticipation and Temporal Adaptation in Social Interactions / J. R. Lelonkiewicz et al. // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2020. Vol. 46. № 4. P. 335–349. DOI: 10.1037/xhp0000717

21. Loschky L. C. The scene perception & event comprehension theory (SPECT) applied to visual narratives / L. C. Loschky et al. // *Topics in Cognitive Science*. 2019. Vol. 12. № 1. P. 311–351. DOI: 10.1111/tops.12455
22. Manzoni D. Phenomenology of the body and the relationships with others. Intersubjectivity through Intercorporeality // *Phainomena. Journal of Phenomenology and Hermeneutics*. 2020. Vol. 29. № 114. P. 55–80. DOI: 10.32022/PHI29.2020.114-115.3
23. Nejat P., Bagherian F., Hatami J. Do perceptions of warmth and competence explain moral norms regarding different social roles? // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2020. Vol. 20. № 1. P. 613–637. DOI: 10.1111/asap.12217
24. Ozhiganova G. V. Self-regulation and self-regulatory capacities components, levels, models // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2018. Vol. 15. № 3. P. 255–270. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-3-255-270
25. Pesch U. Making sense of the self: an integrative framework for moral agency // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2020. Vol. 50. № 1. P. 119–130. DOI: 10.1111/jtsb.12230
26. Shevlin H. Non-human consciousness and the specificity problem: A modest theoretical proposal // *Mind & Language*. 2021. Vol. 36. № 2. P. 297–314. DOI: 10.1111/mila.12338
27. Sutherland C. A. M., Rhodes G., Young A. W. Facial image manipulation: a tool for investigating social perception // *Social Psychological and Personality Science*. 2017. Vol. 8. № 5. P. 538–551. DOI: 10.1177/1948550617697176
28. Tomasello M. The role of roles in uniquely human cognition and sociality // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2020. Vol. 50. № 1. P. 2–19. DOI: 10.1111/jtsb.12223
29. Zava F. Young children's perceptions and beliefs about hypothetical shy, unsociable, and socially avoidant peers at school / F. Zava et al. // *Social Development*. 2020. Vol. 29. № 1. P. 89–109. DOI: 10.1111/sode.12386
30. Zbróg Z. Social representations theory in the interdisciplinary study of educational discourse — The potential of collective biography writing // *Kultura – Społeczeństwo – Edukacja [Culture – Society – Education]*. 2017. Vol. 12. № 2. P. 225–243. DOI: 10.14746/kse.2017.12.11

ВНЕ ФОКУСА ВНИМАНИЯ ШКОЛЫ: ПОДГОТОВКА ВЫПУСКНИКА К РАБОТЕ

П. В. Шевченко,
МГПУ, Москва,
ShevchenkoPV@mgpu.ru

Статья посвящена проблеме подготовки выпускников средней общеобразовательной школы к работе. Акцентируется внимание на том, что школа основные усилия нацеливает на высокие образовательные результаты и конкурентоспособность выпускника как студента высшего учебного заведения, а не на формирование качеств, востребованных на рынке труда.

Исследуется система ожиданий работодателей относительно деятельности школы по подготовке выпускника, выходящего на рынок труда. Сопоставляются их представления о школе как о социальном институте, готовящем своих выпускников к взрослой жизни и о необходимых качествах соискателя рабочего места, в роли которого выступают выпускники школ. Цель исследования состоит в выявлении универсальных ожиданий работодателей, которым не в полной мере соответствуют компетенции и личностные качества, формируемые школой. Эмпирическую основу составляют данные экспертного интервью с 75 работодателями, принимающими на работу как специалистов с профессиональным, так и со школьным образованием. Количественные данные получены в результате контент-анализа текстов интервью, состоявших из открытых вопросов и вопросов в форме ситуаций. Выявлено несоответствие между социокультурным стереотипом — представлением о том, что школа дает знания, социализирует и учит думать, и ожиданием того, что соискатель рабочего места проявит заинтересованность, ответственность и коммуникабельность.

Рассматривается вопрос о возможности сближения запросов работодателей и позиции школы. Предлагается трехстороннее партнерство между школами, работодателями и городским университетом. Участие университета в процессе подготовки учителей к практической работе по выработке у выпускников школ востребованных на рынке компетенций будет содействовать более успешному их трудоустройству.

Ключевые слова: выпускник школы; трудоустройство; соискатель; работодатель; система ожиданий; рынок труда.

Для цитаты: Шевченко П. В. Вне фокуса внимания школы: подготовка выпускника к работе // Системная психология и социология. 2022. № 2 (42). С. 75–83. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.07

Шевченко Павел Владимирович, кандидат психологических наук, доцент Школы проектирования и образовательного предпринимательства, старший научный сотрудник лаборатории управления проектами Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: *ShevchenkoPV@mgpu.ru*

ORCID: 0000-0002-3025-9617

OUT OF THE FOCUS OF THE SCHOOL'S ATTENTION: PREPARING A GRADUATE FOR WORK

P. V. Shevchenko,
MCU, Moscow,
ShevchenkoPV@mgpu.ru

The article is devoted to the problem of preparing secondary school graduates for work. Attention is focused on the fact that school concentrates its main efforts on high educational results and competitiveness of the graduate as a student of a higher educational institution, and not on the formation of qualities demanded in the labor market.

The system of employers' expectations regarding the activities of school for the preparation of graduates entering the labor market is investigated. Their ideas about school as a social institution preparing its graduates for adulthood and of the necessary qualities of a job seeker, whose role is played by school graduates, are compared. The purpose of the work is to identify the universal expectations of employers, which do not fully correspond to the competencies and personal qualities formed by school. The empirical basis consists of data from expert interviews with 75 employers who engage both specialists with professional and school education. Quantitative data were obtained as a result of content analysis of interview texts consisting of open questions and questions in the form of situations. There is a discrepancy between the socio-cultural stereotype — the idea that school will give knowledge, socialize and teach you to think and the expectation that the job seeker will show interest, responsibility and sociability. The issue of the possibility of convergence of employers' requests and the position of school is being examined.

A three-way partnership between schools, employers and the City University is proposed. The participation of the University in the process of preparing teachers for practical work on the development in school graduates the competencies demanded in the market will contribute to their more successful employment.

Keywords: school graduate; employment; job seeker; employer; system of expectations; labor market.

For citation: Shevchenko P. V. Out of the focus of the school's attention: preparing a graduate for work // Systems Psychology and Sociology. 2022. № 2 (42). P. 75–83. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.07

Shevchenko Pavel Vladimirovich, PhD in Psychology, Associate professor of the School of Design and Educational Entrepreneurship in the Institute of Law and Management, Senior Scientific Researcher of the Laboratory of Projects Management Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: ShevchenkoPV@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-3025-9617

Введение

Основной задачей школы является подготовка выпускника к продолжению образования в вузе; под конкурентоспособностью выпускника школы традиционная педагогика понимает его конкурентоспособность как абитуриента, студента, а не как соискателя на рынке труда [6; 10]. Высокие баллы ЕГЭ и призовые места на предметных олимпиадах, полученные выпускником школы, и его поступление в престижный вуз позитивно влияют на официальный и альтернативный рейтинги

школы¹. Составляющие личностного потенциала выпускника, функциональная грамотность, умение работать с информацией и прочие неприоритетные для школы качества не оцениваются [7: с. 54; 8; 15].

¹ Рейтинг вклада школ Москвы в качественное образование московских школьников. Методика 2021/22 [Электронный ресурс] // Департамент образования и науки Москвы: сайт. URL: <https://www.mos.ru/donm/function/ratings-vklada-school/metodika-2022/> (дата обращения: 16.02.2022); Рейтинги школ 2021 года [Электронный ресурс] // РАЭК-Аналитика: сайт. URL: https://raex-rr.com/education/schools/best_schools_2021/ (дата обращения: 16.02.2022).

Далеко не все выпускники школ, в том числе высокорейтинговых, поступают в вузы. В среднем в вузы поступают около 80–85 % выпускников столичных школ. Одни не набирают проходной балл на желаемую специальность в год окончания школы, другие сознательно делают паузу в своем образовании и идут работать. По данным серии исследований лаборатории управления проектами МГПУ (далее — Лаборатория), посвященных содержанию образования, после поступления в вуз в течение первых двух лет трудоустраиваются около 30 % студентов, а к концу обучения в вузе работающих студентов уже больше половины, при этом студенты младших курсов чаще работают не по профилю вуза, фактически не отличаясь от выпускников школы по уровню притязаний на условия работы [11: с. 36]. Шансов трудоустроиться после вуза больше у работающего во время обучения студента [2: с. 41].

Методика

В исследовании, проведенном Лабораторией в 2020–2021 гг., методом экспертного опроса изучалось мнение работодателей о школе и ее выпускниках как потенциальных соискателях вакантной должности. Проверялась гипотеза о существовании универсальных ожиданий работодателей, которым должны соответствовать компетенции и личностные качества выпускников школ, выступающих в роли соискателей рабочего места. В качестве экспертов участвовали 75 работодателей, которые имели опыт найма на работу выпускников школ, не получивших профессионального образования. Контент-анализ текстов ответов на вопросы интервью выявил ряд противоречий в ожиданиях работодателей от школы.

Результаты

Место работы выпускника школы, в отличие от места работы выпускника колледжа, редко имеет долговременную профессиональную привязку. Выпускник колледжа имеет диплом, два-три года практики по профессии

на конкретном рабочем месте. У выпускников некоторых школ может быть свидетельство о профессиональной подготовке, но, как правило, не подкрепленное практикой, к тому же в 10-й класс идут желающие не работать, а учиться дальше. Таким образом, в их выборе места работы связь с будущей профессией не обязательна. В Москве достаточно много направлений работы (культура, транспорт, торговля), для которых необходимо и достаточно иметь полное среднее образование и свободно владеть русским языком. Некоторые работодатели вспоминали прецеденты, когда временная, случайно найденная работа превращалась в профессию с последующим продвижением по службе, получением соответствующего образования и т. д.

По степени доверия к школе как институту, дающему образование, респонденты распределились равномерно — примерно по 1/3 в каждой группе: «доверяю полностью», «не доверяю», «не знаю, и да и нет, когда как», — что свидетельствует о разной степени предвзятости по отношению к современной школе, однако эта предвзятость не приводила к поляризации ответов и вообще не влияла на их содержание.

Рассуждая об образовании, прежде всего о школьном, эксперты в качестве основных признаков образованного человека выделили 1) широкий кругозор, эрудицию; 2) умение мыслить, 3) навыки социальной коммуникации. В эти три категории попали 55 % всех ответов. Их распределение приведено в таблице 1.

Образованность по-разному понимается работодателями, имеющими высшее образование. Большая часть их ответов складывается в идеализированный имидж интеллигентного человека, много знающего, самостоятельно мыслящего и адекватно реагирующего на свое окружение. В этом коллективно составленном образе минимум формальных характеристик, взятых из требований жизни, и максимум — гуманистических, соотносимых с нашим культурным наследием, литературными и философскими источниками.

Отвечая на вопрос «Каковы ваши основные ожидания от современной школы?», эксперты расставили приоритеты менее разнообразно — три лидирующие категории

Таблица 1

Признаки образованного человека
(в % от общего количества признаков, перечисленных экспертами)

№	Признак образованного человека	Ответы	%
1	Эрудиция, осведомленность, кругозор	«Интересуется многими сторонами жизни; поговорить может не только на бытовые темы; имеет широкий набор “настоящих” знаний, начитан...»	22,1
2	Мышление, умение работать с большим потоком информации	«Умеет анализировать, делать выводы (критически, аналитически)»	20,8
3	Коммуникация, адекватность общения	«Адаптирован к “обществу”; культурно себя ведет в театре, на работе и т. д.; общается с людьми; способен высказаться и понять»	17,2
4	Саморазвитие, внутренняя потребность в развитии, способность развиваться	«Открыт для новых знаний и подходов; восприимчив; знает, что не знает, хочет узнать больше; понимает, что нужно знать больше»	9,8
5	Социализированность, самосознание	«Адекватное воспринимает реальность; видит свое место в этом мире; активная жизненная позиция; знает, что такое хорошо и что такое плохо...»	9,2
6	Прочее	Редкие варианты ответов (1–2 раза), содержащие специфическую конкретику: «грамотная речь»; «знает иностранный язык»; «владение ПК»; «IQ = 100»; «может считать в уме»; «отличает Гоголя от Гегеля»; «имеет документ с печатью» и др.	20,9 (в сумме)

охватили 78 % ответов. Прежде всего, школа должна 1) дать знания (разного уровня, различной направленности), 2) социализировать выпускника (дать навыки адаптации в современном обществе), 3) научить мыслить

(критически, аналитически, работать с информацией). Распределение ответов приведено в таблице 2.

В целом пять выделенных категорий отражают три основные социальные функции шко-

Таблица 2

Ожидания от современной школы (в % от общего количества ответов экспертов)

№	Ожидания работодателя от школьного образования	Ответы	%
1	Знания	«Базовые знания по основным предметам (которые пригодятся в жизни и на работе) + глубокие, востребованные в вузе»	35,9
2	Социализация	«Подготовить человека к жизни в обществе; сформировать сознательное самоопределение, серьезное отношение к знаниям, выбору своего пути, интерес и готовность к освоению профессии»	27,1
3	Мышление	«Выпускать думающих, понимающих людей, которые сами находят информацию и анализируют; уметь рассуждать, критично воспринимать действительность»	21,0
4	Личность	«Развитая индивидуальность; свое мнение; понимание себя, принятие себя; самостоятельность; самодостаточность»	7,1
5	Коммуникация	«Дать необходимые навыки общения; не бояться обратиться и спросить, общаться «как все», формулировать и доносить свои мысли, работать в команде»	4,1
6	Прочее	Варианты ответов, встретившиеся 1–3 раза: «патриотизм», «культура», «физическое здоровье»	4,8 (в сумме)

лы — обучить (дать знания), социализировать (в широком смысле), сформировать мышление, — которые целесообразно рассматривать как задачи разной степени достижимости.

Первую, наиболее очевидную задачу школа решала всегда и решает сейчас более или менее успешно в зависимости от условий, в которые она поставлена. Показательно то, что современная школа перестала давать универсальный набор знаний всем своим выпускникам, предоставляя возможность изучать те или иные предметы на базовом или углубленном уровне, и это отражено в ответах экспертов.

Задачу социализации можно условно разделить на три уровня. На глубинном уровне задача заключается в том, чтобы сформировать личность как субъекта общественных отношений. На среднем — научить понимать общество с его требованиями и возможностями и сделать осознанный выбор дальнейшей деятельности (продолжение обучения или работа). На поверхностном — сформировать коммуникативную компетентность. Большинство ожиданий экспертов в рамках задачи социализации сконцентрировано на среднем уровне, однако у школы нет приоритетных направлений работы в рамках социализации личности. Перевод образования в сферу образовательных услуг способствовал отмене задачи воспитания личности, поскольку в сфере услуг клиента не воспитывают. Школа

способствует тому, чтобы выпускник понимал свои интересы, здраво оценивал собственные возможности, умел отвечать за свой выбор и т. д., но эту задачу можно решить только в системном взаимодействии с родителями и другими социальными партнерами школы.

Третью задачу школа как социальный институт не решает. Специальный курс логики в школьную программу не входит, а учить критическому мышлению на уроках по отдельным предметам некогда из-за не подходящей для этого организации учебной среды [9: с. 12], большого объема знаний и необходимости натаскивания на решение типовых задач государственной итоговой аттестации. Отдельные учителя могут добиваться больших успехов, но в целом школа и книга проигрывают Интернету и гаджету, формирующим клиповое сознание.

Совершенно иначе были расставлены приоритеты экспертов-работодателей при формулировании основных требований к соискателям вакансии из числа выпускников школы. Больше всего работодатели ценят: 1) внутреннюю мотивацию (к работе на данном месте, желанию научиться всему), 2) ответственность (осознанное отношение, дисциплинированность, исполнительность), 3) коммуникабельность (умение задавать вопросы, общаться, работать в команде). К данным категориям лидерам относятся 62 % ответов (табл. 3).

Таблица 3

**Ожидания от соискателя — выпускника современной школы
(в % от общего количества признаков, перечисленных экспертами)**

№	Ожидания работодателя от соискателя — выпускника школы	Ответы	%
1	Мотивация	Интерес к самой работе (на данном месте), целеустремленность	22,8
2	Дисциплинированность	Аккуратность, исполнительность, осознанное отношение к правилам, ответственность	20,3
3	Коммуникабельность	Умение задавать вопросы и слушать, общаться со всеми, работать в команде и т. д.	18,7
4	Знания (по работе)	Знания и навыки, необходимые для профессиональной деятельности	10,0
5	Интеллект (социальный)	Сообразительность, скорость понимания, умение ориентироваться в ситуации	8,1
6	Работоспособность	Выносливость (8 ч), стрессоустойчивость, самостоятельное выполнение порученного (без обращения за помощью)	7
7	Прочее	Грамотность во всем, наличие достижений, отсутствие ограничений по здоровью, аттестат хорошей школы и т. д.	13 (в сумме)

Установлено соответствие ожиданий работодателей возможностям школы в части профессиональных знаний (например, основ программирования), грамотности (устной и письменной), знания иностранного языка, физической подготовки. Данные качества в сумме присутствуют в 10 % ответов. В большинстве случаев специальные знания не требуются, поскольку чаще всего выпускника школы принимают на такую должность, где всему можно обучить за короткий период, лишь бы уровень выпускника соответствовал критерию «С аттестатом, а не со справкой». Гораздо важнее для работодателя адаптивные качества соискателя, которые экономят усилия самого работодателя по обучению и адаптации новичка.

Несоответствие между представлениями об образованном человеке, которые существуют у работодателя, и уровнем образования реального выпускника школы можно объяснить и тем, что в первом вопросе эксперты постоянно выходили за рамки школы, подражая собственное самообразование в течение долгой жизни. Несоответствие между ожиданиями от того, что школа даст, и тем, с чем придет устраиваться на работу вчерашний ее выпускник, свидетельствует о том, что согласно представлениям работодателей современная школа не готовит выпускников к тому, что им придется работать. В задачи школы как социального института не входит выработать у выпускника то, что ценят работодатели в соискателях-новичках без опыта работы — дисциплинированность, коммуникабельность, сообразительность [12; 14].

Мотивация — процесс внутренний, в котором влияние каждого из внешних факторов (семья, школа, СМИ) опосредовано многими переменными. В тех случаях, когда в какой-нибудь продвинутой школе выпускников в рамках коммуникационного тренинга учат демонстрировать желание работать, результат очень часто не выдерживает критики работодателей («Их учат продавать себя»; «Они говорят заученными универсальными фразами, а мне нужен тот, у кого глаза горят»).

Работодатели видят недоработки школы в том, что учителя в первую очередь оценивают шаблонные действия, а не понимание

материала и самостоятельность учеников. Во-вторых, школа учит серьезно, но академично, не показывая связь предмета с рынком труда, не формируя интереса к сфере труда («В школе рассказывают о той химии, которая была тридцать лет назад, но все уже совсем другое»). Академический консерватизм, как показывают другие исследования, присущ не только школьной, но и вузовской системе образования, работники которой не информированы о действительной ситуации на рынке труда [3; 5].

Работодатели, в принципе, заинтересованы в том, чтобы изменить данную ситуацию, но их предложения, как правило, касаются выстраивания партнерских отношений между отдельной организацией и несколькими школами. Они предлагают свою базу для занятий на практике, предоставляют возможность детям попробовать самим сделать что-то и не забывают рассказать им про оплату труда.

Но такое двустороннее партнерство не может системно повлиять на подготовку выпускника школы. С одной стороны, работодатели некомпетентны в содержании образования, педагогических технологиях, недооценивают влияние родителей. С другой стороны, школа ориентирована на рейтинговые показатели конкурентоспособности. По ним оценивается качество образования, развитие талантов, социокультурное развитие и даже удовлетворенность родителей, но трудоустройство выпускников считается чем-то побочным и на рейтинг школы не влияет.

Возможным научным посредником между работодателями и школой в таком партнерстве может стать педагогический вуз, относящийся к той же городской системе образования, что и школы, имеющий возможность вносить изменения в программы подготовки учителей, например, готовить учителей к карьерному консультированию школьников, как это принято в других странах [16]. Проблема выпускников школ состоит в том, что даже через 4–5 лет после получения высшего образования выпускники вузов столкнутся с тем, что работодатели захотят увидеть новых сотрудников не только обученными специалистами, но и целеустремленными, аккуратными, сообразительными и т. д. [1; 4], а вуз, точно так же,

как и школа, отвечает преимущественно за содержание образования, но не за планирование карьеры и формирование человеческого капитала [13].

Компетенции, повышающие успешность на рынке труда, сформулированные в результате исследования мнения работодателей, не относятся к предметным. Их можно вырабатывать в рамках изучения любого предмета, любой дисциплины. Исследование Лаборатории позволило определить перечень компетенций, сформулированных работодателями, повышающих шансы выпускника среднего учебного заведения на рынке труда (полный перечень составляют 9 компетенций). Опыт Москвы, ежегодно выпускающей порядка 70 тыс. учащихся 11 класса, из которых около 10 тыс. идут работать, не имея специальности, мог бы быть востребованным и в регионах.

Заключение

Основной целью исследования было изучение особенностей стереотипного восприятия

школы как социального института, ответственного за социализацию подрастающего поколения. Полученные в ходе анализа результаты позволяют говорить о доминировании стереотипа школы как места, где дают знания, над стереотипом школы как места, которое готовит к самостоятельной жизни, в частности к трудовой деятельности. Достаточно широкий запас знаний и умение самостоятельно мыслить необходимы выпускнику школы, но его успешное трудоустройство на первом рабочем месте будет связано в первую очередь с мотивацией, самодисциплиной и коммуникабельностью.

Применение контент-анализа в качестве основного метода изучения сложившихся у работодателей стереотипов позволило избежать искажений, связанных с социальной желательностью. На основании выявленных особенностей восприятия предложен механизм партнерства между школой, работодателями и университетом. При этом вопрос о технологии сближения ожиданий работодателей с задачами современной школы остается открытым и является целью дальнейших исследований.

Литература

1. Бочарова Е. Е. Уровневые характеристики взаимосвязи личностной конкурентоспособности и субъективного благополучия старшеклассников // Вестник РУДН. Серия: Педагогика и психология. 2016. № 1. С. 62–70.
2. Варшавская Е. Я. Успешность перехода «учеба – работа»: для кого дорога легче? // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 39–46.
3. Голиусова Ю. В., Ключарев Г. А. О стратегиях занятости современной молодежи // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 72–90.
4. Гуртов В. А., Хотеева Е. А. Планирование карьерной траектории школьников: ориентация на «хочу», «могу» и «надо» // Интеграция образования. 2018. Т. 22. № 1. С. 134–150. DOI: 10.15507/1991-9468.090.022.201801.134-150
5. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 37–48.
6. Макарова О. А. Модель и диагностика конкурентоспособных качеств выпускника средней школы с профильным обучением // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 40. С. 427–431.
7. Матюшкина М. Д., Белоусов К. Ю. Социально-педагогический портрет выпускника петербургской школы. Функциональная грамотность и готовность к дальнейшему образованию и профессиональной деятельности // Alma mater (Вестник высшей школы). 2015. № 11. С. 53–57.
8. Михалкина Е. В., Косолапова Н. А., Михалкина Д. А. Человеческий капитал и конкурентоспособность выпускников российской средней школы: потенциал формирования и проблемы измерения // Вопросы регулирования экономики = Journal of Economic Regulation. 2014. Т. 5. № 1. С. 13–25.
9. Может ли школа научить мыслить. Практики развития креативного и критического мышления. Научный дайджест № 3. НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/data/2021/10/28/1454935288/Human_Capital_NCMU_Digest_3_Creative_Thinking_2021.pdf (дата обращения: 16.02.2022).

10. Окладникова Е. А. Преемственность школа – вуз – профессия: система личностных и профессиональных показателей конкурентоспособности выпускников вузов глазами работодателей // Научная мысль. 2012. № 4 (8). С. 8–15.
11. Российская молодежь: образование и наука / Н. В. Бондаренко и др. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 72 с.
12. Сергеева М. Г. Конкурентоспособность выпускника средней профессиональной школы как показатель качества его подготовки // Человеческий фактор: общество и власть. 2004. № 4 (5). С. 68–69.
13. Слукина Т. Л. Школьная отметка — главный критерий конкурентоспособности выпускника школы // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2015. № 8. С. 20–22.
14. Шигаева Т. И. Учебно-исследовательская и проектная деятельность как условие формирования конкурентоспособности выпускников школы // Поиск. Научно-методический журнал. 2019. № 3 (67). С. 37–40.
15. Шафранов-Куцев Г. Ф., Гуляева Л. В. Современная средняя школа: из чего складывается конкурентоспособность выпускника школы? // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 1 (21). С. 8–23. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-1-8-23
16. Kuijpers M., Meijers F. Professionalising teachers in career dialogue: an effect study // British Journal of Guidance & Counselling. 2015. № 45 (1). P. 83–96. DOI:10.1080/03069885.2015.1121203

References

1. Bocharova E. E. Urovnevny'e karakteristiki vzaimosvyazi lichnostnoj konkurentosposobnosti i sub`ektivnogo blagopoluchiya starsheklassnikov [Level characteristics of the relationship between personal competitiveness and subjective well-being of high school students] // Vestnik RUDN. Seriya: Pedagogika i psixologiya [Vestnik RUDN. Series Pedagogy and Psychology]. 2016. № 1. P. 62–70.
2. Varshavskaya E. Ya. Uspeshnost` perexoda «ucheba – rabota»: dlya kogo doroga legche? [The success of the transition “study – work”: for whom is the road easier?] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Research]. 2016. № 2. P. 39–46.
3. Goliusova Yu. V., Klyucharev G. A. O strategiyax zanyatosti sovremennoj molodezhi [On employment strategies of modern youth] // Rossiya reformiruyushhayasya [Russia Reforming]. 2017. № 15. P. 72–90.
4. Gurtov V. A., Xoteeva E. A. Planirovanie kar`ernoj traektorii shkol`nikov: orientaciya na «xochu», «mogu» i «nado» [Planning the career trajectory of schoolchildren: orientation to “I want”, “I can” and “I must”] // Integraciya obrazovaniya [Integration of Education]. 2018. Vol. 22. № 1. P. 134–150. DOI: 10.15507/1991-9468.090.022.201801.134-150
5. Konstantinovskij D. L., Popova E. S. Molodezh`, ry`nok truda i e`kspansiya vy`sshego obrazovaniya [Youth, labor market and expansion of higher education] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 2015. № 11. P. 37–48.
6. Makarova O. A. Model` i diagnostika konkurentosposobny`x kachestv vy`pusknika srednej shkoly` s profil`ny`m obucheniem [Model and diagnostics of competitive qualities of a high school graduate with specialized training] // Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. 2007. № 40. P. 427–431.
7. Matyushkina M. D., Belousov K. Yu. Social`no-pedagogicheskij portret vy`pusknika peterburgskoj shkoly`. Funkcional`naya gramotnost` i gotovnost` k dal`nejshemu obrazovaniyu i professional`noj deyatel`nosti [Socio-pedagogical portrait of a graduate of the St. Petersburg school. Functional literacy and readiness for further education and professional activity] // Alma mater (Vestnik vy`sshej shkoly`) [Alma mater (Bulletin of the Higher School)]. 2015. № 11. P. 53–57.
8. Mixalkina E. V., Kosolapova N. A., Mixalkina D. A. Chelovecheskij kapital i konkurentosposobnost` vy`pusknikov rossijskoj srednej shkoly`: potencial formirovaniya i problemy` izmereniya [Human capital and competitiveness of graduates of the Russian secondary school: the potential of formation and measurement problems] // Voprosy` regulirovaniya e`konomiki (Journal of Economic Regulation) [Journal of Economic Regulation]. 2014. Vol. 5. № 1. P. 13–25.

9. Mozhet li shkola nauchit' my'slit'. Praktiki razvitiya kreativnogo i kriticheskogo my'shleniya. Nauchny'j dajdzhest № 3 [Can a school teach thinking. Practices for the development of creative and critical thinking. Scientific Digest № 3]. NIU VShE'. URL: https://www.hse.ru/data/2021/10/28/1454935288/Human_Capital_NCMU_Digest_3_Creative_Thinking_2021.pdf (date accessed: 16.02.2022).
10. Okladnikova E. A. Preemstvennost' shkola-vuz-professiya: sistema lichnostny'x i professional'ny'x pokazatelej konkurentosposobnosti vy'pusknikov vuzov glazami rabotodatelej [Continuity of school-university-profession: the system of personal and professional indicators of competitiveness of university graduates through the eyes of employers] // Nauchnaya my'sl' [Scientific Thought]. 2012. № 4 (8). P. 8–15.
11. Rossijskaya molodezh': obrazovanie i nauka [Russian youth: education and science] / N. V. Bondarenko i dr. M.: NIU VShE', 2017. 72 p.
12. Sergeeva M. G. Konkurentosposobnost' vy'pusknika srednej professional'noj shkoly' kak pokazatel' kachestva ego podgotovki [Competitiveness of a graduate of a secondary vocational school as an indicator of the quality of his training] // Chelovecheskij faktor: obshhestvo i vlast' [Human Factor: Society and Power]. 2004. № 4 (5). P. 68–69.
13. Slukina T. L. Shkol'naya otmetka — glavny'j kriterij konkurentosposobnosti vy'pusknika shkoly' [School grade — the main criterion of competitiveness of a school graduate] // Upravlenie kachestvom obrazovaniya: teoriya i praktika e'ffektivnogo administrirovaniya [Quality Management of Education: Theory and Practice of Effective Administration]. 2015. № 8. P. 20–22.
14. Shigaeva T. I. Uchebno-issledovatel'skaya i proektnaya deyatel'nost' kak uslovie formirovaniya konkurentosposobnosti vy'pusknikov shkoly' [Educational research and project activity as a condition for the formation of competitiveness of school graduates] // Poisk. Nauchno-metodicheskij zhurnal [Search. Scientific and methodological journal]. 2019. № 3 (67). P. 37–40.
15. Shafranov-Kucev G. F., Gulyaeva L. V. Sovremennaya srednyaya shkola: iz chego sklady'vaetsya konkurentosposobnost' vy'pusknika shkoly'? [Modern secondary school: what makes up the competitiveness of a school graduate?] // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-e'konomicheskie i pravovy'e issledovaniya [Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research]. 2020. Vol. 6. № 1 (21). P. 8–23. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-1-8-23
16. Kuijpers M., Meijers F. Professionalising teachers in career dialogue: an effect study // British Journal of Guidance & Counselling. 2015. № 45 (1). P. 83–96. DOI:10.1080/03069885.2015.1121203

УДК 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.08

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ РАЗЛИЧНЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ СТИЛЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ¹

Б. Н. Рыжов,
МГПУ, Москва,
RyzhovBN@mgpu.ru,

О. В. Котова,
МГПУ, Москва,
KotovaOV@mgpu.ru,

Д. А. Донцов,
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва,
dontsov-junior@bk.ru

В статье представлены результаты исследования эмоционального восприятия современной молодежью архитектурных объектов, выполненных в различных архитектурных стилях. Исследование было проведено в 2022 г. Респондентам на большом мультимедийном экране предъявляли изображения 60 фотоизображений архитектурных объектов Москвы, выполненных в различных архитектурных стилях в период XIX – начала XXI вв.

В исследовании приняли участие студенты Московского городского педагогического университета, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Новосибирского педагогического государственного университета. Всего 211 человек в возрасте 17–24 года.

Результаты исследования показали, что, оценивая впечатление, производимое крупными монументальными постройками, общественными зданиями и многоквартирными домами, а также наземными вестибюлями и подземными станциями метро, абсолютное большинство респондентов предпочитает сооружения, построенные в классической стилистике. При этом наибольшим предпочтением пользуются строения в стиле триумф (сталинский ампир), за ним следуют исторические здания, построенные в первой половине XIX в. в стиле классицизм и ампир, и здания в стиле магно второй половины 1930-х гг. Стиль модерн оценивается как предпочтительный для небольших домов и особняков.

Ни в одной из представленных групп архитектурных объектов современный стиль не рассматривается как предпочтительный, и только в группе небольших частных строений он занимает второе по предпочтениям место. Главным образом потому, что постройка в таком стиле кажется многим респондентам наиболее доступной для личного приобретения в будущем.

Исследование также показало практически полную непопулярность у современной молодежи конструктивистских концепций 1920-х – начала 1930-х гг., несмотря на то что в искусствоведческой литературе целый ряд возведенных в этом стиле строений традиционно признается шедеврами советской архитектуры.

Ключевые слова: психология окружающей среды; эмоциональное восприятие архитектурных стилей; стиль магно; конструктивизм; постконструктивизм; классицизм и ампир; архитектура модерна; стиль триумф; современный стиль в архитектуре.

Для цитаты: Рыжов Б. Н., Котова О. В., Донцов Д. А. Эмоциональное восприятие различных архитектурных стилей студенческой молодежью // Системная психология и социология. 2022. № 2 (42). С. 84–94. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.08

¹ Статья подготовлена в рамках программы «Приоритет 2030».

Рыжов Борис Николаевич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

ORCID: 0000-0001-8848-3622

Котова Ольга Викторовна, эксперт лаборатории социально-психологических исследований в образовании Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: KotovaOV@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-4399-4274

Донцов Дмитрий Александрович, кандидат психологических наук, доцент кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва.

E-mail: dontsov-junior@bk.ru

ORCID: 0000-0003-4161-5039

UDC 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.08

EMOTIONAL PERCEPTION OF VARIOUS ARCHITECTURAL STYLES BY THE STUDENT'S YOUTH²

B. N. Ryzhov,
MCU, Moscow,
RyzhovBN@mgpu.ru,

O. V. Kotova,
MCU, Moscow,
KotovaOV@mgpu.ru,

D. A. Dontsov,
Lomonosov MSU, Moscow,
dontsov-junior@bk.ru

The article presents the results of the study of the emotional perception of architectural objects made in various architectural styles by student's youth. The study was conducted in 2022. Respondents were presented with 60 photographic images of architectural objects in Moscow made in various architectural styles during the XIX – early XXI centuries on a large multimedia screen.

Students of Moscow City University, Lomonosov Moscow State University and Novosibirsk State Pedagogical University, a total of 211 people aged 17–24 years took part in the study.

The results of the study showed that, assessing the impression made by large monumental buildings, public buildings and apartment buildings, as well as ground lobbies and underground metro stations, the absolute majority of respondents prefer structures built in a classical style. At the same time, the buildings in the style of triumph (Stalin's Empire) are the most preferred, then historical buildings of the first half of the XIX century in the style of classicism and empire, and buildings in the magno style of the second half of the 1930s. The Art Nouveau style is rated as preferred for small houses and mansions.

In none of the groups of architectural objects, the modern style is considered preferable, and only in a group of small private buildings it occupies the second place in preference mainly because construction in this style seems to many respondents to be the most affordable for personal purchase in the future.

The study also showed almost complete unpopularity of the 1920s – early 1930s constructivist concepts among student's youth, despite the fact that in the art history literature a number of buildings erected in this style are traditionally recognized as masterpieces of Soviet architecture.

Keywords: environmental psychology; emotional perception of architectural styles; magno style; constructivism; post-constructivism; classicism and empire style; modern architecture; triumph style; modern style in architecture.

² The article was prepared within the framework of the "Priority 2030" program.

For citation: Ryzhov B. N., Kotova O. V., Dontsov D. A. Emotional perception of various architectural styles by the student's youth // Systems psychology and Sociology. 2022. № 2 (42). P. 84–94. DOI: 10.25688/2223-6872. 2022.42.2.08

Ryzhov Boris Nikolayevich, Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru
ORCID: 0000-0001-8848-3622

Kotova Olga Viktorovna, Expert in the Laboratory of Social-and-Psychological Researches in Education at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: KotovaOV@mgpu.ru
ORCID: 0000-0002-4399-4274

Dontsov Dmitry Alexandrovich, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Methodology of Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: dontsov-junior@bk.ru
ORCID: 0000-0003-4161-5039

Введение

Ни один из видов искусств не оказывает столь длительного, а значит, и столь сильного воздействия на мировоззрение человека, как архитектура окружающей городской среды. Под воздействием этой среды, в которой закодированы основные нравственные принципы породившей ее эпохи, человек, не замечая того, проводит всю свою жизнь. Будет ли окружающее пространство исторически сформированной городской средой, выполняющей важнейшую функцию связи создающих страну поколений, или же безликим пространством спального района, неизбежно скажется при формировании ценностных установок человека.

Проблема психологического и эстетического воздействия окружающей среды породила большой пласт психологических исследований [14; 15]. В работах В. И. Панова, В. В. Федорова, Ю. Г. Панюковой архитектурная среда рассматривается в контексте взаимодействия человека с окружающей средой [8–10]. В работе А. Ю. Вырвы и Д. А. Леонтьева раскрыты возможности исследования восприятия архитектуры посредством применения метода семантического дифференциала [3]. Ряд исследований затрагивает проблему влияния городской среды на особенности формирования личности [2: с. 62; 6; 11]. Однако результаты этих исследований редко используются при планировании городского строительства вследствие дисциплинарной разобщенности взглядов

на восприятие окружающей среды представителями психологической науки, с одной стороны, и представителями архитектурного сообщества — с другой. Базой для междисциплинарного диалога может явиться установление объективных закономерностей восприятия архитектурной городской среды различными группами населения. Учитывая это, целью настоящей работы стало исследование эмоционального восприятия современной молодежью архитектурных объектов, выполненных в различных архитектурных стилях.

Психолого-эстетические противоречия нашего времени

Эстетические и мировоззренческие установки, лежащие в основе различных архитектурных стилей, всегда отражали дух эпохи. Архитектура классицизма, чьей главной чертой было стремление к идеальной уравновешенности, симметрии и ясности форм, отражала не только эстетические, но и социоцентрические нравственные ценности эпохи расцвета Античности. Архитектура московского модерна, напротив, по своей сущности была антропоцентричной. Она была зеркалом Серебряного века русской культуры и запечатлела присущий ей причудливый мир грез и раскрепощенную эстетику декаданса.

Но при всех различиях главным для прежних стилей оставалось изначальное стремление к красоте во внешнем оформлении

архитектурного сооружения и его гармоничной связи с окружающей средой.

Вместе с тем в наши дни можно видеть парадоксальную ситуацию, при которой вновь создаваемая городская архитектурная среда агрессивно отрицает прежние эстетические принципы, что не только не способствует формированию гармоничной личности, но и, напротив, ведет к ее десоциализации. Меняется и отношение архитектора к своей профессии. В его творчестве все чаще проявляются элементы шоу, цель которого — поразить зрителя своей оригинальностью. Средством выражения этой оригинальности часто становится демонстративное стремление к дисгармоничным формам, бесцеремонно вторгающимся в окружающую среду и разрушающим ее.

Можно ли считать отказ от классического архитектурного наследия следующей ступенью прогрессивного развития культуры или современное общество столкнулось с проблемой культурного и цивилизационного регресса? Подавляющее большинство представителей профессионального художественного сообщества придерживается линии активной интеграции техницизма и установления новых законов композиции, отражающих футурологическое мышление архитекторов [5]. Текущее положение зачастую рассматривается как внестилевой этап развития архитектуры, или эпоха универсального архитектурного проекта [7]. При этом сторонники радикального направления новой архитектуры ведут целенаправленный поиск заведомо нетрадиционных экстравагантных решений с опорой на технологические достижения в строительстве [16; 17]. Однако тотально положительная оценка новых архитектурных объектов, свойственная экспертному сообществу, зачастую встречает сопротивление со стороны значительной доли населения. Таким образом, нельзя исключить фактор корпоративной предвзятости при формировании мнения творческой элиты [1; 13]. Неоднозначная оценка художественных объектов на практике проявляется в незначительном стремлении широких слоев населения приобщаться к произведениям современного искусства. В то время как выставки классического искусства пользуются неизменным успехом

и популярностью (Эрмитаж, Лувр, Уффици, Ватикан и др.), посетители галерей современного искусства (Центр Помпиду в Париже и др.) немногочисленны [12: с. 23–24].

На первый план выходит противоречие субъективных психологических и мировоззренческих установок творческой элиты и эстетических предпочтений основной массы современного общества. По мнению Т. Ф. Давидич, художественная элита довольно давно утратила связь с объективной реальностью, подменив ее субъективной симуляцией и используя в качестве спекулятивного элемента [4: с. 413]. Авторитетно утвердив свое мнение единственно правильным, элита навязывает собственный идеал искусства, состоящий в отказе от какого бы то ни было идеала. Рассматривая особенности современной архитектуры, Т. Ф. Давидич обращает внимание на феномен «мерцания смыслов» культурных установок элиты. «Ныне в мире, — замечает автор, — существует некая пестрая картина разных недолговечных и одномоментно существующих стилевых течений... популярным стало изобретение все новых и новых приемов и форм, способных поразить воображение» [4: с. 414].

Таким образом, сегодня наблюдается диссонанс культурных установок общества, с одной стороны, выражающих консервативные эстетические предпочтения, а с другой — направленных на соответствие духу времени. В настоящей статье предложено описание эмпирического исследования некоторых аспектов сложившейся ситуации.

Методика исследования

Исследование было проведено в 2022 г. и осуществлялось путем предъявления респондентам изображений архитектурных объектов на большом мультимедийном экране. В исследовании приняли участие студенты Московского городского педагогического университета, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Новосибирского педагогического государственного университета. Всего 211 человек в возрасте от 17 до 24 лет.

Используемый стимульный материал представлял собой 60 фотоизображений архитектурных объектов Москвы, выполненных в различных архитектурных стилях в период XIX – начала XXI вв. Изображения были разбиты на два блока, каждый из которых включал пять серий изображений в зависимости от размеров и назначения представленных в них архитектурных объектов:

- ✓ серия I — крупные, монументальные строения;
- ✓ серия II — общественные здания и многоквартирные дома;
- ✓ серия III — небольшие здания и особняки;
- ✓ серия IV — наземные вестибюли метро;
- ✓ серия V — подземные залы метро.

При этом в каждой серии была представлена последовательность шести слайдов архитектурных объектов, отражающих следующие архитектурные стили:

- **A** — классицизм и ампир (конец XVIII – первая половина XIX вв.), в этой стилистике оформлены некоторые станции московского метро начала 1950-х гг.);
- **B** — конструктивизм (конец 1920-х – первая половина 1930-х гг.); элементы этого стиля использовались при оформлении довоенных станций метро, до 1938 г.;
- **C** — современный стиль (конец XX в. – настоящее время);
- **D** — стиль магно (от *лат.* большой) (конец 1930-х – начало 1940-х гг.); по поводу обозначения этого стиля нет единого мнения, используются термины «советский монументализм», «неоконструктивизм» или «постмодернизм»;
- **E** — стиль модерн (1900–1906); элементы этого стиля использовались при оформлении довоенных станций метро, до 1938 г. В настоящее время элементы стиля модерн нередко встречаются при оформлении интерьеров, строительстве частных и многоквартирных домов, а также некоторых новых станций метро;
- **F** — стиль триумф, или сталинский ампир (конец 1940-х – начало 1950-х гг.).

Завершал каждую серию общий слайд, содержащий изображение всех шести объектов серии, уменьшенных в размере.

После завершения экспозиции каждой серии обследуемый фиксировал свою эмоциональную реакцию на предъявленные объекты, ранжируя их по предпочтительности на бланке или с помощью гаджета, используя сервис Microsoft Forms.

Результаты исследования

На рисунке 1 в графическом виде представлены результаты ранжирования студентами предпочтений архитектурных объектов в серии «Крупные, монументальные сооружения». По осям диаграммы отложены индексы предпочтений каждого из рассматриваемых архитектурных стилей (в процентах от максимально возможного), у вершины осей представлены образцы объектов соответствующего стиля.

Как видно из полученных данных, наиболее предпочтительными среди монументальных сооружений оказались здания, выполненные в классическом стиле и его модификации середины XX в., получившей название стиля триумф, или сталинского ампира. С небольшим отрывом на третьем месте по высказанным предпочтениям оказались здания в стиле модерн. Эстетическая ценность построек в современном стиле оценивается студентами значительно ниже. Статистическая достоверность предпочтения каждого из упомянутых стилей по отношению к современному стилю довольно высока при $p < 0,01$ (T -критерий Стьюдента). Замыкают список предпочтений конструктивистские сооружения и здания в стиле магно второй половины 1930-х гг.

Схожая тенденция присутствует и при ранжировании предпочтений среди несколько меньших по размерам городских построек, объединенных в серию «Общественные здания и многоквартирные дома» (рис. 2). Здесь также наиболее предпочитаемыми стилями оказываются классицизм и ампир начала XIX в., сталинский ампир, модерн и стиль магно второй половины 1930-х гг. Современные постройки в этой серии опять получают статистически значимо меньшее число предпочтений. Конструктивизм, представленный знаковыми для этого стиля зданиями

Рис. 1. Сравнительные предпочтения архитектурных объектов в серии «Крупные, монументальные сооружения»

Рис. 2. Сравнительные предпочтения архитектурных объектов в серии «Общественные здания и многоквартирные дома»

известных архитекторов И. А. Голосова (Дом культуры им. Зуева, 1929) и М. Я. Гинсбурга (Дом Наркомфина, 1930), со значительным отрывом оказывается на последнем месте.

При переходе к домам небольшого размера (рис. 3) картина предпочтений несколько меняется. На первое место выходит модерн. С небольшим отрывом от него второе и третье место делят стиль триумф (сталинский ампир) и современный стиль, которому впервые удается войти в число лидеров. Классицизм и магно значительно уступают первой тройке, а конструктивизм стойко остается в конце списка приоритетов.

Эти изменения во многом имеют очевидное объяснение. Преимущество модерна при возведении малоразмерных строений обусловлено самой сущностью этого направления в архитектуре. Модерн — ярко выраженный антропоцентрический стиль. Это воплощенное в художественной форме мировоззрение утонченного индивидуализма. Лучшим для него форматом является сравнительно небольшой городской особняк, в котором все подчинено вкусам и прихотям

владельца. Именно особняк, и прежде всего московский особняк, лучше всего раскрывает художественные возможности модерна. Созданные в этом стиле постройки Ф. О. Шехтеля и Л. Н. Кекушева заслуженно признаны шедеврами мировой архитектуры.

В то же время высокие ранги, полученные в этой серии строениями в современном стиле, возможно, были обусловлены другой причиной. В отношении к небольшим частным домам, предназначенным для проживания одной семьи, в наибольшей мере проявилась личная заинтересованность респондентов, многие из которых в ходе проведения исследования указывали, что мечтают о собственном доме и рассматривают предложенные объекты как гипотетически возможное личное владение в отдаленном будущем. В этом контексте классический особняк с колоннами в центральной части города не привлекал внимания ввиду явной нереальности обладать им ни сейчас, ни в будущем, а вот сделанный из легких и недорогих материалов небольшой загородный дом в стиле хай-тек казался более достижимым, а потому вызывал большую заинтересованность.

Рис. 3. Сравнительные предпочтения архитектурных объектов в серии «Небольшие дома и особняки»

Учитывая уникальное архитектурно-художественное значение станций Московского метрополитена, помимо описанных типов городских строений в исследовании были использованы две дополнительные серии объектов, представляющие наземные вестибюли и подземные залы московского метро. С первой половины 1930-х гг. до наших дней в Москве возведено 250 станций, в архитектурном решении которых отразилось все богатство актуальных для этого периода стилей от конструктивизма до хай-тека и современного постмодернизма. Имеются и реплики исторически более ранних стилей. Например, классицизм представлен в московском метро в великолепных стилизациях начала 1950-х гг., созданных К. С. Алабяном, И. Е. Рожиным, А. Н. Душкиным и др., а в некоторых станциях 1930-х гг. и начала XXI в. встречаются элементы стиля модерн. Все это делает московское метро чрезвычайно ценной базой для исследования сравнительных предпочтений различных архитектурных стилей современниками.

На рисунке 4 представлены предпочтения стилей в серии «Метро: наземные вестибюли».

Как и при восприятии крупных монументальных построек и среднеразмерных зданий в этой серии, предпочтения респондентов были отданы сооружениям, представляющим различные варианты архитектуры классицизма. Стиль триумф, магно и собственно классицизм и ампир составили тройку лидеров, идущую со значительным отрывом от менее приоритетного современного стиля и стилизаций в духе модерна. Конструктивизм, как и в предыдущих сериях, занимает в списке предпочтений последнее место, несмотря на то что для его иллюстрации использовались такие известнейшие постройки, как наземные вестибюли станции «Кировская» (в наст. время — «Чистые пруды», 1935, архитектор Н. Д. Колли) и южный вестибюль станции «Красные Ворота» (1935, архитектор Н. А. Ладовский).

Те же тенденции в еще более выраженном виде характерны и для эмоционального восприятия подземных залов метро (см. рис. 5).

Классическая стилистика в архитектурном решении станций от строгого имперского стиля магно до реплик в духе «истинного» классицизма и пышных форм сталинского

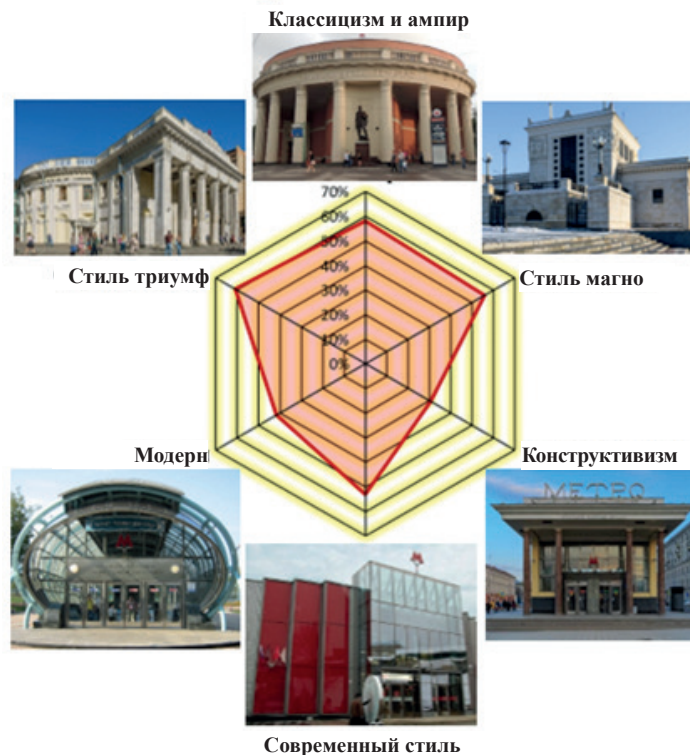

Рис. 4. Сравнительные предпочтения архитектурных объектов в серии «Метро: наземные вестибюли»

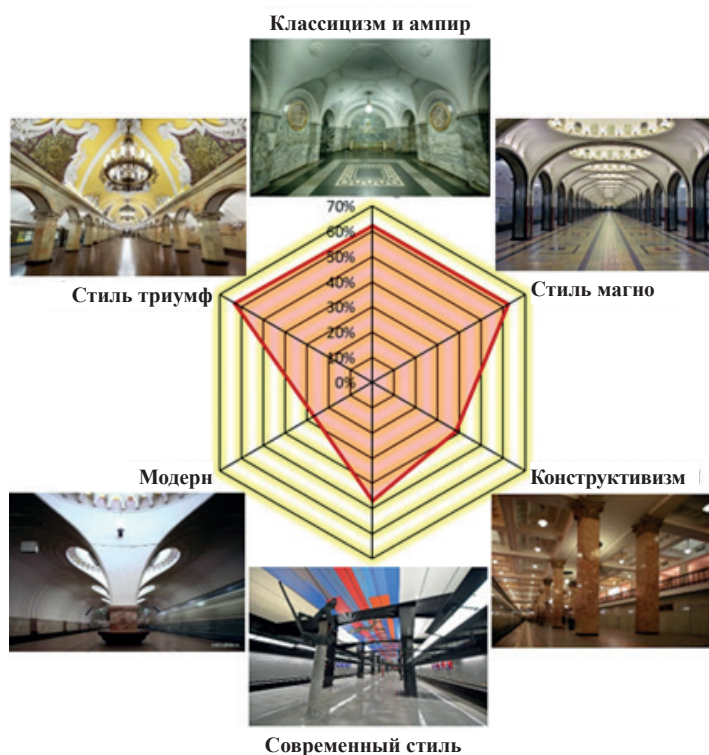

Рис. 5. Сравнительные предпочтения архитектурных объектов в серии «Метро: подземные залы»

ампира оказывается сегодня достоверно предпочтительней для молодежи, чем работы современных авторов и их идейных вдохновителей начала XX в., отказавшихся от классического наследия.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что, оценивая впечатление, производимое крупными монументальными постройками, общественными зданиями и многоквартирными домами, а также наземными вестибюлями и подземными станциями метро, абсолютное большинство респондентов предпочитает сооружения, построенные в классической стилистике. При этом первенство принадлежит строениям в стиле триумф (сталинский ампир), за ними следуют исторические здания, построенные в первой половине XIX в. в стиле классицизм и ампир, и здания в стиле магно второй половины 1930-х гг. Стиль модерн оценивается как предпочтительный для небольших домов и особняков.

Ни в одной из продемонстрированных серий архитектурных объектов современный стиль не рассматривается как предпочтительный, и только в группе небольших частных строений он занимает второе место благодаря тому, что постройка в таком стиле кажется многим респондентам наиболее доступной для личного приобретения в будущем.

Исследование также показало практически полную непопулярность у современной молодежи конструктивистских концепций 1920-х – начала 1930-х гг., несмотря на то что в искусствоведческой литературе целый ряд возведенных в этом стиле строений традиционно признается шедеврами советской архитектуры.

Литература

1. Бодрийар Ж. Архитектура: правда или радикальность? // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 114–122.
2. Воробьева И. В., Кружкова О. В. Психология городской среды: монография. Екатеринбург: РГППУ, 2012. 244 с.
3. Вырва А. Ю., Леонтьев Д. А. Возможности субъективно-семантических методов в исследовании восприятия архитектуры // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 4. С. 96–111. DOI: 10.17759/chp.2015110409
4. Давидич Т. Ф. Стиль как язык архитектуры. Харьков: Гуманитарный центр, 2014. 424 с.
5. Енютина Е. Д. Трансформация художественных идей изобразительного искусства в архитектурное пространство // Вестник МГСУ. 2014. № 4. С. 7–13.
6. Калита В. В. Процедура конструирования специализированного семантического дифференциала «Психологический комфорт в условиях городской среды» // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2019. Т. 18. № 3 (152). С. 86–94.
7. Лежава И. Г. Современная архитектура и город // Academia. Архитектура и строительство. 2014. № 4. С. 5–14.
8. Панов В. И. Экологическая психология: направления и тенденции // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. 2020. № 1 (1). С. 36–44. DOI: 10.24412/2713-1831-2020-1-36-44
9. Панов В. И., Федоров В. В. Символизм архитектурной среды как предмет экпсихологии развития // 2-я Российская конференция по экологической психологии: материалы. М.; Самара: МГППИ, 2001. С. 39–41.
10. Панюкова Ю. Г. Методический потенциал отечественной экпсихологии // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. 2022. № 3 (1). С. 43–48. DOI: 10.24412/2713-1831-2022-1-43-48
11. Прыжникова Е. Ю., Голубь О. В. Роль восприятия городской среды в адаптации подростков // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». 2012. № 4. URL: https://psyjournals.ru/files/57545/psyedu_ru_2012_4_Pryzhnikova.pdf?ysclid=l4gxwvaykh291200765 (дата обращения: 03.05.2022).
12. Рыжов Б. Н., Тарасова А. А. Эмоциональное восприятие московскими студентами архитектурных объектов 1920–1930-х годов // Системная психология и социология. 2020. № 1 (33). С. 22–37. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.33.1.02
13. Сорокин П. Флуктуация идеациональных и чувственных форм в архитектуре // Вильковский М. Б. Социология архитектуры. М.: Фонд «Русский авангард», 2010. С. 294–312.
14. Gifford R. Environmental psychology: Manifold visions, unity of purpose // Journal of Environmental Psychology. 2009. Vol. 29. Iss. 3. P. 387–389. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.09.002>
15. Günther H. The environmental psychology of research // Journal of Environmental Psychology. 2009. Vol. 29. Iss. 3. P. 358–365. DOI: 10.1016/j.jenvp.2009.02.004
16. Jaff A. A. M., Shabander M. S. A., Bala H. A. Modernity and tradition in the context of Erbil old town // American Journal of Civil Engineering and Architecture. 2017. Vol. 5. Iss. 6. P. 217–224. DOI: 10.12691/ajcea-5-6-1
17. Nia H. A., Rahbarianyazd R. Aesthetics of modern architecture: A semiological survey on the aesthetic contribution of modern architecture // Civil Engineering and Architecture. 2020. Vol. 8. Iss. 2. P. 66–76. DOI: 10.13189/cea.2020.080204

References

1. Bodrijar Zh. Arxitektura: pravda ili radikal`nost`? [Architecture: truth or radicalism?] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 2011. № 5. P. 114–122.
2. Vorob`eva I. V., Kruzhkova O. V. Psixologiya gorodskoj sredy`: monografiya [Psychology of the urban environment: monograph]. Ekaterinburg: RGPPU, 2012. 244 p.
3. Vy`rva A. Yu., Leont`ev D. A. Vozmozhnosti sub`ektivno-semanticheskix metodov v issledovanii vospriyatiya arxitektury` [Possibilities of subjective-semantic methods in the study of the perception of architecture] // Kul`turno-istoricheskaya psixologiya [Cultural-Historical Psychology]. 2015. Vol. 11. № 4. P. 96–111. DOI: 10.17759/chp.2015110409

4. Davidich T. F. Stil` kak yazy`k arxitektury` [Style as the language of architecture]. Xar`kov: Gumanitarny`j centr, 2014. 424 p.
5. Enyutina E. D. Transformaciya xudozhestvenny`x idej izobrazitel`nogo iskusstva v arxitekturnoe prost-ranstvo [Transformation of artistic ideas of fine arts into architectural space] // Vestnik MGSU [Vestnik MGSU]. 2014. № 4. P. 7–13.
6. Kalita V. V. Procedura konstruirovaniya specializirovannogo semanticheskogo differenciala «Psixologicheskij komfort v usloviyax gorodskoj sredy`» [The procedure for constructing a specialized semantic differential “Psychological comfort in an urban environment”] // Ucheny`e zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social`nogo universiteta [Scientific Notes of RSSU]. 2019. Vol. 18. № 3 (152). P. 86–94.
7. Lezhava I. G. Sovremennaya arxitektura i gorod [Modern architecture and the city] // Academia. Arxitektura i stroitel`stvo [Academia. Architecture and Construction]. 2014. № 4. P. 5–14.
8. Panov V. I. E`kologicheskaya psixologiya: napravleniya i tendencii [Ecological psychology: direc-tions and trends] // E`kopoe`zis: e`kogumanitarny`e teoriya i praktika [Ecopoiesis: Ecohumanitarian Theory and Practice]. 2020. № 1 (1). P. 36–44. DOI: 10.24412/2713-1831-2020-1-36-44
9. Panov V. I., Fedorov V. V. Simvolizm arxitekturnoj sredy` kak predmet e`kopsixologii razvitiya [Sym-bolism of the architectural environment as a subject of ecopsychology of development] // 2-ya Rossijskaya konferenciya po e`kologicheskoy psixologii: materialy` [2 Russian Conference on Ecological Psychology: Materials]. M.; Samara: MGPPi, 2001. P. 39–41.
10. Panyukova Yu. G. Metodicheskij potencial otechestvennoj e`kopsixologii [Methodical potential of domestic ecopsychology] // E`kopoe`zis: e`kogumanitarny`e teoriya i praktika [Ecopoiesis: Ecohumanitarian Theory and Practice]. 2022. № 3 (1). P. 43–48. DOI: 10.24412/2713-1831-2022-1-43-48
11. Pryazhnikova E. Yu., Golub` O. V. Rol` vospriyatiya gorodskoj sredy` v adaptacii podrostkov [The role of the perception of the urban environment in the adaptation of adolescents] // E`lektronny`j zhurnal «Psixologicheskaya nauka i obrazovanie» [Electronic journal “Psychological Science and Education”]. 2012. № 4. URL: https://psyjournals.ru/files/57545/psyedu_ru_2012_4_Pryazhnikova.pdf?ysclid=14gxwvaykh291200765 (date accessed: 03.05.2022).
12. Ry`zhov B. N., Tarasova A. A. E`mocional`noe vospriyatie moskovskimi studentami arxitekturny`x ob`ektov 1920–1930-x godov [Emotional perception of architectural objects of 1920–1930s by Moscow stu-dents] // Sistemnaya psixologiya i sociologiya [Systems Psychology and Sociology]. 2020. № 1 (33). P. 22–37. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.33.1.02
13. Sorokin P. Fluktuaciya ideacional`ny`x i chuvstvenny`x form v arxitekture [Fluctuation of ideational and sensual forms in architecture] // Vil`kovskij M. B. Sociologiya arxitektury` [Vilkovsky M. B. Sociology of architecture]. M.: Fond «Russkij avangard», 2010. P. 294–312.
14. Gifford R. Environmental psychology: Manifold visions, unity of purpose // Journal of Environmental Psychology. 2009. Vol. 29. Iss. 3. P. 387–389. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.09.002>
15. Günther H. The environmental psychology of research // Journal of Environmental Psychology. 2009. Vol. 29. Iss. 3. P. 358–365. DOI: 10.1016/j.jenvp.2009.02.004
16. Jaff A. A. M., Shabander M. S. A., Bala H. A. Modernity and tradition in the context of Erbil old town // American Journal of Civil Engineering and Architecture. 2017. Vol. 5. Iss. 6. P. 217–224. DOI: 10.12691/ajcea-5-6-1
17. Nia H. A., Rahbarianyazd R. Aesthetics of modern architecture: A semiological survey on the aesthe-tic contribution of modern architecture // Civil Engineering and Architecture. 2020. Vol. 8. Iss. 2. P. 66–76. DOI: 10.13189/cea.2020.080204

УДК 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.09

СИСТЕМНЫЕ ЭТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В РАННИХ ДИАЛОГАХ ПЛАТОНА

Д. В. Иванов,
НГПУ, Новосибирск,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

В статье показано, что этико-психологические представления Платона, внесшего существенный вклад в становление психологической мысли, прошедшей длительный путь своего развития, ориентированы на поиск упорядоченности и обоснованности человеческих отношений. Философскую позицию раннего Платона обозначают в науке как сократический интеллектуализм. Мыслителем утверждается диалектика как искусство управления человеческим познанием и обществом. Отмечается необходимость в проверке возможностей, которыми обладает человек для самостоятельного поиска истины. Ставится вопрос о целомудрии как о благе и возможности его достижения, что происходит на фоне исторических изменений, когда обществу становится интересен каждый индивид. Платоновские этико-психологические представления упорядочиваются социальными законами, становятся системными и позволяют объяснять качества конкретного человека. Благодаря правильному воспитанию человек, обладающий определенными внутренними качествами, способен к достижению гармонии прекрасного и доброго.

Ключевые слова: Платон; Сократ; система; этико-психологические представления; сократический интеллектуализм; калокагатия; майевтика; диалектика; знание; душа; благо; целомудрие.

Для цитаты: Иванов Д. В. Системные этико-психологические представления в ранних диалогах Платона // Системная психология и социология. 2022. № 2 (42). С. 95–104. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.09

Иванов Денис Васильевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.

E-mail: *ivanovdirkutsk@yandex.ru*

ORCID: 0000-0002-2478-1468

UDC 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.09

SYSTEMIC ETHICAL AND PSYCHOLOGICAL CONCEPTS IN PLATO'S EARLY DIALOGUES

D. V. Ivanov,
NSPU, Novosibirsk,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

The article shows that the ethical and psychological ideas of Plato, who made a significant contribution to the formation of psychological thought, which has passed a long way of its development, are focused on the search for order and validity of human relations. The philosophical position presented in the “early” Plato is referred to in science as “Socratic intellectualism”. The thinker asserts dialectics as the art of managing human cognition and society. It is noted that there is a need to check the possibilities that a person has for an independent search for truth. The question about chastity as a good thing and the possibility of achieving it, which

happens against the background of historical changes when society becomes interested in each individual is raised. Plato's ethical and psychological concepts are ordered by social laws, become systemic and allow to explain the qualities of a particular person. A person with certain inner qualities is capable of achieving harmony of the beautiful and the good, thanks to proper upbringing.

Keywords: Plato; Socrates; system; ethical and psychological ideas; Socratic intellectualism; kalokagathia; maieutics; dialectics; knowledge; soul; good; chastity.

For citation: Ivanov D. V. Systemic ethical and psychological concepts in Plato's early dialogues // Systems Psychology and Sociology. 2022. № 2 (42). P. 95–104. DOI 10.25688/2223-6872.2022.42.2.09

Ivanov Denis Vasilievich, PhD in Pedagogical Sciences. Associate Professor at the Department of General Psychology and History of Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2478-1468

Введение

Человеческие отношения нуждаются в определенной упорядоченности и нравственной обоснованности. История становления и развития психологической мысли предоставляет разнообразные варианты решения этой задачи. Античный мир оставил в наследие разработанную систему соотношения — гармонии прекрасного и доброго, — на основании которой сложились этико-психологические представления одного из величайших мировых философов и писателей — Платона [17: с. 42], нашедшего способ определять потенциальную готовность человека к обнаружению у себя этой гармонии.

В настоящее время гармония должна являться важным принципом образования человека, соотношением телесного и духовного, внешнего и внутреннего, возможного и достижимого. Она станет «синтезом разнодисциплинарных знаний о человеке» [16: с. 72], системным основанием представлений о перспективах развития наук о нем и предметом системного изучения.

Характерные особенности исторического времени

Историческое время, которое еще застал на самом его излете и о котором много слышал один из известнейших философов Древней Греции — Платон (428–348 гг. до н. э.), —

было удивительным по смене событий и их участников. Эллада, как ее называли греки, была сотрясаема в V в. до н. э. происходящими здесь войнами, а также конфликтами между городами-полисами. Афины и Спарта одолели Ахеменидскую империю, имевшую намерение поработить Элладу. Победы при Марафоне (490 г. до н. э.) и на острове Саламине (480 г. до н. э.), развитие флота и желание осваивать новые заморские земли, умение привлекать союзников, позволили Афинам, рабовладельческому центру, стать крупнейшим полисом с притекающими сюда богатствами. «Жизнь, культура, образование греков стали в основном гражданскими» [8: с. 62]. Здесь, как и в ряде других, близких по местоположению и по духу Афинам полисов, расцветают ремесла, растет товарное производство, развивается торговля (и работорговля). В сельском хозяйстве, помимо зерновых культур, выращивают оливки и осваивают виноградарство. Развиваются товарно-денежные отношения (кредиты, ростовщичество, валютные операции), все больше привлекавшие на городские рынки крестьян. Афины строят морские порты. Так, афинская гавань Пирей становится практически крупнейшим в античном мире торговым центром [3: с. 40–41; 44–45]. Афины умеют перераспределять поступающие ценности и товары и перепродавать их.

На фоне военных и политических успехов Афины создают морской союз, привлекая в него другие греческие полисы. Общая казна союза, которой распоряжались Афины, способствовала и успешной социальной,

культурной политике. Так, известно, что в 40–30-х гг. V в. до н. э. Афины строились на средства из этой казны [3: с. 50]. Здесь появляются Парфенон, мраморные Пропилеи, храм богини Ники Бескрылой (Никэ Аптерос) и др. Привлекались талантливые архитекторы (Иктин, Калликрат и др.), музыканты, художники (Полигнот, Апполодор, Агатарх и др.). Это время скульпторов Фидия («Афина Парфенос», статуя Зевса в Олимпии, «Афина Промехос»), Мирона («Дискобол»), Поликлета («Дорифор»). На подмостках театра с успехом идут пьесы Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана, в творчестве которых нашли свое отражение философские и этико-психологические идеи, значимые для авторов.

Это было время развития риторики (ораторского искусства) и эристики (искусства спора). Особо проявили себя софисты — учителя мудрости — Горгий, Протагор, их ученики со своими разговорами о Космосе, умственными задачами — апориями, выступлениями и речами, что выглядит как своего рода прообраз практико-ориентированной психологии сегодняшнего дня.

Протагор, чье творчество дошло до наших дней в основном в пересказах и воспоминаниях его современников и слушателей, определил мир, окружающий человека, как сугубо человеческий, указав, что в нем человек является основной мерой, ввел «человеческое измерение» [10: с. 258]. Однако более важным в конкретике исторического времени явилось то, что здесь значимой «стороной наступающего пробуждения мысли стал поиск ответов на вопрос о происхождении и содержании душевной жизни» [17: с. 31].

Историки психологии, рассматривая фрагментарно сохранившееся творческое наследие прошлого, придерживаются мысли о том, что к началу V в. до н. э. в Греции распространяется воззрение на природу душевных явлений, «причудливо сочетающее мистику с рациональностью» [13: с. 57–61; 14: с. 52–56; 17: с. 31]. Происходит постепенное осмысление роли сохранившихся с архаичных времен мистерий, а религиозные представления о душе, после их рефлексивной обработки, становятся философскими понятиями [18: с. 10; 20: с. 40–41]. Накопленное теоретическое

знание стало значительно опережать эмпирическое, и разговоры со ссылкой на априорно существующее в душе, следующими из этого умозаключениями были повсеместными.

Философы также ставят вопросы о строем материи, пытаются найти системообразующие элементы и дать им определение. Так, Эмпедокл видел первоосновой всего материальные элементы (земля, вода, воздух, огонь). Ему принадлежит учение об основах чувственных процессов и космической цикличности [17: с. 31]. Левкипп и Демокрит с их учением об атомах доказывали, что весь мир состоит из них, но были уверены, что все происходящее совершается неслучайно, что заставляло человека сомневаться в самостоятельности и свободе собственных поступков. Однако это было время одной из центральных фигур греческой философии V в. до н. э. — Анаксагора, распространившего свою систему взглядов, когда Афинами управлял его ученик Перикл [15: с. 212]. Биографы отмечают, что на когда-то заданный Анаксагору вопрос, зачем тот появился на свет, он ответил: «Для наблюдения солнца, луны и неба» [6: с. 106]. Физические воззрения Анаксагора были близки ранней атомистике (учение о «семенах всех вещей», под которыми понимались однородные частицы, соединяющиеся друг с другом), он стремился выяснить происхождение и сущность этого мира, а также составляющих его явлений и вещей. В психологических воззрениях он исходил из того, что способность воспринимать ощущения во многом зависит от обустройства и состава органов чувств человека. Говорил он также о ненадежности и обманчивости человеческих чувств. Исследователи не находят упоминания во фрагментах его сочинений и воспоминаниях современников рассуждений о душе, что говорит о приоритете для мыслителя фактов и опирающихся на них научных построениях [15: с. 199–200]. Не отказывал философ человеку в способности мыслить. Анаксагор трактует в своей философской системе понятие «нус» (от др.-греч. νοῦς — «мысль», «разум», «ум»), используемое затем и в дальнейшем развитии философско-психологической мысли. И у него функции нуса шире, чем сама возможность для человека мыслить.

У Анаксагора нус — это первичный толчок и принцип космообразования [15: с. 212–213], все обосновывающее понятие. Анаксагор привносит принцип упорядоченности в объяснение психического, поскольку был уверен, что чем совершеннее организация тела, тем в большей мере здесь представлен ум [13: с. 59; 22: с. 43].

Натурфилософские идеи, так или иначе составлявшие систему взглядов, объяснявших мир, его закономерности, еще необходимы полису, однако с прибавлением жителей в городе и его окрестностях фокус исследовательских интересов начинает смещаться в сферу организации их совместной жизни, в область этико-психологических понятий.

Кроме философских основ в период расцвета Афин создаются научные труды в области математики (Пифагор, Анаксагор, Демокрит), медицины (Гиппократ), астрономии (Пифагор, Эвдокс, Гераклид Понтийский, Метон), языка, теории музыки, истории (Геродот, Фукидид) [3: с. 82–84, 90]. Предлагаются социальные проекты. Идеи о них не случайны: военные конфликты, восстания рабов и волнения граждан, а также возмущение других слоев населения (вольноотпущенников, переселенцев, бедноты) приводили в движение общественную мысль того времени.

Своеобразным социальным проектом для греков были игры спортивного характера. Основанием к их появлению часто видят страсть греков к соперничеству и первенству, потребность «устраивать всевозможные публичные состязания и чествовать их победителей» [1: с. 19]. Однако важной являлась глорическая мотивация, само желание переживать чувство победы, быть сопричастным Божественному выбору или быть рядом с этим выбором, или иметь возможность прикоснуться к нему. Соревновательных игр в Древней Греции было большое разнообразие (Олимпийские, Пифийские, Истмийские, Немейские, Панафинейские [1: с. 25–26]), и каждый свободный гражданин мог или стремился стать их участником. Возможности для участия в состязаниях повышались в связи с привлечением к ним разновозрастных групп, и такой «социальный проект» уже включался в вопросы воспитания каждого нового поколения эллинов.

Все происходившее в тот период времени: обустройство и украшение города, проведение пышных празднеств, выступления красноречивых ораторов, поэтические произведения, затрагивавшие философские и этические проблемы, — «способствовало интеллектуальному, нравственному и эстетическому воспитанию граждан» [4: с. 16].

Золотой век Перикла (443–430 гг. до н. э.) [3: с. 52, 58] показал далекие горизонты благополучия, которое было уже осязаемо, но не достигнуто в полной мере благодаря тому, что Афины с их потребностями и растущими запросами, свободомыслием, также умели терять своих союзников.

За периодом расцвета Афин последовал упадок. Усиление морской державы афинян, экспедиции с целью развития выгодных торговых путей привели к обострению отношений с Пелопонесским союзом, где главенствовала Спарта, куда отправлялись жаловаться недовольные афинские союзники. Кроме того, существовал старый спор об обустройстве греческого мира между Афинами и Спартой, восстановления строя отцов. Разразилась Пелопонесская война (431–404 г. до н. э.), которая привела не только к роспуску Афинского морского союза, но и к ослаблению самой Спарты [3: с. 56–64]. Явственно стал заметен закат Эллады. На фоне этих перемен и событий появляется фигура Сократа, учителя Платона, наставника юношества, яркого и запоминающегося философа, мужественного воина [9: с. 13–16; 21: с. 81–84]. В это время группа молодых философов, «интеллектуалов», следующая за ним, основательно задумывается над рядом этико-психологических проблем, над вопросами добродетельной и целомудренной жизни.

В целом же на фоне характерных исторических особенностей того времени, включая конкретные события и потрясения, усиливавшие те или иные позиции в системных взглядах мыслителей, важным стало то, что развитие самой общественной жизни способствовало усилению этико-психологической рефлексии в философской мысли. В V в. до н. э. наблюдается осмысление сохранившихся с архаичных времен мистерий, тех религиозных представлений о душе, которые

дефинируются философией как значимые понятия для объяснения природы психического. Философы также ставят вопросы о строении материи, пытаются найти системообразующие элементы и дать им понятия. Вводится «человеческое измерение» мира. В объяснение психического привносится принцип упорядоченности, появляется учение об основах чувственных процессов и космической цикличности, но есть и сомнения в самостоятельности и свободе поступков человека. Мыслители, рассуждая об этико-психологических проблемах, возвращаются к идее калокагатии, имевшей свою историю, размышляют об известном, но каждый раз в новых исторических условиях и обстоятельствах; начинают активно говорить не только о физической (*καλός*), но и о нравственной красоте (*ἀγαθός*) человека.

Калокагатия как основание этико-психологических представлений в античном мире

Исследователи предлагают относить идею калокагатии (от др.-греч. *καλός* — «прекрасный» и *ἀγαθός* — «добрый») к пифагорейству, указывая, что еще Пифагор (VI в. до н. э.), умевший все «вычислять», положил в основание своих умозаключений принцип единства теории и практики, видя в философии не только любовь к мудрости, но и образ человеческой жизни. У человека появляется возможность, приобщаясь к мудрости веков, провести проверку собственной жизни, своей нравственной чистоты и испытать себя молчанием [5: с. 12].

Платоновское наследие позволяет выявить «старинно-аристократический» и «интеллигентски-софистический» [5: с. 13] типы калокагатии. Потомки старинных и знатных родов, как правило, априори признавались прекрасными и добрыми [12: с. 301], однако позже и тот, кто был правильно воспитан, мог причислять себя к этому кругу. Обнаруживающий все признаки калокагатии сочетал гармонию души и красоту тела, поскольку получил и мусическое, и гимнастическое воспитание [11: с. 155, 189 и др.]. Платон относил идею совершенства

и к человеческой душе, и к его телу, но упор все же делал на духовном начале, которое в человеке должно возобладать по мере роста души [7: с. 15]. Историки, рассматривавшие древнегреческое образование, обращают внимание на то, что «идеал высоко развитого ума в великолепно развитом теле» [8: с. 71] как собирательный образ в целом присущ наследию Античной Греции [4: с. 17–23].

В различные времена в воспитании человека акцентировалось внимание либо на прекрасном, либо на добром. Часто это зависело от социально-политического и экономического состояния государства: нужен был либо «мудрый атлет», либо «атлетичный мудрец». А в целом цивилизация совершала путь от культуры воинов к культуре писцов. Сам идеал в результате нашел свое воплощение в эфебии (от др.-греч. *ἔφηβος* — «юноша») — системе гражданского воспитания воина-гражданина [8: с. 150–153]. Эфебы — надежда граждан Афин на будущее свое в них продолжение. Вся дальнейшая жизнь эфебов «освящена славой и памятью их отроческих успехов, их юной красотой» [8: с. 72]. Эфебам необходимы наставники — мыслители, — имеющие возможность воплотить результаты коллективной рефлексии в жизнь.

В целом можно отметить, что человек, обнаруживающий признаки калокагатии должен был являть собой, согласно общественному мнению, сочетание гармонии души и красоты тела. Достижением мысли стало осознание самой возможности создать гармонию души и тела благодаря воспитанию и усилиям воспитателей, направляющих этот процесс.

Сократ как проводник этико-психологических представлений в ранних диалогах Платона

Имя Сократа (около 469–399 гг. до н. э.) было и будет известно, поскольку остаются значимыми сочинения его ученика — Платона, в которых он и представлен в проявлении своего таланта. Учитель и ученик «растворяются друг в друге» [14: с. 56]. Если начинаешь рассматривать идеи античной психологической мысли или читать Платона,

то предстает исторически первая целостная, глубинная философская система представлений о душе, дошедшая до нас не в воспоминаниях и фрагментах, а в подлиннике [17: с. 40]. Она создавалась постепенно — от ранних платоновских диалогов к работам зрелого мыслителя, — но достаточно часто все главные мысли вкладываются в уста ведущего свои беседы Сократа. Современные зарубежные исследователи, изучая творческое наследие Платона, вводят понятия «платоновская моральная теория», «платоновская моральная психология», «сократовская моральная психология», становящиеся актуальными в мире реальных моральных противоречий [23: р. 193–247; 24: р. 19; 25: р. 90]. Однако применительно к взглядам Платона на «ранней сократической ступени» (А. Ф. Лосев), можно использовать понятие «этико-психологические представления».

Некоторые сведения о жизни реального Сократа предоставляет Диоген Лаэртский, собирая все известные ему данные, но не проверяя их документальность [6: с. 109–118]. К этим же данным, но уже требовательнее подходя к ним, обращаются и современные исследователи творчества Сократа [19: с. 38–71 и др.].

Так, известно, что его личный опыт, известный из детских воспоминаний, и полученные навыки, приводят его к пониманию ценности внешнего, значимости помощи при создании чего-нибудь нового и самостоятельного внутреннего. Сократ, будучи внешне непривлекательным, по воспоминаниям современников, всю жизнь тянется к красивому, стремится наполнить его внутренне добрым содержанием. Он даже обосновывает эту свою мировоззренческую позицию в диалоге «Пир», когда рассказывает о земном Эроте, чья цель — овладеть благом [10: с. 127–143]. Благо для Сократа одно — это знание. Все добродетели обуславливаются именно знанием. Как только человек достигает знания, то он отказывается от зла [2: с. 30].

На заре своего ученичества и личностного становления Сократ слушал Анаксагора, Дамона, Архелая, прошел школу софистов [3: с. 87–88]. Общался со многими известными деятелями культуры и политики, поэтому был силен в риторике, философии, «одинаково

умел как убедить, так и разубедить своего собеседника», «умел извлекать доводы из происходящего» [6: с. 109, 112]. Занимался телесными упражнениями, мог дать совет в палестре по физическому воспитанию будущих эфэбов, выступал в Олимпии [1: с. 55]. Был хорошим воином, участвовавшим в военных походах афинской армии и отличившимся в них, по свидетельству современников, храбростью и доблестью. Из истории известно, что Сократ спас в ходе Пелопонесской войны жизнь Алкивиаду — будущему афинскому стратегу — и Ксенофону — воину и философу [6: с. 110; 19: с. 80–84].

На протяжении всей своей жизни источником истинного знания Сократ называл внутреннее самопознание человека. Сам учитель помогал ученику в этом, выработав систему вопросов, позволяющую диагностировать потенциальные возможности исследуемого им лица и способствующие извлечению скрытой мысли, приводя к значимому умозаключению. Выражая сомнение в собственной компетентности в изучаемом вопросе, выявляя разногласия с собеседником в подходах, Сократ в ходе беседы ищет способ их преодоления, обращается к знакомым для всех фактам, эмпирическому материалу, приходя, в конечном итоге, к определению искомого понятия. Воспитание, по Сократу, это направленное при помощи учителя самопознание, когда душа, являясь руководящим началом в человеке, приводит его к познанию блага (знанию), способствует гармонии внешнего и внутреннего. Сократу для этого необходимы ученики, слушатели, последователи. «Сократ, конечно, набирает себе учеников в гимнасии, но ведь именно затем, чтобы увести их оттуда и усадить за многотрудное изучение математики и диалектики» [8: с. 73].

В диалоге «Хармид» раннего Платона описана ситуация, когда Сократ возвращается после участия в сражении под Потидеей, где он спас одного из своих учеников — Алкивиада, в Афины и приходит в палестру Посейдона Таврия, поскольку беседы с учениками были главным занятием в его жизни. Здесь он попадает в окружение близких и знакомых ему лиц, среди которых один из его последователей — Критий, который решает

воспользоваться ситуацией, чтобы познакомиться с ним своего двоюродного брата Хармида — надежду эфебии, чья жизнь уже «освещена славой и юной красотой», и отдать его ему в ученики. Сразу же обращается внимание на то, что Хармиду присущи признаки калогакагии, причем старинно-аристократической, так как он потомок знатного рода.

Критий сообщает, что Хармид жалуется на головные боли, и предлагает Сократу под предлогом его излечения познакомиться с ним. Сократ выдает себя за лекаря, знающего соответствующий заговор и действия трав. В этом историческом времени лекарь — это тот, кто может правильно подобрать нужные слова, произнести их и оказать этим помощь страждущему. Лечили именно с помощью правильно подобранных в заклинаниях слов, которые оказывают воздействие на психику и помогают справиться с физическими недомоганиями, что служит предысторией медицинской и немедицинской психотерапии. Хармид узнает в лекаре Сократа, но все равно соглашается на его способ лечения — фактически «ради головы усовершенствовать свой разум» [12: с. 301].

Сократ предлагает побеседовать, начинает свою «диагностику» души Хармида. В ходе беседы, как считал мыслитель, раскрывается душа, ее способности, так же как в ходе выполнения физических упражнений — телесные возможности человека. Сократ владеет диалектикой, он исследует противоречия, возникающие при выяснении вопроса о приличествующей Хармиду сдержанной цельности ума в жизни, о его целомудрии. «Мудрость, т. е. добродетель лежит в душе прирожденною в зачаточном состоянии в виде желания и стремления к добру или к полезному вообще» [2: с. 30]. Хармид должен подтвердить, что калогакагия и есть результат его правильного воспитания, что в нем действительно сочетаются внешние, телесные («представился тогда на диво прекрасным и статным» [12: с. 297]), приписываемые ему по праву знатности и внутренние, душевные достоинства («и в этом отношении он в высшей степени достойный человек» [12: с. 298]).

В своих этико-психологических взглядах Сократ выступает рационалистом. Он настаивает в ходе беседы с Хармидом, что необходимо,

прежде всего, лечить душу, «если хочешь, чтобы и голова и все остальное тело хорошо себя чувствовали» [12: с. 300]. В диалоге «Алкивиад I» Сократ упорно настаивает на познании эфебом своей души, которая отражает Божественный образ [12: с. 219–220]. В «Евтидеме» и «Лисиде» он также поднимает вопрос о рассудительности как о благе, продолжая развивать тему целомудрия [12: с. 121–122, 275–276]. Исследователи определяют эту философскую позицию, представленную в раннем Платоне, как сократический интеллектуализм [23: р. 43–49; 24]. Сократ, как и его учитель Анаксагор, уверен, что мир устроен разумом, определен целями, а Промысел руководит судьбой человека. Истина разумна и для любой человеческой души общеобязательна. Душе необходимо помочь «породить», извлечь скрытое в ней знание [2: с. 29–30; 24]. Интеллектуализм является основой теории желания. Желание стремиться к благу становится основанием добродетельного человека. Поэтому неудивительно, что Хармид не может подтвердить присущую ему по праву рождения в знатной семье целомудренность, но обнаруживает это стремление. Диалектика способна убеждать в рациональности стремления [25: р. 90]. Для самого Платона в зрелом творчестве станет очевидным присутствие в природе человека иррациональных желаний. Однако, в «Хармиде» еще присутствует надежда на добровольное и самостоятельное воспитание души, стоит лишь ей помочь. Диалог «Хармид» не заканчивается умозаключением, но главным для Сократа здесь является то, что будущий эфеб готов следовать за ним и не оставит его в покое [12: с. 326].

В диалогах Платона «ранней, сократической ступени» (А. Ф. Лосев) ставится задача, связанная с воспитанием человека, его добродетельности — сдержанной цельности ума — целомудрия. Вопрос о целомудрии как о благе — коренное понятие платоновских этико-психологических представлений. Разработана система, позволяющая реализовывать потенциал диалектики в ходе беседы с человеком. Важным является положение, позволяющее видеть в качестве значимой оценки индивида, претендующего на гармоничное

сочетание красивого и доброго не его семейное происхождение, а обнаруженные им в ходе диалектической беседы внутренние качества.

Заключение

Этико-психологические представления Платона, внесшего существенный вклад в становление психологической мысли, ориентированы на поиск упорядоченности и обоснованности человеческих отношений.

Философскую позицию, представленную в раннем Платоне обозначают в науке как сократический интеллектуализм. Мыслителем утверждается диалектика как искусство управления человеческим познанием и обществом. Отмечается необходимость в проверке возможностей, которыми обладает человек, для самостоятельного поиска истины.

Ставится вопрос о целомудрии как о благе (коренном понятии платоновских этико-психологических представлений) и возможности его достижения, что происходит на фоне исторических изменений, когда обществу становится интересен каждый индивид. Платоновские этико-психологические представления упорядочиваются социальными законами, становятся системными и позволяют объяснять качества конкретного человека.

Человек, обладающий определенными внутренними качествами, способен к достижению гармоничного сочетания прекрасного и доброго благодаря правильному воспитанию.

Психологическая мысль сегодняшнего дня имеет возможность пересмотреть платоновские достижения с целью определения одним из важных принципов образования человека гармоничное соотношение телесного и духовного, внешнего и внутреннего, возможного и достижимого.

Литература

1. Базунов Б. А. Боги стадионов Эллады: монография. М.: Терра-Спорт, 2002. 256 с.
2. Бобров Е. А. Психологические воззрения древних греческих философов (1910). М.: Либроком, 2012. 80 с.
3. Всемирная история: в 10 т. Т. 2: [История первобытного общества и древнего мира до IV–V вв. н. э.] / под ред. С. Л. Утченко и др. М.: Госполитиздат, 1956. 898 с.
4. Гармонический человек: из истории о гармонически развитой личности: сб. ст. / сост. П. С. Трофимов. М.: Искусство, 1965. 322 с.
5. Гудкова Н. Н. Идеал образованного человека как культурно-исторический феномен: автореф. ... дис. канд. филос. наук. Тюмень, 2006. 21 с.
6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / АН СССР, Ин-т философии; общ. ред. и вступ. статья А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. 620 с. (Филос. наследие).
7. Иванченко Г. В. Идея совершенства в психологии и культуре: монография. М.: Смысл, 2007. 255 с.
8. Марру А.-И. История воспитания в Античности (Греция): монография / пер. с фр. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1998. 431 с.
9. Марцинковская Т. Д. История возрастной психологии. М.: Гардарики, 2004. 288 с.
10. Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 2 / пер. с древнегреч.; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса; вст. ст. А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1970. 611 с.
11. Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3, ч. 1 / пер. с древнегреч.; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1971. 687 с.
12. Платон. Диалоги: сб. / пер. с древнегреч. С. Я. Шейнман-Тонштейн; сост., ред., вступ. ст. А. Ф. Лосева; прим. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1986. 607 с.
13. Помогайбин В. Н. История психологии: эволюция основ: монография. М.: Олма Медиа Групп, 2013. 520 с.
14. Робинсон Д. Н. Интеллектуальная история психологии: монография / пер. с англ. М.: Ин-т теологии и истории св. Фомы, 2005. 568 с.
15. Рожанский И. Д. Анаксагор. У истоков античной науки: монография. М.: Наука, 1972. 320 с.
16. Рыжов Б. Н. Системная психология: монография. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.

17. Рыжов Б. Н. История психологической мысли. Пути и закономерности. М.: ФЛИНТА, 2021. 352 с.
18. Скобелева В. А. Эволюция представлений о душе в культуре Древней Греции: дис. ... канд. культурологии. Нижневартовск, 2008. 130 с.
19. Стадничук Б. Сократ: учитель, философ, воин: монография. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 256 с.
20. Хейстад У. М. История души от Античности до современности: монография / пер. с норвеж. М.: Текст, 2019. 477 с.
21. Шабельников В. К. История психологии. Психология души. М.: Академический Проект; Мир, 2011. 391 с.
22. Ярошевский М. Г. История психологии: монография. М.: Мысль, 1966. 565 с.
23. Brickhouse T. C., Smith N. D. Socratic moral psychology: monograph. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 276 p.
24. Gerson L. P. Rational Souls // Plato's moral psychology: the International Plato society U. S. regional meeting. Ann Arbor: University of Michigan. 2012. P. 19.
25. Mackenzie M. M. Plato's moral theory // Journal of Medical Ethics. 1985. Vol. 11. P. 88–91.

References

1. Bazunov B. A. Bogi stadionov E'llady': monografiya [Gods of the stadiums of Hellas: monograph]. M.: Terra-Sport, 2002. 256 p.
2. Bobrov E. A. Psixologicheskie vozzreniya drevnix grecheskix filosofov (1910) [Psychological views of ancient Greek philosophers (1910)]. M.: Librokom, 2012. 80 p.
3. Vsemirnaya istoriya: v 10 t. T. 2: [Istoriya pervoby`tnogo obshhestva i drevnego mira do IV-V vv. n. e`.] [World history: in 10 vols. Vol. 2: [History of primitive society and the ancient world until the 4th–5th centuries A. C.]] / pod red. S. L. Utchenko i dr. M.: Gospolitizdat, 1956. 898 p.
4. Garmonicheskij chelovek: iz istorii o garmonicheski razvitoj lichnosti: sbornik statej [Harmonious man: from the history of a harmoniously developed personality: collection of articles] / sost. P. S. Trofimov. M.: Iskusstvo, 1965. 322 p.
5. Gudkova N. N. Ideal obrazovannogo cheloveka kak kul`turno-istoricheskij fenomen: avtoref. ...dis. kand. filosof. nauk [The ideal of an educated person as a cultural and historical phenomenon: author. ... dis. of the candidate of philosophical sciences]. Tyumen', 2006. 21 p.
6. Diogen Lae`rtskij. O zhizni, ucheniyax i izrecheniyax znamenity`x filosofov [Diogenes Laertes. On the life, teachings and sayings of famous philosophers] / AN SSSR, In-t filosofii; obshh. red. i vstupit. stat`ya A. F. Loseva. M.: My`sl', 1979. 620 p. (Filos. nasledie).
7. Ivanchenko G. V. Ideya sovershenstva v psixologii i kul`ture: monografiya [Idea of perfection in psychology and culture: monograph]. M.: Smy`sl, 2007. 255 p.
8. Marru A.-I. Istoriya vospitaniya v Antichnosti (Greciya): monografiya [History of education in Antiquity (Greece): monograph]. M.: «Greko-latinskij kabinet» Yu. A. Shichalina, 1998. 431 p.
9. Marcinkovskaya T. D. Istoriya vozrastnoj psixologii [History of developmental psychology]. M.: Gardariki, 2004. 288 p.
10. Platon. Sochineniya: v 3 t. T. 2 [Plato. Works: in 3 vols. Vol. 2] / per. s drevnegrech.; pod obshh. red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa; vst.st. A. F. Loseva. M.: My`sl', 1970. 611 p.
11. Platon. Sochineniya: v 3 t. T. 3, ch. 1 [Plato. Works: in 3 volumes. Vol. 3, part 1] / per. s drevnegrech.; pod obshh. red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa. M.: My`sl', 1971. 687 p.
12. Platon. Dialogi: sb. [Plato. Dialogues: collection] / per. s drevnegrech. S.Ya. Shejnman-Tonshtejn; sost., red., vst.st. A. F. Loseva; prim. A. A. Taxo-Godi. M.: My`sl', 1986. 607 p.
13. Pomogajbin V. N. Istoriya psixologii: e`volyuciya osnov: monografiya [History of psychology: the evolution of the foundations: a monograph]. M.: Olma Media Grupp, 2013. 520 p.
14. Robinson D. N. Intellektual`naya istoriya psixologii: monografiya [Intellectual history of psychology: monograph]. M.: In-t teologii i istorii sv. Fomy', 2005. 568 p.
15. Rozhanskij I. D. Anaksagor. U istokov antichnoj nauki: monografiya [Anaxagoras. At the origins of ancient science: monograph]. M.: Nauka, 1972. 320 p.
16. Ry`zhov B. N. Sistemnaya psixologiya: monografiya [Systems psychology: monograph]. M.: T8 Izdatel'skie Texnologii, 2017. 356 p.

17. Ry`zhov B. N. Istorija psixologicheskoy my`sli. Puti i zakonomernosti [History of psychological thought. Ways and patterns]. M.: FLINTA, 2021. 352 p.
18. Skobeleva V. A. E`volyuciya predstavlenij o dushe v kul`ture Drevnej Grecii: dis. ...kand. kul`turologii [The evolution of ideas about the soul in the culture of Ancient Greece: dis. ... candidate of cultural sciences]. Nizhnevartovsk, 2008. 130 p.
19. Stadnichuk B. Sokrat: uchitel`, filosof, vojn: monografiya [Socrates: teacher, philosopher, warrior: monograph]. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2015. 256 p.
20. Xyojstad U. M. Istorija dushi ot Antichnosti do sovremennosti: monografiya [History of the soul from Antiquity to the present: monograph]. M.: Tekst, 2019. 477 p.
21. Shabel`nikov V. K. Istorija psixologii. Psixologiya dushi [History of psychology. Psychology of the soul]. M.: Akademicheskij Proekt; Mir, 2011. 391 p.
22. Yaroshevskij M. G. Istorija psixologii: monografiya [History of psychology: monograph]. M.: My`sli`, 1966. 565 p.
23. Brickhouse T. C., Smith N. D. Socratic moral psychology: monograph. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 276 p.
24. Gerson L. P. Rational Souls // Plato's moral psychology: the International Plato society U. S. regional meeting. Ann Arbor: University of Michigan. 2012. P. 19.
25. Mackenzie M. M. Plato's moral theory // Journal of Medical Ethics. 1985. Vol. 11. P. 88–91.

УДК 316.6

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.10

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТИПОЛОГИЯХ

Д. Л. Хилханов,
МГПУ, Москва,
khilkhanovdl@mgpu.ru

Системный подход активно применяется в социологии при исследовании сложных многофакторных социальных процессов и феноменов. Одним из актуальных направлений применения системного подхода является построение типологий и различных классификаций. В настоящей работе представлен анализ классификационных факторов современных культурных типологий.

Самой известной классификацией культурных различий является типология культурных измерений Г. Хофстеде. Автор обработал обширную базу данных социологического опроса и разместил исследуемые страны в пространстве шести факторов, которые основываются на определенных культурных ценностях. При этом выбранная классификация по странам подчеркивает их национальную детерминированность. В целом представленные этнометрические признаки являются сложносоставными компонентами культурной идентичности и отражают системный подход в исследованиях традиционных ценностей. Такую методологию используют Р. Инглхарт и Л. Харрисон. Для многолетнего изучения динамики изменения всемирных ценностей Р. Инглхарт рассматривал такие критерии, как традиционные — секулярно-рациональные ценности, и ценности выживания — самовыражения. В случае с типологией Р. Инглхарта прослеживается применение всего двух многокомпонентных факторов, что значительно упрощает визуальную презентацию культурных различий в графическом выражении.

Именно возможности системного подхода позволяют оценить степень культурных различий между социумами посредством количественных параметров. Подводя итоги, можно сказать, что системный подход является наиболее репрезентативной методикой, поскольку позволяет представить многообразие вариаций культурной идентичности в малом количестве факторов.

Ключевые слова: системный подход; количественные параметры; культурные типологии; культурная идентичность; факторы.

Для цитаты: Хилханов Д. Л. Системный подход в современных культурных типологиях // Системная психология и социология. 2022. № 2 (42). С. 105–111. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.10

Хилханов Доржи Львович, доктор социологических наук, доцент, профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: khilkhanovdl@mgpu.ru

ORCID:0000-0002-9382-7757

THE SYSTEM APPROACH
IN MODERN CULTURAL TYPOLOGIES

D. L. Khilkhanov,
MCU, Moscow,
khilkhanovdl@mgpu.ru

The system approach is actively used in sociology in the study of complex multifactorial social processes and phenomena. One of the relevant areas of application of the system approach is the construction of typologies and various classifications. This paper presents the analysis of the classification factors of modern cultural typologies. The most famous classification of cultural differences is the typology of cultural dimensions by G. Hofstede. This author has processed an extensive database of a sociological survey and placed the studied countries in the space of six factors that are based on certain cultural values. At the same time, the chosen classification by countries emphasizes their national determinism. In general, the presented ethnometric features are complex components of cultural identity and reflect a system approach in the research of traditional values.

This methodology is used by R. Inglehart and L. Harrison. For a longterm study of the dynamics of changes in world values, R. Inglehart considered such criteria as: traditional — secular-rational values, and values of survival — self-expression. In the case of R. Inglehart's typology, the use of only two multicomponent factors, which greatly simplifies the visual presentation of cultural differences in graphic expression is traced. It is the capabilities of the system approach that allow us to assess the degree of cultural differences between societies through quantitative parameters. Summing up, we can say that the system approach is the most representative method, since it allows us to present a variety of variations of cultural identity in a small number of factors.

Keywords: system approach; quantitative parameters; cultural typologies; cultural identity; factors.

For citation: Khilkhanov D. L. The system approach in modern cultural typologies // Systems Psychology and Sociology. 2022. № 2 (42). P. 105–111. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.10

Khilkhanov Dorzhi Lvovich, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the All-University Department of Philosophy and Social Sciences of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: khilkhanovdl@mgpu.ru

ORCID:0000-0002-9382-7757

Введение

В социологии системный подход изменялся уже родоначальниками науки [5], на современном этапе он активно применяется при исследовании сложных многофакторных социальных процессов и феноменов [1]. Одним из актуальных направлений применения системного подхода является построение типологий и различных классификаций. Классификация разнородных объектов по ограниченному количеству факторов является наглядным примером системного подхода и позволяет проанализировать большое количество признаков-характеристик социального явления в малом количестве факторов.

Современные процессы социально-экономической, политической и культурной

модернизации приводят к росту межкультурного взаимодействия. Данные процессы описываются сегодня через построение различных этнометрических типологий. Результаты данных классификаций являются актуальными, активно используются в научных гуманитарных исследованиях, применяются в международной деловой коммуникации и менеджменте, при анализе практических аспектов межкультурной коммуникации, в разного рода политических проектах и концепциях, в маркетинговых, рекламных проектах и т. д. Данные классификации по своей сути являются количественными моделями, и построены в результате многомерного анализа. В настоящей работе проводится анализ классификационных факторов современных культурных типологий.

Классификационные факторы современных культурных типологий

Показатели уровня экономического развития наиболее часто использовались для классификации общественных структур: самым известным примером является формационная теория К. Маркса, который, как известно, не относил культурные факторы к детерминирующим. Подобная одномерная типологизация обществ, от традиционных до современных, вполне соответствовала классической научной концепции Нового времени. Во второй половине XX в. как результат кризиса концепции европоцентризма, окончательного распада колониальной системы, развития понятийного аппарата межкультурной коммуникации происходят первые попытки создания исключительно культурных типологий. Американский антрополог Эдвард Т. Холл, один из первых авторов в области межкультурной коммуникации, разделял культуры в коммуникационном аспекте на высококонтекстные и низкоконтекстные [9: с. 24]. В целом он рассуждал о традиционных восточных, которые он определял как высококонтекстные, и более современных западных, которые он относил к низкоконтекстным, культурах. Данная типология являлась одномерной и поэтому не могла учитывать многие значимые факторы культурных различий.

В дальнейшем американские социологи А. Инкелес и Д. Левинсон [18] определили несколько признаков для классификации культурных систем: «1) отношение к власти; 2) представление личности о себе, включая индивидуальные представления о маскулинности и фемининности; 3) первичные дилеммы и конфликты, а также способы разрешать их, включая контроль агрессивности, выражение/сдерживание чувств» [8: с. 14]. Эта работа стала теоретической предпосылкой для создания наиболее известной классификационной модели — типологии культурных изменений Г. Хофстеде [14]. Автор в 1970-е гг. обработал обширную базу данных социологического опроса — анкетирования сотрудников корпорации IBM (40 стран, 116 000 служащих) — с использованием корреляционного и факторного анализа. Он применял корреляционный анализ для поиска взаимосвязей 32 основных

показателей сначала на индивидуальном уровне, затем на уровне отдельных стран. Проведя факторный анализ имеющейся базы данных по 32 ценностным параметрам, исследователь выявил следующие наиболее актуальные проблемы у работников корпорации IBM: «1) зависимость от старших по должности; 2) потребность в наличии правил и предсказуемости, что также связано с нервным напряжением; 3) равновесие между личными целями и зависимостью от компании; 4) равновесие между ценностями — личностными и общественными (например, сотрудничеством и приятным жизненным окружением)» [8: с. 17].

На основе изучения данных проблем он определил четыре основных культурных фактора для своей классификации, которые были названы следующим образом: «дистанцированность власти» (Power Distance Index), «избегание неопределенности» (Uncertainty Avoidance), «индивидуализм/коллективизм» (Individualism), «маскулинность/фемининность» (Masculinity). В дальнейшем, по итогам опросов в азиатских странах, был добавлен пятый фактор — «долгосрочная / краткосрочная временная ориентация» (Long Term Orientation) [12]. В начале XXI в. был добавлен шестой фактор — «потворство желаниям / сдержанность» (Indulgence), — но материалов по данному показателю на сегодняшний день сравнительно мало.

Исследуемые страны Г. Хофстеде разместил в пространстве данных шести количественных факторов (каждый фактор оценивается от 0 до 120, что считается неудобным для количественной презентации и последующей интерпретации). Эти факторы основываются на определенных культурных ценностях, и выбранная Г. Хофстеде классификация по странам подчеркивает их национальную детерминированность [11: с. 56]. Именно культурные характеристики, ценности, традиции и обычаи страны определяют факторные веса каждого признака для определенной страны. В целом эти этнометрические признаки являются сложносоставными компонентами культурной идентичности и отражают системный подход в исследованиях традиционных ценностей [4: с. 159].

В 1990–2002 гг. Г. Хофстеде провел еще шесть крупных анкетных опросов в 14 странах, которые подтвердили результаты данной

типологии [13: с. 35]. Таким образом, его методика доказала свою валидность, и результаты его анализа культурных различий считаются до сих пор актуальными, несмотря на то что эмпирические исследования проходили достаточно давно, по меркам социологии.

В своих работах Г. Хофстеде признавал приоритет традиционных культурных ценностей. «Социальные, национальные или гендерные культуры, которые прививаются с раннего детства, имеют гораздо более глубокие корни в человеческом сознании, чем культуры профессиональных групп, обретаемые с образованием, либо чем различные организационные культуры, приобретаемые во время трудовой деятельности» [8: с. 10–11].

Следующая классификация создана в рамках Всемирного исследования ценностей¹. Данное исследование является самым масштабным социологическим опросом в мире с 1980-х гг., и его выводы по 120 странам мира считаются репрезентативными. Последний по времени, седьмой этап (волна) исследования завершился в 2020 г.

На основе социологической теории потребностей А. Маслоу Р. Инглхарт выделил материалистические и постматериалистические ценности. Респонденты оценивали по степени важности ценности по определенным шкалам. Для изучения всемирных ценностей автор размещает страны по следующим осям координат: традиционные/секулярно-рациональные ценности и ценности выживания/самовыражения [16: с. 104]. Фактор «традиционные/секулярно-рациональные ценности» в основном определяет роль традиций и религиозных основ в обществе. Фактор «ценности выживания/самовыражения» выявляет соотношение коллективизма/индивидуализма, авторитаризма/либерализма [17: с. 53]. Ценности самовыражения основаны на европейских демократических ценностях либерализма и индивидуализма, ценности выживания на идеях коллективизма и авторитаризма.

Традиционные/секулярно-рациональные ценности определялись следующим выбором:

1. Бог очень важен в жизни респондента.

2. Ребенку важнее научиться повиновению и религиозным верованиям, чем независимости и решительности.

3. Аборты не допустимы ни при каких обстоятельствах.

4. Респонденту свойственно сильное чувство национальной гордости.

5. Респондент склонен к сильному почтению власти.

Ценности выживания/самовыражения определялись следующим выбором:

1. Респондент уделяет первостепенное значение экономической и физической безопасности по сравнению с самовыражением и качеством жизни.

2. Респондент характеризует себя как не очень счастливого человека.

3. Респондент не подписывал петиций и не сделал бы этого в будущем.

4. Гомосексуализм не допустим ни при каких обстоятельствах.

5. Необходимо проявлять большую осторожность в вопросах доверия к людям [2: с. 81].

С точки зрения Р. Инглхарта, социально-экономическая модернизация, как правило, приводит к значительной трансформации культурных ценностей и по факту — к изменению культурной идентичности. В результате экономической модернизации последних лет большинство стран, участвующих во Всемирном исследовании ценностей под руководством Р. Инглхарта, демонстрируют постоянную тенденцию движения к ценностям самовыражения, что наглядно демонстрирует карта культурных ориентаций².

Следующую типологию, основанную на принципах системного подхода, разработал Л. Харрисон. Автор предлагает свою типологию культур, тяготеющих к прогрессу и противящихся ему, анализируя культуры по 25 параметрам, образующим четыре группы [3: с. 108].

I. Мировоззрение: 1) религия, 2) судьба, 3) ориентация во времени, 4) богатство, 5) знания.

II. Ценности, добродетели: 6) моральный кодекс, 7) житейские добродетели, 8) образование.

¹ World Values Survey site = Всемирный обзор ценностей: сайт. URL: worldvaluessurvey.org/wvs.jsp (дата обращения: 08.04.2022).

² Inglehart–Welzel Cultural Map [Электронный ресурс] // World Values Survey site. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 10.04.2022).

III. Экономическое поведение: 9) труд/достижения, 10) бережливость, 11) предприимчивость, 12) готовность к риску, 13) конкуренция, 14) новаторство, 15) продвижение вверх.

IV. Социальное поведение: 16) верховенство закона / коррупция, 17) радиус доверия и идентификации, 18) семья, 19) общественные связи (социальный капитал), 20) индивидуализм и коллективизм, 21) власть, 22) роль элит, 23) отношения между государством и церковью, 24) взаимоотношения полов, 25) рождаемость [6: с. 50–52].

Указанные факторы определяют культурный ресурс для успеха экономической модернизации в конкретной стране. Данная классификация в наиболее полном виде описала факторы культурной идентичности с точки зрения ценностных ориентаций этноса. Л. Харрисон подчеркивает определяющую роль традиционных религиозных факторов как ценностно-содержательной составляющей и как формальной системы взаимоотношений светских и религиозных ценностей [6: с. 110].

Выводы

Применение системного подхода позволяет выявить особенности развития традиционных культурных форм. Авторы приведенных типологий рассматривают национальные культуры, выделяя наиболее важные обобщенные факторы как результат количественного анализа. Г. Хофстеде использует количественные измерения культурных различий. Р. Инглхарт строит систему координат, одной из осей которых выступает религиозно-секулярный фактор. Л. Харрисон в своей классификации анализирует все основные маркеры культурной идентичности с точки зрения их важности для экономического развития [10: р. 627]. Г. Хофстеде и Л. Харрисон отмечают приоритет культурных ценностей, их детерминирующую роль для экономики и менеджмента, Р. Инглхарт рассматривает свою типологию с точки зрения подтверждения своей концепции определяющего влияния процессов экономической модернизации на культуру и развитие демократии. При этом карта культурных ценностей демонстрирует

в динамике последних лет высокое влияние на страны традиционных (религиозных) ценностей. Так, например, Россия по данной шкале опустилась с относительно высокой позиции секулярных ценностей +1,3 в 1990 г. до +0,5 в 2020 г. в сторону традиционных (религиозных) ценностей³. Процессы глобализации в современном мире несомненно актуализируют феномен культурной идентичности, в первую очередь ее этнические аспекты. В целом рассмотренные нами типологии культурных измерений отражают факторы традиционной культурной идентичности, подчеркивая их актуальность для классификации стран. Несомненно, социальные и культурные дистанции между этносами имеют тенденцию к постепенному сокращению, что показывают данные семи массовых опросов Всемирного исследования ценностей с 1981 по 2020 г., но, с другой стороны, усиление религиозного фактора свидетельствует о сохранении традиций путем модификаций в гибридные культурные формы согласно концепции транскультурации.

Согласно принципам культурной диффузии, по аналогии с физическим одноименным процессом, в период усиления коммуникации в условиях модернизации происходит нивелирование культурных различий в процессе формирования единого экономического и социального пространства, в результате заимствования системы норм, ценностей, традиций и обычаев. В то же время в многонациональных и поликонфессиональных государствах этнические группы, как правило, актуализируют свою культурную идентичность. При этом наблюдается противостояние тенденций глобализации и локализации. В результате роста межкультурного и экономического взаимодействия возникают и феномен транснационализма и концепция транскультурации в противовес теориям аккультурации и ассимиляции [7].

Данные классификации являются наиболее известными этнометрическими моделями. Существуют также типологии других исследователей, но они носят более узкий

³ Inglehart–Welzel Cultural Map [Электронный ресурс] // World Values Survey site. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 10.04.2022).

и профессионально ориентированный характер [15: с. 26].

Заключение

Современные классификации Г. Хофстеде, Р. Инглхарта, Л. Харрисона построены на методологии системного подхода. Именно возможности данного подхода позволяют репрезентативно оценить степень культурных различий между социумами с учетом множества критериев. В случае с типологией Р. Инглхарта имеет место применение всего

двух многокомпонентных факторов, что значительно упрощает визуальную презентацию культурных различий в графическом выражении. Г. Хофстеде использовал в основном четыре фактора. Л. Харрисон сгруппировал 25 факторов в четыре группы. Подводя итоги, можно сказать, что применение системного подхода требует анализа большой базы количественных данных и поэтому является наиболее репрезентативной методикой для анализа культурных типологий, поскольку позволяет представить многообразие характеристик культурной идентичности в малом количестве факторов.

Литература

1. Антоновский Ю. А., Бараш Р. Э. «Система социологии» Питирима Сорокина и системно-коммуникативный подход // Мониторинг общественного мнения. 2021. № 6 (166). С. 528–549. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.1950
2. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
3. Интеллектуальный капитал и инновационное развитие региона: монография / под ред. И. Б. Тесленко [и др.]; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых; Финансовый ун-т при Правительстве РФ. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. 192 с.
4. Латова Н. В. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеде) // Вестник Института социологии. 2016. № 19. С. 155–179. DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433
5. Ткаченко А. В. Системный подход в работах О. Конта, Г. Спенсера и родоначальников социологической науки // Системная психология и социология. 2019. № 1 (29). С. 109–120. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.9
6. Харрисон Л. Х. Главная истина либерализма: Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. М.: Новое издательство, 2008. 282 с.
7. Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. Феномен культурной дистанции в современных условиях (языковые и религиозные факторы) // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2021. № 3 (39). С. 55–65. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06
8. Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2014. № 12. С. 9–49.
9. Hall E. T. *Beyond Culture*. New York et al.: Anchor Books, 1989. 298 p.
10. Abramson P. R., Harrison L. E., Huntington S. P. Culture matters: How values shape human progress // *Contemporary Sociology*. 2001. Vol. 30. Iss. 6. P. 627–628. DOI:10.2307/3089031
11. Hofstede G. *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. 2nd edition. Sage Publications, Inc. California, 2001. 596 p.
12. Hofstede G., Bond M. H. The Confucius connection: From cultural roots to economic growth // *Organizational Dynamics*. 1988. Vol. 16. Iss. 4. P. 5–21. DOI:10.1016/0090-2616(88)90009-5
13. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. *Cultures and organizations: Software of the mind*. 3d edition, revised and expanded. New York: McGraw-Hill, 2010. 561 p.
14. Hofstede G. Dimensionalizing cultures: the Hofstede model in context // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2011. Vol. 2. Iss. 1. DOI:10.9707/2307-0919.1014. URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8> (дата обращения: 08.04.2022).
15. *Culture, leadership, and organizations: the GLOBE study of 62 societies* / edited by R. J. House, P. J. Hanges, M. Javidan et al. Thousand Oaks California, 2004. 818 p.
16. Inglehart R. *Modernization and postmodernization: cultural, economic and political change in 43 societies*. Princeton: Princeton University Press, 1997. 453 p.
17. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, cultural change, and democracy: the Human Development*

Sequence. New York: Cambridge ed. University Press, 2005. 333 p. URL: <http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/6837/1/186.pdf> (дата обращения: 19.04.2021).

18. Inkeles A., Levinson D. J. National character: The study of modal personality and sociocultural systems // *The Handbook of Social Psychology*. 1969. Vol. 4. P. 418–506.

References

1. Antonovskij Yu. A., Barash R. E'. «Sistema sociologii» Pitirima Sorokina i sistemno-kommunikativny`j podxod [“The system of sociology” by Pitirim Sorokin and the system-communicative approach] // *Monitoring obshhestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion]. 2021. № 6 (166). P. 528–549. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.1950

2. Inglehart R., Vel`cel` K. Modernizatsiya, kul`turny`e izmeneniya i demokratiya: Posledovatel`nost` chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural changes and democracy: The sequence of human development]. M.: Novoe izdatel`stvo, 2011. 464 p.

3. Intellektual`ny`j kapital i innovacionnoe razvitie regiona: monografiya [Intellectual capital and innovative development of the region: monograph] / pod. red. I. B. Teslenko [i dr.]; Vladim. gos. un-t im. A. G. i N. G. Stoletovy`x; Finansovy`j un-t pri Pravitel`stve RF. Vladimir: Izd-vo VIGU, 2014. 192 p.

4. Latova N. V. Kul`turnaya specifiika rossiyan (e`tnometricheskij analiz na osnove koncepcii G. Xofsteda) [Cultural specificity of Russians (ethnometric analysis based on the concept of G. Hofstede)] // *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2016. № 19. P. 155–179. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.433>

5. Tkachenko A. V. Sistemny`j podxod v rabotax O. Konta, G. Spensera i rodonachal`nikov sociologicheskoy nauki [A systematic approach in the works of O. Comte, G. Spencer and the founders of sociological science] // *Sistemnaya psixologiya i sociologiya* [Systems Psychology and Sociology]. 2019. № 1 (29). P. 109–120. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.9

6. Xarrison L. X. Glavnaya istina liberalizma: Kak politika mozhet izmenit` kul`turu i spasti ee ot samoj sebya [The main truth of liberalism: How politics can change culture and save it from itself]. M.: Novoe izdatel`stvo, 2008. 282 p.

7. Xilxanova E`. V., Xilxanov D. L. Fenomen kul`turnoj distancii v sovremenny`x usloviyax (yazy`kovy`e i religiozny`e faktory`) [The phenomenon of cultural distance in modern conditions (linguistic and religious factors)] // *Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow State University. Series: Philosophical sciences]. 2021. № 3 (39). P. 55–65. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06

8. Xofstede G. Model` Xofstede v kontekste: parametry` kolichestvennoj xarakteristiki kul`tur [The Hofstede model in context: parameters of quantitative characteristics of cultures] // *Yazy`k, kommunikatsiya i social`naya sreda* [Language, Communication and Social Environment]. Voronezh, 2014. Iss. 12. P. 9–49.

9. Hall E. T. *Beyond Culture*. New York et al.: Anchor Books, 1989. 298 p.

10. Abramson P. R., Harrison L. E., Huntington S. P. Culture matters: How values shape human progress // *Contemporary Sociology*. 2001. Vol. 30. Iss. 6. P. 627–628. DOI: 10.2307/3089031

11. Hofstede G. *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. 2nd edition. Sage Publications, Inc. California, 2001. 596 p.

12. Hofstede G., Bond M. H. The Confucius connection: From cultural roots to economic growth // *Organizational Dynamics*. 1988. Vol. 16. Iss. 4. P. 5–21. DOI: 10.1016/0090-2616(88)90009-5

13. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. *Cultures and organizations: Software of the mind*. 3d edition, revised and expanded. New York: McGraw-Hill, 2010. 561 p.

14. Hofstede G. Dimensionalizing cultures: the Hofstede model in context // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2011. Vol. 2. Iss. 1. DOI: 10.9707/2307-0919.1014. URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8> (date accessed: 08.04.2022).

15. *Culture, leadership, and organizations: the GLOBE study of 62 societies* / edited by R. J. House, P. J. Hanges, M. Javidan et al. Thousand Oaks California, 2004. 818 p.

16. Inglehart R. *Modernization and postmodernization: cultural, economic and political change in 43 societies*. Princeton: Princeton University Press, 1997. 453 p.

17. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, cultural change, and democracy: the Human Development Sequence*. New York: Cambridge ed. University Press, 2005. 333 p. URL: <http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/6837/1/186.pdf> (date accessed: 19.04.2021).

18. Inkeles A., Levinson D. J. National character: The study of modal personality and sociocultural systems // *The Handbook of Social Psychology*. 1969. Vol. 4. P. 418–506.

Информация

Юбилей Галины Анатольевны Урунтаевой!

28 мая — юбилей доктора психологических наук,
профессора Галины Анатольевны Урунтаевой!

Галина Анатольевна — признанный специалист в области детской и педагогической психологии, а также истории психологии. На протяжении многих лет являлась профессором кафедры психологии и педагогики Московского государственного университета технологий и управления, главным научным сотрудником лаборатории психолого-педагогических основ развивающего дошкольного образования Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования.

Галина Анатольевна награждена нагрудным знаком «Почетный работник высшего образования России», медалью К. Д. Ушинского, ей присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы РФ». Она автор многих монографий и учебников, среди которых «Дошкольная психология» (1996), «Диагностика психологических особенностей дошкольника» (1996), «Психология дошкольника» (2000), «Психология изучения дошкольника воспитателем (история проблемы)» (2002). Ее книга «Детская психология» выдержала 11 изданий.

Редакция журнала поздравляет талантливого ученого, психолога и педагога Галину Анатольевну Урунтаеву с юбилеем, желает ей здоровья и творческого вдохновения!

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ЖУРНАЛА

«СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ», 2022, № 2 (42)

«SYSTEMS PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY» AUTHORS, 2022, № 2 (42)

РЫЖОВ Борис Николаевич — доктор психологических наук, профессор. Профессор кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии МГПУ. Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Москва (Россия).

RYZHOV Boris Nikolayevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor. Professor of the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Special Education and Psychology of the MCU. Laureate of the Russian Federation Government Education Award, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Moscow (Russia).

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

БЕЛЯЕВА Ольга Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент. Доцент кафедры непрерывного психолого-педагогического образования Ивановского государственного университета, Иваново (Россия).

BELYAeva Olga Alekseevna — PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Primary Education of the Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl (Russia).

E-mail: olga-alekseevna@mail.ru

БОГДАНОВА Валентина Евгеньевна — научный сотрудник лаборатории физиологии труда и профилактической эргономики Научно-исследовательского института медицины труда имени академика Н. Ф. Измерова, Москва (Россия).

BOGDANOVA Valentina Evgenievna — researcher at the Laboratory of Occupational Physiology and Preventive Ergonomics of the Izmerov Research Institute of Occupational Health, Moscow (Russia).

E-mail: salve7@yandex.ru

ДАНИЛОВА Юлия Николаевна — педагог-психолог школы № 1151, Москва (Россия).

DANILOVA Yulia Nikolaevna — teacher-psychologist of school № 1151, Moscow (Russia).

E-mail: ucklya1@rambler.ru

ДМИТРИЕВА Екатерина Владимировна — научный сотрудник лаборатории физиологии труда и профилактической эргономики Научно-исследовательского института медицины труда имени академика Н. Ф. Измерова, Москва (Россия).

DMITRIEVA Ekaterina Vladimirovna — researcher at the Laboratory of Occupational Physiology and Preventive Ergonomics of the Izmerov Research Institute of Occupational Health, Moscow (Russia).

E-mail: kativladi@list.ru

ДОНЦОВ Дмитрий Александрович — кандидат психологических наук. Доцент кафедры методологии психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва (Россия).

DONTSOV Dmitriy Aleksandrovich — PhD in Psychology. Associate Professor of the Department of Methodology of Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia).

E-mail: dontsov-junior@bk.ru

ЕКЖАНОВА Елена Анатольевна — доктор педагогических наук, профессор. Профессор кафедры логопедии Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва (Россия).

EKZHANOVA Elena Anatolyevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Speech Therapy at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow (Russia).

E-mail: ekjanovaea@mgpu.ru

ЕРМОЛОВА Екатерина Олеговна — кандидат психологических наук, доцент. Профессор кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск (Россия).

YERMOLOVA Ekaterina Olegovna — PhD in Psychology, Associate Professor. Professor at the Department of general psychology and history of psychology of Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk (Russia).

E-mail: shamka05@mail.ru

ЗАКРЕВСКАЯ Анна Александровна — научный сотрудник лаборатории физиологии труда и профилактической эргономики Научно-исследовательского института медицины труда имени академика Н. Ф. Измерова, Москва (Россия).

ZAKREVSKAYA Anna Alexandrovna — researcher at the Laboratory of Occupational Physiology and Preventive Ergonomics of the Izmerov Research Institute of Occupational Health, Moscow (Russia).

E-mail: sternwanderer@mail.ru

ИВАНОВ Денис Васильевич — кандидат педагогических наук, доцент. Доцент кафедры общей психологии и истории психологии НГПУ, Новосибирск (Россия).

IVANOV Denis Vasilievich — PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor. Associate Professor at the Department of general psychology and history of psychology of the NSPU, Novosibirsk (Russia).

E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

КОТОВА Ольга Викторовна — эксперт лаборатории социально-психологических исследований в образовании Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва (Россия).

KOTOVA Olga Viktorovna — Expert of the Laboratory of Social-and-Psychological Researches in Education at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow (Russia).

E-mail: KotovaOV@mgpu.ru

МЕДВЕДЕВА Елена Алексеевна — доктор психологических наук, профессор Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва (Россия).

MEDVEDEVA Elena Alekseevna — Doctor of Psychological Sciences, Professor at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow (Russia).

E-mail: medvedevaea@mgpu.ru

СЕРИКОВ Василий Васильевич — кандидат психологических наук, заведующий лабораторией физиологии труда и профилактической эргономики Научно-исследовательского института медицины труда имени академика Н. Ф. Измерова, Москва (Россия).

SERIKOV Vasily Vasilyevich — PhD in Psychology, Head of the Laboratory of Occupational Physiology and Preventive Ergonomics of the Izmerov Research Institute of Occupational Health, Moscow (Russia).

E-mail: vasilyy_serikov@mail.ru

СТРЕЛЕНКО Анна Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, Витебск (Республика Беларусь).

STRELENKO Anna Anatolyevna — PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of Psychology of the Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk (Republic of Belarus).

E-mail: strelenko@list.ru

ХИЛХАНОВ Доржи Львович — доктор социологических наук, доцент. Профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета, Москва (Россия).

HIKHKHANOV Dorzhi Lvovich — Doctor of Sociology, Associate Professor. Professor at the All-University Department of Philosophy and Social Sciences of the Moscow City University, Moscow (Russia).

E-mail: khilkhanovdl@mgpu.ru

ШЕВЧЕНКО Павел Владимирович — кандидат психологических наук, доцент Школы проектирования и образовательного предпринимательства, старший научный сотрудник лаборатории управления проектами Московского городского педагогического университета, Москва (Россия).

SHEVCHENKO Pavel Vladimirovich — PhD in Psychology, Associate Professor of the School of Design and Educational Entrepreneurship in the Institute of Law and Management, Senior Scientific Researcher of the Laboratory of Projects Management Moscow City University, Moscow (Russia).

E-mail: ShevchenkoPV@mgpu.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Журнал «Системная психология и социология» публикует оригинальные теоретические работы и исследования по проблемам системных описаний в психологии и социологии.

В научном журнале размещаются следующие виды работ:

- методологические и теоретические статьи;
- статьи, описывающие новый метод, тест, опросник и т. д.;
- эмпирические исследования;
- информационно-аналитические материалы;
- рецензирование статей, книг и т. д.

В зависимости от жанра статья должна иметь определенную структуру. Если статья описывает эмпирические исследования, новые методические приемы, тесты, опросники и т. д., то структура статьи включает следующие разделы: «Введение», «Методика», «Результаты и их обсуждение», «Выводы», «Заключение», «Литература».

Информационно-аналитические статьи, методические и теоретические статьи предполагают наличие таких разделов, как «Введение», «Результаты», «Выводы», «Заключение», «Литература».

В редакцию принимаются материалы объемом до одного авторского листа (не более 40 тыс. знаков с пробелами). Объем статей, подготовленных по заказу редакции, не ограничивается. Текст должен быть набран шрифтом *Times New Roman*, 14-м кеглем, через 1,5 интервала с выравниванием по ширине. Поля: слева — 2 см, справа — 1 см, верхнее и нижнее — по 2 см соответственно. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Заголовки разделов статьи печатаются шрифтом *Times New Roman*, полужирным, 14-м кеглем, без курсива, по центру столбца. В конце заголовков разделов точка не ставится (например, Результаты).

Заголовок статьи оформляется по образцу: название (по центру страницы, заглавными буквами, полужирным шрифтом, 14-й кегль, не более 7 слов, без точки в конце названия).

Ниже — инициалы и фамилия автора. Например: И. И. Иванов.

Укажите также, пожалуйста, **уникальный номер ORCID каждого из авторов**.

Статья должна начинаться с расширенной аннотации (не менее 200 и не более 250 слов, или 1600–1850 знаков с пробелами), в которой полностью раскрывается структурная логика статьи, включая разделы «Введение», «Методология и методика исследования», «Результаты исследования», «Заключение».

После аннотации указывается перечень ключевых слов (5–10 слов). Ключевые слова отделяются друг от друга точкой с запятой. Текст аннотации набирается прямым (без курсива) шрифтом с точкой в конце.

Название статьи, равно как и аннотация, ключевые слова, обязательно предоставляется с переводом на английский язык.

Библиографические ссылки при цитировании приводятся в конце статьи в алфавитном порядке на русском и английском языках. Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках (например: [15: с. 140]), где первая цифра означает порядковый номер из списка литературы, а вторая — номер страницы источника (если это цитата)).

Упоминание всех персоналий в тексте статьи обязательно с инициалами.

В списке литературы желательно указывать **не менее 20 источников**. Из них, желательно, чтобы **половина была на английском языке**, при этом **цитируемые источники** (как русскоязычные, так и англоязычные, индексируемые в РИНЦ, Scopus и WoS) — это издания **за последние 5 лет**. Также следует указывать DOI для тех источников, у которых он есть (о наличии DOI можно узнать по ссылке: <http://search.crossref.org/>) и на которые есть ссылки

в тексте статьи. При упоминании (ссылке) на источники более раннего года выпуска эти источники указываются в постраничной сноске (внизу листа со сквозной нумерацией) и в список литературы эти ссылки не включаются. Количество ссылок на работы автора статьи должно быть ограничено одним-двумя источниками, при ссылке на работы других авторов допускается упоминание двух-трех источников.

Рисунки, графики, схемы нельзя сканировать, они должны выполняться в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения. К статье отдельно прилагаются файлы с рисунками, графиками в таком формате, чтобы легко можно было внести правки согласно требованиям публикации.

К статье необходимо приложить следующие сведения об авторе: фамилия, имя и отчество полностью; ученая степень и звание; место работы и должность; контактный телефон и адрес электронной почты, подписанное фото каждого автора 3 × 4 (в формате *.jpg). Сведения об авторе (кроме контактных данных) должны быть представлены на русском и английском языках.

Рецензирование проходит в период от одного до трех месяцев. Решение о публикации принимается на основе результатов рецензирования редколлегией. В случае положительного решения публикация происходит в порядке очередности поступления материалов в редакцию.

Материалы предоставляются как по электронной почте журнала: systempsychology@mgpu.ru, так и в распечатанном виде (+ копия статьи на диске в электронном формате *.doc. Word 2000, 2003 (и выше)) в Институте психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

Адрес редакции журнала: 127287, Москва, Петровско-Разумовский пр., д. 27.

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Телефон: 8 (495) 612-67-16

AUTHOR GUIDELINES

An article should ordinarily not exceed 40 000 of signs, including references and tabular material. It should be typed in standard Times New Roman 11 print, with 1 line spacing in MS Office files (Word 2000, 2003 and etc.). Exceptions may be made with prior approval of the Editor in Chief.

It is authors' responsibility to ensure their reviews are comprehensive and as up to date as possible so the data are still current at the time of publication.

Article Structure

Abstract

A concise and factual abstract is required (**not exceeding 200–250 words**). The abstract should state briefly the introduction, purpose of the research, research methods, the principal results and major conclusions. References here should be avoided.

Keywords

Immediately after the abstract, provide a maximum of **5–10 keywords**. Be careful with abbreviations: only abbreviations firmly established in the field may be eligible.

Introduction

Research methods

Results and discussion

Conclusion

Literature (**at least 20 references or more and over the last 5 years predominantly**). As the author of your research article, you should refer to your own works not more than twice, but in so doing every other authors of the works you need to refer should be cited not more than twice or three times.

Graphical Abstract and Tables

A graphical abstract is optional, its use is encouraged as it draws more attention to the article. The graphical abstract should summarize the contents of the article in a concise, pictorial form designed to capture the attention of a wide readership. Graphical abstracts should be submitted as a separate file via email. The image should be readable using a regular screen resolution. Preferred file types: *.tiff, *.pdf or MS Office files. Please submit tables as editable text and not as images. Tables can be placed either next to the relevant text in the article, or on separate page(s) at the end. Number tables consecutively in accordance with their appearance in the text and place any table notes below the table body.

Every author should send the following information: his full surname, name, his academic status and degree; his unique **ORCID identifier**, the place of his work and information about the post he takes; contact information, including e-mail and his photo 3 × 4 (Preferred file types: *.tiff, *.jpg).

Contact Details for Submission

Authors are requested to submit their articles and contact details electronically via e-mail: systempsychology@mgpu.ru. Authors also should remember to supply the names and contact details of all co-authors, mentioned in the article.

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Tel.: 8 (495) 612-67-16

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

2022

№ 2 (42)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1

Телефон: + 7 (499) 181-50-36

Подписано в печать: 00.08.2022 г.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Объем 7,5 печ. л. Тираж 1000 экз.